

ГРИГОРИЙ УСЫСКИН

В БЫЛОЕ-

ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ЛЕТ

Издательство «Детская литература»

ГРИГОРИЙ УСЫСКИН

В БЫЛОЕ- ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ЛЕТ

Андрею
Сеченову

На память
о 30-летии
предшественника
Кремля,
свершения
от алого

[Signature]
22. июля 1987

рассказы
о путешествиях
и поисках
юных ленинцев

Бывший барабанщик
— ветеран войны
и — лейтенант
и — следователь,
ныне — поэт

[Signature]

ЛЕНИНГРАД
• ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1987

Научно-художественная литература

Научный рецензент
доктор исторических наук
Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ

Рисунки и оформление
Л. БИРУЛИ

Автор, художник и юные краеведы — участники поисков и путешествий посвящают эту книгу славному юбилею Ленинградского Дворца пионеров им. А. А. Жданова.

УМОМ И СЕРДЦЕМ...

Советская лениниана для детей и юношества пополнилась еще одним произведением литературы. Григорий Усыскин продолжает эстафету, начатую им пять лет назад книгой «Поиск доверен юным», изданную Ленинградским отделением издательства «Детская литература». И первая и вторая работа — явление своеобразное и в чем-то неповторимое. Секрет в том, что они выкристаллизовались, выросли из поиска как результат целеустремленного исследования, которое вот уже почти три десятилетия ведет их автор вместе с красными следопытами.

Хотелось бы отметить, что Григорий Усыскин успешно сочетает работу педагога — руководителя краеведов Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова, серьезного исследователя-историка, кандидата исторических наук, и опытного литератора. Такое сочетание помогло автору написать книгу достоверную и познавательную.

Каждый день жизни Ленина, каждый факт биографии вождя революции и его соратников не должны и не могут быть затеряны. Именно поэтому находки следопытов представляют интерес не только сами по себе, но как заметный вклад в нашу историю, без которого не воссоздать во всей полноте картину славного революционного прошлого.

Позволю себе привести один пример. Из биографии В. И. Ленина, из истории нашей партии хорошо известно, что Владимир Ильич неоднократно приезжал в Териоки (ныне город Зеленогорск), где руководил конференциями петербургских большевиков. Почти пять десятилетий считалось, что неумолимое время и, особенно, военные действия на этой территории не пощадил исторических зданий. Как будто от них не осталось и следов. Между тем тщательное исследование, проведенное следопытами, представленные доказательства заставляют нас изменить сложившееся мнение и сделать иной вывод — одно из таких памятных ленинских мест в Зеленогорске сохранилось. Это — дом у залива, принадлежавший финскому прогрессивному деятелю Микко Уотинену. Именно здесь Владимир Ильич выступал на партийных конференциях.

В последние годы ленинградские следопыты расширили сферу своих поисков и путешествуют не только по Карельскому перешейку.

Их маршруты прошли по Вологодской земле, они поднимались к заоблачным перевалам Тянь-Шаня. Зачем же они отправились туда? О прошлом и настоящем бывшей Тихвинской водной системы, первой на карте страны названной именем Ленина еще в 1918 году, рассказывает походный дневник. Несомненно, читателей не оставит равнодушной и экспедиция туристов-краеведов по пути юного Михаила Фрунзе, гимназиста и отчаянного любителя путешествий.

Внимательно прочтите книгу, и вы узнаете, как нелегко найти и обосновать исторические факты. Они редко лежат на поверхности. Великих усилий стоит «добыча» нужных сведений. Чаще всего для этого требуются даже не месяцы, а годы. И вместе с тем ценность представляют не только и не столько открытия, научные выводы или итоги экспедиций. Куда важнее для ребят сам процесс поиска или похода, путь самостоятельного осмысления увиденного и найденного. Книга приглашает читателя подумать, понять и почувствовать, что следопытский поиск не игра, не развлечение, а серьезное и важное дело. Каждый из рассказов Григория Усыскина может служить образцом, если хотите, своеобразным пособием по методике поиска.

Несколько слов о фактической стороне книги. Ее достоверность не вызывает сомнений: автор опирается на такие авторитетные издания, как «Биографическая хроника В. И. Ленина», «Ленин в Петербурге — Петрограде», на архивные документы и воспоминания участников событий. Больше того, деятельность коллектива следопытов под руководством Г. С. Усыскина уже многие годы направляется и корректируется сотрудниками Института истории партии Ленинградского обкома КПСС и Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Результаты успешно завершившихся предыдущих поисков следопытов Дворца пионеров имени А. А. Жданова отмечены в книге Института истории партии «Ленин в Петербурге — Петрограде».

Хочется надеяться, что новая книга Григория Усыскина «В былое — для грядущих лет» будет не только интересной для чтения, но и полезной, особенно тем, кто любит историю и считает себя следопытом.

Остается сказать: дерзайте, ищите! Я обращаюсь к вам, юные ленинцы, комсомольцы-школьники. Не верьте тем, кто говорит, что в истории все давно известно и открыто. Вы сами убедитесь, внимательно прочитав книгу, как много удалось узнать следопытам Дворца пионеров и других школ Ленинграда, но еще осталось достаточно невыясненных фактов и обстоятельств в богатой событиями жизни В. И. Ленина, в многотрудной деятельности его товарищей по борьбе. Их жизнь — мера высоких человеческих достоинств.

Вам предстоит изучать и продолжать революционные традиции старших поколений. Это завещал нам Ленин. 7 ноября 1918 года при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции Владимир Ильич сказал: «Перед их памятником дадим клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму». Всегда помните эти слова Ленина. Умом и сердцем постигайте революцию!..

Т. БОНДАРЕВСКАЯ,
доктор исторических наук

ИСТОРИЯ- всегда разведка

ДОМ У ЗАЛИВА

Дачники поневоле

Душный субботний июльский день 1907 года. Дачный сезон в разгаре. У широкого деревянного перрона станции Териоки останавливается переполненный пассажирами столичный поезд. Больше всего людей в вагонах 3-го класса, и это неудивительно. Хотя сидеть и тесновато, но зато самые дешевые билеты. В эту субботу приехало много петербургских мастеровых. Они держатся группами, о чем-то спорят, жестикулируют, видимо продолжая начатый в дороге разговор.

Рабочий люд нетрудно отличить от прочих пассажиров, приехавших в более комфортабельных и дорогих вагонах 1-го и 2-го классов. Кроме того, дачники в светлых коломнянковых или полотняных костюмах свободного покроя, а рабочие — в темных рубашках-косоворотках, у некоторых пиджаки накинута на плечи. Нельзя не обратить внимание и на руки мастеровых — сильные, натруженные, темные. Это особенно заметно у металлистов и печатников. После рабочего дня им не удастся до конца смыть металлическую пыль и типографскую краску. Не помогает в этих случаях даже жесткая щетка с керосином. Вот и накапливается изо дня в день, приобретается из года в год своеобразный «рабочий загар».

Кому же был досуг так пристально всматриваться в фигуры прибывших пассажиров, приглядываться к мелочам и деталям их одежды и внешности? Неужели это могло кого-то заинтересовать? Представьте, находились такие «любопытные» и было их в ту пору на станции немало. Сами они старались на глаза не попадаться. Любопытство являлось сутью их профессии, а профессия называлась по-разному — шпик, филер или, если по штатному расписанию, тайный агент наружного наблюдения петербургской охранки. Всех подозрительных, с их точки зрения, они старались запоминать в лицо. Успевали записывать в книжечку особые приметы, придумывали клички, пытались, по возможности, проследить, кто куда направляется, в какую сторону, на какую дачу.

Только на всех рабочих, приехавших в Териоки в этот субботний день, филеров не хватало, да и развернуться, как бы им хотелось, не

давали местные жители — простые финны. Не любили они эту породу людей и не скрывали своей неприязни. Больше того, не жаловали их даже коллеги — финские полицейские. Поэтому и озирались по сторонам шпики, старались прятаться в тени станционных строений, боялись на скандал нарваться, а то и на тумачи. Такая непростая обстановка складывалась в то время в Териоках и в других населенных пунктах Финляндии. Кто тут был ловцами, кого ловили?

Пассажиры в белых коломянковых костюмах усаживались в брички — легкие рессорные экипажи и через десять минут на привокзальной площади людей оставалось мало. Приезжие попроще, перейдя железнодорожные пути, направлялись по Большой дороге к центру поселка. Постепенно группы ручейками растекались в боковые переулки. Не слишком широкая, зажатая магазинами, дачами, глухими заборами центральная улица приводила к дороге, которая тянулась параллельно заливу на много километров. На разных отрезках ее называли по-разному: Куоккальская дорога, Келломакское шоссе, Церковная улица.

Последнее название было связано с тем, что здесь, на перекрестке улиц, самым заметным зданием была деревянная церковь. В этот день сюда с разных улочек и переулков подходили приехавшие на поезде питерские рабочие. В одном из домов, совсем недалеко от церкви, им предстояло участвовать в конференции. Почему же для партийных конференций было выбрано такое необычное место?

Царское правительство, разгромив Декабрьское вооруженное восстание в Москве, подавив выступления рабочих в других городах

страны, начало кровавую расправу над участниками революционных событий. Полиция преследовала любые собрания, а с их участниками расправлялись жестоко. Вот тогда большевики и выбрали Териоки для проведения общегородских конференций Петербургской организации РСДРП. Где, как они проходили? Что на них обсуждалось? Все чрезвычайно важно уже потому, что в заседаниях конференции принимал участие Владимир Ильич Ленин. Здесь он встречался со многими питерскими рабочими, представителями партийных организаций столичных фабрик и заводов.

Совершенно естественно возник вопрос: в каком здании все это происходило? Куда направлялись рабочие в тот субботний июльский день? Можно ли сегодня посетить это памятное место? Ведь, как известно, бывшие Териоки — это курортный город Зеленогорск.

В том-то и загвоздка, никто этого не знает и показать не может. Потому и задумали следопыты Дворца пионеров имени А. А. Жданова начать такой поиск.

Кто он, Микко Уотинен?

В жандармских донесениях из Выборга часто мелькали одни и те же фамилии финнов, постоянно проживающих в Териоках. Чаще других в полицейских документах упоминался Микко Уотинен, которого не слишком внимательные писари перекрестили на свой лад — Оттенен. Главное, конечно, не фамилия, а причина навязчивого внимания к его персоне.

Чем же так заинтересовал Микко Уотинен местных и столичных полицейских и что заставило пристально присмотреться к нему? Это станет ясно, если познакомимся с одним из донесений петербургской охраны: «...для реорганизации всей Петербургской организации социал-демократов 25 минувшего марта в Териоках на даче Оттенена по Церковной улице состоялась общегородская конференция в составе 136 человек под председательством Ленина».

Агенты охраны доносили, что чаще всего заседания петербургских социал-демократов под руководством их лидера Владимира Ульянова проходили на даче, принадлежавшей Уотинену.

Собрали первые сведения о Микко Уотинене. Фамилию все наши ребята запомнили, а что дальше? Возникли, по крайней мере, два вопроса. Первый: кто же он такой, Микко Уотинен, если в его доме часто бывал Ленин? Второй: где находится это историческое здание? Ведь каждое памятное ленинское место — достойные истории.

Как искать, у кого спрашивать, в каких книгах об этом написано? Сначала направились в справочный отдел Публичной библиотеки имени Н. Е. Салтыкова-Щедрина. Все отделы как отделы, а в справочный подъем по крутым маршам лестницы, похожей на корабельный трап. Она приводит к тяжелой металлической двери с массивным кольцом вместо ручки. В комнате для читателей только один стол — но какой! За ним, обложившись справочниками, энциклопедиями, библиографическими изданиями, сидят одновременно пятнадцать, а то и двадцать человек.

Церковь в Териоках
вблизи от места
конспиративных встреч.

Примостились у краешка стола и мы. Осматриваемся, ждем очереди, когда можно будет задать вопрос библиотекарю.

— Пожалуйста, — обращаются к нам. — Что вас интересует?

— Нас интересует Микко Уотинен, — объясняем мы. — Где о нем прочесть? Есть ли такие книги?

Дежурный записывает непривычную фамилию на листке и уходит в другую комнату. Как мы успели заметить, там расставлены ящики с картотекой. Проходит время. Ждем.

— Нет, ничем вам помочь не могу, — говорит возвратившийся дежурный. — Данными об Уотинене не располагаем. Попробуйте еще пройти к библиографу по историческим наукам.

Пошли, конечно. Любезный и благожелательный библиограф в зале для научной работы по истории сидит за высоким барьером в окружении справочных изданий. После некоторых поисков, он тоже разводит руками.

— Увы, вероятно, на этот вопрос в Публичной библиотеке ответа вам не найти...

Если нет в Публичной библиотеке, будем искать в Выборгском архиве. Нам много раз уже помогали там в безвыходных, казалось, положениях.

Через неделю начинались зимние каникулы. Созвонившись предварительно с выборжанами, отправляемся к ним в гости. Принимают нас, как всегда, в помещении Дома пионеров. Это старинное, тесное для детского учреждения здание находилось тогда еще в самом центре города — на Красной площади. Позже Дому пионеров отдали просторное помещение школы-интерната.

Всегда устраивались со своими спальными мешками в так называемом театральном зале, а в этот раз, поскольку еще не закончились новогодние праздники и в центре зала стояла украшенная игрушками елка, нам временно предоставили на ночь гардероб.

Гардероб так гардероб — ничего страшного. Вполне удобно, если, скорчившись, «вписываешься» по длине между двумя соседними вешалками. Получается нормальное «прокрустово ложе». Наиболее изобретательные начали искать варианты своего устройства на ночлег. Кто-то из мальчишек решил использовать для этой цели крючки от вешалок. Он ухитрился подвеситься вместе со спальным мешком. Вроде гамака получилось. Правда, утром его нашли на полу в самом углу нашего номера «гостиницы». Он лежал в одиночестве, свернувшись вместе с мешком, наподобие улитки.

Бытовые «особенности» обитания ничуть не повлияли на наше боевое настроение. Наоборот. Все рвется в архив. «Искать и найти» — наш девиз.

Но что делать, если нужный документ имеется, а смысл его понять не можешь. Просто языка не знаешь, на котором он написан. Хоть и не «китайская грамота», а финский текст, но тоже — попробуй прочти.

Вот тут на помощь нам и пришла сотрудница архива Эльза Матвеевна Риор. Сколько она с нами за столом просидела, просматривая «входящие» да «исходящие» бумаги, — никаким подсчетом не поддается. Без нее ничего бы не узнали. Какое-то — «прочитать», просто отобрать нужный документ не смогли бы.

Благодаря Эльзе Матвеевне, ее коллеге Анастасии Федоровне Осейковой, директору архива Вере Ивановне Адаскиной, тоже прекрасно владеющей финским языком, постепенно добивались до истины.

Десятки архивных дел в папках и футлярах, сотни документов. Официальные и неофициальные. Тайные, единственные и тиражированные. Прекрасной сохранности и поблекшие, порванные, но восстановленные опытной рукой. В них — неизвестные события, людские судьбы, знания, опыт, мудрость прошлого.

Документы щедро раскрывают людям никому не известные замыслы, планы, открытия и передают их по эстафете потомкам. Они — неиссякаемый источник исторической информации.

Для начала нам посоветовали просмотреть картотеку адресного бюро, где собраны сведения о личностях, постоянно проживавших в местностях Выборгской губернии. Сотни и сотни плотных карточек светло-серого картона. И это только на жителей Териок. На букву «у» — солидная пачка. Перебираем медленно, вглядываясь в нелегкие для быстрого чтения финские фамилии. Вот она, та самая карточка, которую мы ищем. Некоторые слова разобрали сами, догадались по смыслу, а трудные фразы попросили разъяснить сотрудников музея. Общими усилиями сумели прочесть, перевести и переписать в тетрадь.

Уотинен Микко Юха

Род занятий - литератор. Подданство - финское.

Место рождения - Териоки.

Год рождения - 27 марта 1885 года.

*В монетальную и церковную книги
вписан в Териоках.*

Жена - Лахья, год рождения - 31 августа 1901 г.

Дети: дочь - Мариетта, род. 22 ноября 1923 г.

сын - Якко, род. 18 января 1925 г.

*Место жительства - Куоккальская дорога,
собственный дом.*

Умер 11 апреля 1931 года.

Значит, прожил он всего сорок шесть лет, оставив после себя тридцатилетнюю вдову, восьмилетнюю дочь и шестилетнего сына.

Что еще можно узнать из карточки? Определить возраст нашего героя в период событий первой российской революции. Математика

простая, ему было тогда 22—23 года. Возраст смелых решений и дерзких поступков. Можно сказать — самый «революционный» возраст. Факт для дальнейших размышлений и выводов весьма существенный.

Одно из самых важных данных — адрес, но для нас он сегодня ни о чем не говорит. Еще сложнее определить месторасположение дачи — собственный дом. Это напоминает адрес, который написал Ванька Жуков — «на деревню — дедушке». В любом случае, этот «кроссворд» нам предстояло разгадать.

Среди карточек адресного бюро нашлись сведения о матери и отце Микко Уотинена. Мария Уотинен родилась в 1860 году и жила долго, но дата ее кончины точно неизвестна. Ее муж — Юха, 1854 года рождения, умер в 1895 году, когда их единственному сыну исполнилось десять лет.

Так постепенно из документов архива, из газет и книг, издававшихся в Финляндии, начал вырисовываться облик териокского жителя, общественного деятеля и литератора Микко Уотинена. Прояснились основные этапы его жизни, важные моменты биографии.

Оставшись в десять лет без отца, юный Микко должен был помогать матери в торговом деле. Он стоял за прилавком, принимал от возчиков товар, разгружал его на склад, даже вел расчетную книгу. Так и закрепилось за ним на многие годы — «сын купца Уотинена». Все вокруг знали: жизненный путь юноши определен.

Сам же Микко без радости занимался своими торговыми обязанностями, больше того — тяготился ими, хотя вида не подавал. Если не он, то кто же будет матери помогать. Не бросишь вот так, без всякой причины отцовское дело. Многие завидовали ему — купец, обеспеченный достаток, а был он натурой художественно одаренной. Рано начал писать стихи, играл в любительских спектаклях, пел в хоре.

К двадцати шести годам хозяин небольшой лавки был уже автором нескольких поэтических книг, главным образом, социально-политического содержания. Революция в России, идея освобождения Финляндии из-под гнета царского самодержавия стали смыслом его жизни и главной темой его стихов. Оценку литературному творчеству, политической лирике Микко Уотинена дала царская цензура. Сборник его стихов «Маяк в ночи» был запрещен и конфискован главным управлением по делам печати.

Было ли случайным эпизодом в жизни литератора Микко Уотинена предоставление своего дома для устройства нелегальных собраний петербургских социал-демократов? Может быть, просто захотел «сын купца» подзаработать, получить деньги за аренду помещения? В этом ведь тоже нет ничего предосудительного. Хотя не каждый хозяин дома и за приличную сумму пожелал бы иметь неприятности с полицией.

Документы наглядно показывают — нет, не экономические соображения руководили им, делал это Микко Уотинен по глубокому убеждению. По воспоминаниям Гуго Ялавы, машиниста легендарного паровоза № 293, на котором Владимир Ильич в 1917 году исполнял роль «кочегара», ему еще в 1905 году приходилось иметь дело с Микко Уотиненом. По просьбе Марка Тимофеевича Елизарова, мужа Анны Ильиничны Ульяновой, териокский литератор специально для В. И. Ленина конспиративным путем получал журнал немецких социал-демократов «Новое время».

Микко Уотинен не только помогал русским революционерам, но и сам активно выступал против политики самодержавия. В одном из донесений финляндскому генерал-губернатору сообщалось, что вместе с большевистскими ораторами А. В. Луначарским и М. Н. Лядовым на массовом рабочем митинге в Териоках 30 июня 1906 года выступил с речью «сын купца Микко Уотинен, коснувшийся в своей речи с социал-демократической точки зрения пробуждения в рабочем классе самосознания». Генерал-губернатор потребовал привлечь М. Уотинена к судебной ответственности, но местная администрация отстояла его.

Еще один любопытный архивный документ попал к нам в руки. Речь в нем шла о митинге в Териоках по поводу роспуска Государственной думы в июле 1907 года. Выступал Микко Уотинен. Он сказал, что «пусть разогнали Государственную думу, ибо для рабочего класса от нее никакой пользы все равно не было. В Думе рабочий класс был мало представлен. Нужно всеобщее избирательное право в России и в Финляндии».

Коснулся эпохи 2-й французской революции. Вскользь сказал о мирной конференции в Гааге и что она до сих пор не соответствует своей задаче.

Собрание это, как указано в документе, продолжалось сорок пять минут и закончилось рабочей песней.

По нескольким фразам, переданным самым общим, конспективным образом, можно сделать выводы о политической направленности выступления оратора — отношение к распущенной Думе, к рабочему классу; судить о широкой образованности — исторические параллели с событиями французской революции; о его информированности в международных вопросах — оценка мирной конференции в Гааге.

Трижды Микко Уотинен начинал выпуск местной газеты. Называлась она по-разному: «Териоки», «Известия пограничной полосы», «Териокский дневник». Каждый раз власти закрывали эти издания, а в 1911 году арестовали редактора, судили и отправили в тюрьму.

Вот так, документ за документом, удалось составить представление о личности Микко Уотинена. А вот как он выглядел? Тоже ведь интересно.

Нашлись в финских изданиях его фотографии. На одной из них он в театральном костюме с большим бантом у ворота рубашки и в смешном длинном колпаке, свисающем чуть ли не до пояса. На другой — серьезный и задумчивый. Микко Уотинен сидит подперев голову рукой. Позади него просматриваются полки с книгами — рабочий кабинет или библиотека писателя.

Как ни странно, самым сложным оказалось познакомиться с поэтическими сборниками М. Уотинена, хотя их вышло в Финляндии около десяти. Ни одной его книги не оказалось в Публичной библиотеке, не нашлось их и в Выборгском архиве. Скорее всего, они не попадали в Россию, а часть тиражей конфисковывалась или пускалась под нож.

Уж было отчаявшись, попросили наших добрых друзей пионеров-следопытов Финляндии и их вожатых навести справки о книгах М. Уотинена. Прошло время. Где и как искали наши друзья — не знаем. Но, приехав в очередной раз в Ленинград, финские следопыты вручили нам сборник стихов Микко Уотинена — «Вечерние зори». На книге

Книга стихов
Микко Уотинена
«Вечерние зори».

Микко Уотинен.

сохранился экслибрис ее хозяина Суло Туртиайнена. Спасибо ему, что сохранил и передал книгу, и нашим друзьям, которые так настойчиво искали и привезли ее!

О чем стихи? В двух словах не скажешь. В разделе, который носит название «В борьбе», собраны особенно страстно обличающие царизм стихотворения. «Наши поработители, — говорится в одном из них, — так ненавидят красный флаг, что их бросает в дрожь от одного его вида и от наших песен». Первая строчка другого стихотворения — «К рабочему» — звучит как призыв к революции — «Однажды восстань!»

Конечно, такие стихи не могли нравиться генерал-губернатору Финляндии и его чиновникам. Они преследовали Микко Уотинена и книги поэта.

Параллельно сбору сведений о Микко Уотинене, его книгах мы начали поиски «собственного дома» сына купца на Куоккальской дороге. Той самой дачи, где неоднократно проводились заседания конференции под руководством В. И. Ленина.

Где эта улица, где этот дом?

Тут мы узнали, что не нам первым пришла в голову эта идея: попытаться найти историческое здание — дачу Уотинена. Когда в 1940 году, после заключения мирного Договора между СССР и Финляндией, Карельский перешеек стал доступен для посещений, научные сотруд-

ники Института марксизма-ленинизма и Ленинградского филиала Центрального Музея В. И. Ленина предприняли попытки разыскать людей, знавших териокского литератора. И такой человек нашелся. Это был Герман Пресас. «Мои сведения о В. И. Ленине весьма скудные, — писал он, — я знаю только, что Ленин бывал в доме Уотинена в Териоках по Морскому или Куоккольскому шоссе против дачи (в то время) Салько и рядом с лавкой Куницина. Ленин приезжал сюда в 1906 или 1907 году. Эти сведения подтвердила вдова Уотинена, жившая до последнего года в своем доме. Она рассказывала об этом своему соседу в прошлом году, русскому учителю Голубеву... Сына Уотинена я видел в те годы много раз (1904—1906), было ему тогда лет 19—20 и работал приказчиком в лавке своего отца. Он был уже известен как писатель, поэт и политический деятель. Умер от чахотки».

Это сообщение жителя Териок содержало лишь косвенные сведения, а требовались более точные данные. Помог счастливый случай. Группа работников Отдела охраны памятников облизполкома обнаружила дом, в котором находилась обширная библиотека, а в ней книги с автографами Уотинена, адресованные ему письма и фотографии. Естественно было предположить, что этот дом, по реестру Дачного треста № 288, принадлежал раньше М. Уотинену и его семье.

В 1940 году сотрудники Музея В. И. Ленина осмотрели этот дом. На что они прежде всего обратили внимание? Как давно построена дача, то есть могла ли она быть в начале века? Позволяла ли площадь помещения собирать большие группы участников конференции?

Что же оказалось? Дача старая и вполне могла быть построена до 1900 года. Комнаты в ней небольшие, самые обычные, и такого помещения, где могли бы собраться одновременно больше пятидесяти человек, в этом здании не нашлось. У сотрудников музея, тщательно обследовавших дачу, естественно, zakралось сомнение — имеет ли здание историческую ценность?

Кто мог определенно сказать — «да» или «нет»? Только сами участники событий. В ту пору — напомним, это был 1940 год, — были живы еще многие герои первого штурма, революции 1905—1907 годов. Их связывало революционное подполье, они собирались вместе, записывали воспоминания. Ветераны первой революции и подсказали музейным сотрудникам, что следует обратиться за помощью к Николаю Федоровичу Полякову и Александру Поликарповичу Зарубкину.

Поляков, Зарубкин и приглашенная ими Екатерина Никифоровна Козлова приехали в Териоки. Трое немолодых людей долго осматривали дачу под № 288. В результате пришлось дать отрицательный ответ. «Дом, в котором проводил В. И. Ленин конференции, — заявили они определенно, — представлял большой 2-этажный дом с большим количеством окон и расположен он был фасадом параллельно Финскому заливу. Во 2-м этаже здания имелся большой зал».

После некоторых размышлений и дружеских споров все трое сошлись на предположении, что эта дача № 288, где обнаружили библиотеку Уотинена, могла быть недалеко от разыскиваемого дома.

В заключении отчета, составленного сотрудниками Музея В. И. Ленина, четко определились задачи: «Крайне необходимо разыскать место исторического здания **точно**, для установления мемориальной

доски или памятника. Для чего нам и Отделу охраны памятников следует запросить архив г. Выборга о застроенных участках Уотинена в Териоках. Попытаться найти более подробную карту б. Церковной улицы в Териоках и продолжить работу по разысканию живых участников конференций, проводимых Лениным в Териоках, лиц знавших Уотинена и по другим источникам».

Отчет составили в конце ноября 1940 года. До начала Великой Отечественной войны оставалось восемь месяцев. За это короткое время никто и ничего в продолжение намеченных поисков сделать не успел...

Поездка в Териоки взволновала Александра Поликарповича Зарубкина. В спешке сборов и дорожных заботах он не сумел рассказать самого главного. Вернувшись домой, в Москву, Зарубкин положил перед собой несколько листов чистой бумаги и написал подробное письмо-воспоминание. Теперь оно хранится в фондах Музея В. И. Ленина, в папке № 24, где собраны разные материалы о розысках дачи Уотинена. Письмо это интересно во многих отношениях. Но для нас оно важно, прежде всего, как путеводитель, как ниточка, которая могла привести к нужному месту. Каждая деталь, мелочи быта, объединенные с уже известными нам фактами, неожиданно могли оказаться полезными на каждом новом этапе поисков.

Воспользуемся воспоминаниями Зарубкина, попробуем воспроизвести или, как говорят ученые, реконструировать события, связанные с проведением одной из петербургских конференций лета 1907 года...

Однажды днем на явке молодых рабочих-партийцев Николая Полякова и Александра Зарубкина товарищи предупредили: «Домой не возвращайтесь, ваши паспорта провалены! Попадете в ловушку». Посоветовали еще до конца дня уехать из столицы и скрыться в Териоках, там обратиться в кафе «Товери».

Вечером шпики толкуются на териокском вокзале густо, как комары перед дождем. Зная это, Николай и Александр не стали дожидаться полной остановки поезда, а только состав начал чуть замедлять ход — спрыгнули с подножки, в противоположную от станции сторону. Пригибаясь, они пробежали вдоль изгороди в хвост состава, пересекли плохо накатанную дорогу и повернули в пустынный переулок.

Им приходилось и раньше приезжать в Териоки за оружием, поэтому ориентировались в узеньких улочках легко и шли быстро. Перевели дыхание в рощице из нестарых сосен вперемежку с березой. Прислушались. Говор, смех, вскрикивания барышень. Гнусавит цыганский романс граммофон «Монарх». Террасы дач светятся огоньками и похожи на стеклянные клетки.

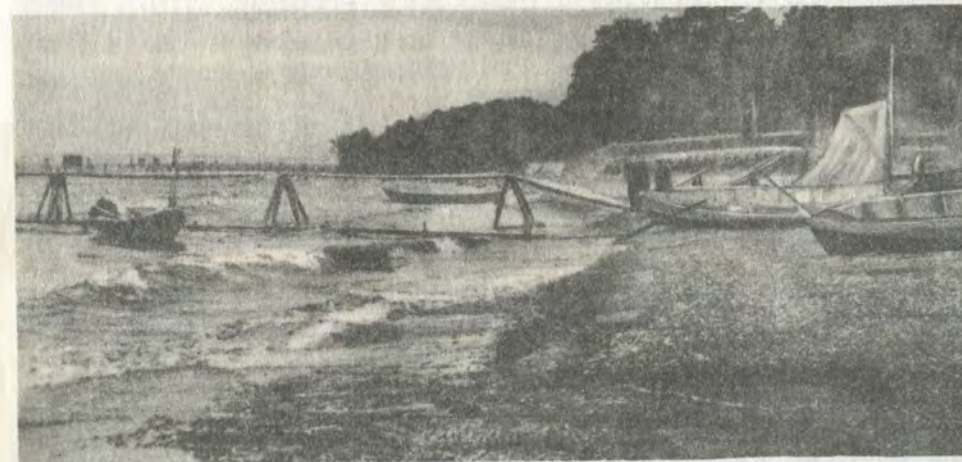
Дорога резко повернула налево, и они вышли к просторному перекрестку. «Это Куокколяское шоссе, — сказал Николай товарищу, — чуть дальше — русская церковь». Они пересекли шоссе и сразу увидели полукруглое светлое пятно, как маяк в ночи. За этим окном в уютном двухэтажном доме всегда ждали таких, как они, встречали гостей в любое время дня и ночи. Не случайно же кафе и скромный пансион при нем назывался «Товери» — «Товарищ».

Поляков и Зарубкин уже несколько дней жили в легкой пристройке, когда к ним чуть свет заглянул их старший товарищ и наставник А. С. Шкляев: «Отдохнули, дачники? — спросил он серьез-

но, внимательно оглядев дощатые стены их скромного убежища. — Дело для вас есть».

Им поручалось обеспечить охрану партийной конференции и, самое главное, безопасность Владимира Ильича Ленина. Его ждали вечером в Териоках. Зарубкин и Поляков первым делом договорились с финном, хозяином шлюпки. Он обещал приготовить лодку и парус. Дело в том, что дача, где собиралась конференция, стояла совсем близко от берега залива. Если полиция попытается окружить дом, они уйдут вместе с Лениным морем.

Еще раз осмотрев внимательно местность вокруг дачи, друзья пошли на станцию, чтобы успеть до вечера обернуться в Петербург и обратно. Шкляев рассказал им, что участились провалы конспиративных явок, аресты дружинников. Требовалось незамедлительно, не откладывая на завтра, переместить склад оружия по другому адресу. Больше поручить это опасное дело некому.

Берег Финского залива в Териоках.

Уже к концу дня забежали на явку, в квартиру на Загородном проспекте. Доложили: «Дело сделано». В это время там оказался шапочно знакомый им партийный активист по кличке Антон. Он настырно стал выпрашивать Николая и Александра о вечернем совещании, давать советы, как лучше Ильича охранять. Зарубкину разговор и расспросы не понравились: суется не в свое дело. Странная «заботливость». К заседанию он отношения не имел, ему никто и ничего не поручал. «Чего он в печенку лезет?» — подумал про себя Зарубкин и, как бы между прочим, заметил, что вряд ли заседание состоится по причине засилия полицейских. «Много их в дачные места нагнали. Тем более небезопасно Ленину туда приезжать». Не зря он любопытного отшил.

Как узнал Зарубкин через год, оказался «Антон» провокатором, разоблачили его в 1908 году.

В Териоки в тот день Поляков и Зарубкин добрались уже к наступлению темноты и без промедления взялись за организацию охраны. Проверили шлюпку, обошли дом, заглянули в соседний лесок. Встали недалеко от входа на дачу. Начали появляться участники конференции. Узнавали знакомых — Мартын, Петр, — встречались много раз на явках в Технологическом институте. Прихода Ильича не заметили, хотя внимательно вглядывались в лица.

После открытия конференции Зарубкин зашел внутрь здания, а Поляков остался снаружи. Вся партийная публика собралась в зале первого этажа. Одинокая лампа висела на кронштейне. Человек 20—25 размещались без видимого порядка, кто на подоконниках, кто посреди зала на ящиках и коробках. У дальней стены — стол президиума. Говорил Владимир Ильич. Он стоял, как на палубе корабля, широко расставив ноги, опираясь руками о край стола. Александр Зарубкин сразу узнал его. Он видел и слышал Ильича в мае 1906 года в Народном доме графини Паниной. Правда, тогда он выступал под фамилией Карпов.

Послушать Ленина Зарубкину не удалось. Его отвлек разговор в коридоре — пытались войти опоздавшие, но пароль они не знали. Пришлось отправить в пустую комнату на второй этаж до выяснения личностей с районными организаторами.

Александр снова зашел в зал. Владимир Ильич еще продолжал говорить, но скоро закончил свое выступление. Товарищи попросили сделать перерыв и выйти покурить. Конференты — так называли себя участники конференции — столпились в коридоре, открыли настежь дверь. Ильич в это время стоял под лампой, просматривая какие-то записи.

Заседание скоро продолжили. Николай Поляков, обойдя дачу, обеспокоенно заметил Зарубкину, что вроде тихо, но какие-то типы бродят недалеко. Решили усилить охрану. Пригласили уральцев-дружинников. Они приехали в Петербург за оружием и жили по соседству, через улицу.

Собрание закончилось довольно быстро. Зарубкин стоял на балконе второго этажа и видел, как участники уходили поодиночке. Вышел и Ильич. Хотя было темно, Александр узнал его по голосу. Он продолжал беседу, повторяя: «Прекрасно, прекрасно, товарищи!» Это было сказано с такой мягкой картавинкой, которую Зарубкин мог бы отличить из сотни говоривших людей.

После короткого, но важного для понимания событий и места действия путешествия в прошлое снова вернемся к нашим дням. Не вызвало сомнения — мы примем эстафету у тех, кто в канун Великой Отечественной войны первыми задались целью найти историческую дачу. На чем они споткнулись? Что их в 1940 году остановило? Отсутствие подробной карты Церковной улицы с указаниями на ней участков Уотинена. Как они ее предполагали искать? Вспомним заключительную часть отчета: «...следует запросить архив г. Выборга о застроенных участках Уотинена в Териоках». Что делать нам? Посылать запрос? Зачем, мы сами незамедлительно отправляемся туда.

Не первый раз приезжаем к сотрудникам Выборгского архива. Они всегда внимательны и благожелательны к нам. Чего греха таить, есть и такие, кто на школьников-исследователей смотрит с недоверием

и даже подозрительностью. Принимают нас в светлом, просторном зале, специально предназначенном для научной работы. После недолгих объяснений приносят коробки с «Делами», большие картонные папки размером с письменный стол, где хранятся схемы и карты. Развязываем, просматриваем и снова завязываем тесемки. Интересного много — подробные планы окрестностей Выборга, план поселка Келломяки (современное Комарово), а вот соседних с ним Териок — нет. Так и уехали ни с чем. Огорчились и мы, и наши гостеприимные старшие друзья-архивисты.

Что ж, придется отказаться от надежды найти «ключ» к даче Уотинена. Без подробного плана с указанием участков нечего и браться за эту затею. Если в Выборгском архиве не нашли, где еще искать?

И когда уж было совсем похоронили идею с поиском подробной карты, Леша поднял над головой указательный палец и с загадочным видом произнес магическое слово: «Эврика!» Светлая мысль, мелькнувшая у него в голове, была чрезвычайно простой и очевидной. Он напомнил нам о существовании Публичной библиотеки, а в ней специального отдела — картографического.

— Почему не попытаться поискать там? Может, это последний шанс? — спросил Леша. — Благо, ехать далеко не надо. И отдел красиво называется — карто-гра-фи-чес-кий, — проскандировал он по слогам.

И правда, наш Дворец и Публичную библиотеку разделяют два зеленых оазиса среди моря асфальта: садики — дворцовский и Екатерининский. Долго ли их перебежать?

Кому приходилось обращаться за помощью в большие научные библиотеки, тот знает, что иногда самая большая сложность состоит не столько в том, чтобы найти нужную литературу, сколько толково объяснить сотрудникам библиотеки, что тебе надо. Конечно, имеются формы официальных заявок-требований, но для их заполнения требуются точные сведения: название, место и год издания. А если не известно даже приблизительно то, что ты ищешь? Как быть тогда? В этих случаях на помощь приходят опытные библиографы, подключаются дежурные по систематическому и генеральному каталогам. Все вместе они пересмотрят десятки карточек и разных указателей в поисках «иголки в сене». И если такая там имеется — непременно найдут. Так получилось и с нами.

— Вот такой план вас устроит? — спросила дежурная по картографическому отделу и положила на стол перед нами тоненькую, узкого формата книжечку.

Это было похоже на чудо, достойное мастерства самого Кио. Под картонной обложкой книжечки в несколько страничек топорщилась вклеенная гармошкой карта Териок. На страницах в два столбика — список дачевладельцев и номера участков в Териоках за 1902 год. Всего 254 участка. Эти же номера нанесены на карту возле черных квадратов — дачных строений. Быстро просматриваем столбики фамилий.

Ура! Трижды ура! Под № 199 значится дачевладелец Уотинен. Теперь остается найти этот номер на карте. Правый нижний угол, ближе к Финскому заливу. Вот он — участок под № 199! Но что такое? Нашелся еще и еще. Выходит, три участка. Два — недалеко друг к другу, а один расположен значительно дальше. Новая загадка...

Что же получается? Предстоит выбрать из трех участков, принадлежавших Микко Уотинену, один, на котором стояла большая дача. По какому принципу выбирать? Наверное, стоит вспомнить, как Зарубкин несколько раз говорил о море, о берегу залива рядом с большим домом. Это уже что-то. Запомним, пригодится.

Нужно ли говорить, что полученный в картографическом отделе план Териок мы досконально скопировали, перенесли на кальку. При этом заметили, что оригинал 1902 года выполнен непрофессионально: не указан масштаб, приблизительно нанесены не только границы участков, но дороги и ручьи. Очевидно, в более точном воспроизведении просто не было необходимости. Заказчика — Общество дачевладельцев Териок — такое исполнение вполне устраивало, но нас-то нет!

В отделе картографии Публичной библиотеки помнили про пытливых следопытов из Дворца пионеров и через несколько дней преподнесли нам неожиданный подарок: отыскали еще один план Териок,

но уже 1907 года. Его сделал военный топограф, подполковник по фамилии Колмандер. Размахистый, но вполне разборчивый автограф мастера украшал правый верхний угол листа. Указан масштаб: 200 саженей в одном дюйме. План четкий, красивый — залюбуешься. Одно плохо: на этом плане отсутствует нумерация участков. Правда, квадратики зданий нанесены.

Какая нам была польза от плана подполковника? Прежде всего, в том, что он точнее и аккуратнее выполнен, поэтому может уточнить и дополнить план 1902 года. Кроме того, он по времени исполнения ближе к тем событиям, которые нас интересуют.

Дело осталось вроде за небольшим, а именно: как говорят топографы, «привязать» старинные планы к нынешней местности. Но просто сказать — «привязать», а как это осуществить на деле? План маленький — территория большая. Значит, предстоит самим сначала заняться съемкой местности, сделать еще одну собственную карту. Такая съемка называется глазомерной и очень приблизительной, а нам надо максимально точно.

— А если мы не будем самодельной «глазомеркой» заниматься, — предложил наш главный специалист по этим вопросам Женя, — попросим в соответствующей организации современный план. Вот тогда приведем их все к одному масштабу и наложим друг на друга. Сразу станет ясно, что приходится нынче на сто девяносто девятые участки.

Сказано — сделано. Того, кто предложил, и отправили в Сестрорецк, где находится Проектно-инвентаризационное бюро района. Его сотрудники разрешили скопировать интересующую нас часть площади со схематического плана современного Зеленогорска. Настала самая важная и самая интересная пора — посмотреть все на месте.

Архив в платяном шкафу

Сколько можно разглядывать одни и те же планы и карты? Час, два? День или неделю? Может быть, месяц? А если сказать — год и даже больше. Вряд ли кто поверит. Или подумают — эти «разглядыватели» просто бездельники.

Так вот, после получения всех планов Териок и приведения их примерно к одному масштабу мы больше двух лет разглядывали и колдовали над ними, чтобы затем «приложить» эти планы к натуре. Почему так долго? Кроме изучения карт и выездов в Зеленогорск были и другие заботы. Ну, а главное — очень крепкий орешек попался и с ходу его разгрызть никак не удавалось.

Теперь представьте себе, перед вами на стол выложили три плана-схемы одного и того же участка местности, но разных лет. Есть сходство? Да, как между фотографиями одного человека в детстве, ранней молодости и на склоне лет. Общее угадывается, но только если подсказать близкие родственники.

Примерно таким было наше первое впечатление после детального рассмотрения отдельных элементов карты. Куда, например, на плане 1907 года исчезли две улицы, если они указаны на плане 1902 года? Вопрос не праздный. За такое короткое время вместе с улицами

исчезли и больше десятка домов, как раз в районе наших поисков. Знаем точно: стихийных бедствий за эти пять лет на Карельском перешейке не происходило. Кстати, на современной схеме 1960 года одна из улиц появилась снова. Чудеса, да и только!

Что уж говорить о квадратах зданий на разных картах? Они, казалось, обладают невероятным свойством — прыгать. Кто может сказать — где их истинное место? После долгих размышлений за основу из двух дореволюционных планов взяли план 1907 года. Он сделан точнее, но там, мы уже отмечали этот факт, не нанесены номера участков, нет даже их границ.

При таком положении вещей оставалось гадать, как примерно располагались участки № 199, а тем более дома или остатки фундаментов. Если бы спросить у соседей? Например, у Смирнова или Савельева, у Опаровского или Водина, у Сущинского или Соболева. Да, да, почти все соседи Микко Уотинена, судя по списку, были русскими дачевладельцами. Но их, к нашему сожалению, давно нет, и никто не знает, что с ними стало, — 80 лет прошло. Рассчитывать приходится лишь на себя и на те карты, которые удалось получить. Значит, снова внимательно вглядываться в каждый штрих на плане, измерять, сравнивать, думать, а потом прикидывать к местности.

Первым осмотрели отдельный участок, примыкающий к Купальной улице. Редчайший случай: эта улица — одна из немногих в Териоках — Зеленогорске — не меняла своего названия с начала века. Протяженность ее невелика — около четырехсот метров, от Приморского шоссе до берега залива. Вот откуда название — Купальная. Площадь прямоугольника — бывший когда-то участок Уотинена — сейчас определить не представляется возможным. Наметили для себя примерные границы. Осмотрели и сфотографировали дома. По соседству нашли остатки фундаментов небольших размеров. Ничего подходящего. И дома, и фундаменты не соответствуют известным условиям.

Переходим на другую улицу — Пионерскую. Можно сказать, наша, родственная по названию, улица. Не она ли принесет нам успех? На плане 1902 года этот участок имеет своеобразную форму бумеранга, одна сторона которого упирается в бывшую Церковную улицу, а ныне — Приморское шоссе. Густой кустарник, ветвистые деревья. В гуще зелени запрятался приземистый дом. Самое приметное — крупные гранитные камни фундамента. Не вызывает сомнения: постройка дореволюционных лет. Но дача одноэтажная и небольших размеров. Кроме того, из трех участков — это самый отдаленный от залива. Выходит, и на этот раз вытащили пустой номер? А если и не такой уж «пустой», не будем торопиться с выводами...

Это участок Микко Уотинена? Безусловно! Дом на гранитном фундаменте мог принадлежать ему? Вполне возможно, но требуются доказательства. Тогда последний вопрос: не здесь ли обнаружили в 1940 году библиотеку финского литератора и не эту ли дачу первоначально приняли за историческое здание?

Попробуем обосновать и такую гипотезу. Почему было бы важно утвердиться в своем предположении? Значит, мы близки к цели. Ведь в 1940 году свидетели событий пришли к выводу, что подлинную дачу следует искать где-то совсем рядом. Получается как в известной игре: холодно-холодно, тепло, еще теплее... Если вспомнить материалы

самых первых разысканий 1940 года, то обнаруженная библиотека Уотинена значилась как дача № 288. Теперь нумерация домов совсем другая. Выходит, еще одно неизвестное в нашей задаче. С него следует и начать.

За время неоднократных военных действий Зеленогорск сильно пострадал и был в значительной степени разрушен, но при этом больше всего уцелели и лучше других сохранились дачные постройки вдоль прибрежной полосы Финского залива. В 1940 году они почти все и перешли в ведение Дачного треста. Существует такое учреждение и в наши дни. А если порыться в его архиве? Возможно, там отыщется что-либо интересное для нас.

Архив маленького учреждения сравнивать с государственным архивом, где нам приходилось бывать много раз, просто невозможно. Общее между ними лишь название — архив. Какая там картотека, научный подход? В бывшем когда-то платяном шкафу с перекошенной от старости дверью навалом лежали горы бумаг. В таком виде хранились, похоже, никому не нужные и чудом не сгоревшие в годы войны остатки дел Дачного треста 40-х годов.

После нашего объяснения немолодой уже мужчина, хранитель архива, предложил каждому подобрать для себя темный рабочий халат и приниматься за разбор. Оптимизма и мажорных нот в его голосе мы не услышали. Так или иначе, следовало приступать к делу.

Бумажная гора оказалась не такой уж страшной. В стопках — старые дела дачных усадебных участков. Далеко не комплектные, с пропусками, иногда вразнобой. К тому же они спрессовались так плотно, хоть в воде размачивай. Такое впечатление, будто их не перебирали с далеких предвоенных лет.

Постепенно разобрались, что к чему. По листику раскопали нужные документы к даче № 288. Громко сказано — документы. Три странички — карандашный эскиз приусадебного участка, экспликация к нему, то есть перечень сооружений, угодий и занимаемая ими площадь, и, наконец, окончательный план, выполненный тушью на кальке. Нельзя не сказать о тех, кто выполнил эту работу, обмерил и вычертил эскиз и план. Целую неделю — с 12 по 19 августа 1940 года — над ними трудились техники Потапов и Мохов. Большое им спасибо. Вполне возможно, что они первыми и обратили внимание научных работников на библиотеку Микко Уотинена. Их фамилии, к сожалению, не попали в материалы о даче № 288, которые хранятся в Музее В. И. Ленина.

План, обнаруженный в архиве Дачного треста, точно соответствовал обнаруженному участку на Пионерской. Так удалось документально доказать: дом Микко Уотинена сохранился до наших дней и накануне Великой Отечественной войны он значился по реестру Дачного треста под № 288. Попутно в архиве выяснили еще один любопытный факт: Пионерская улица получила современное название в 1940 году. Скоро можно будет справлять ее полувековой юбилей.

«Сколько потрачено усилий, времени, ну и что за результат? — спросят скептики. — Все вокруг да около, конца не видать...» А как же иначе? Ведь мы и так спрессовали время раздумий и поисков до нескольких страниц рассказа. Совсем не оговоркой и не шуткой была фраза в начале, что на все это ушли не месяцы, а годы. Всего заметней бег времени на ребятах — участниках поисков.

Отличался своей активностью шестиклассник — зеленогорский школьник Сережа Кузнецов, следопыт третьего поколения нашей группы. И вот после долгого перерыва вновь обратились к нему за помощью — откорректировать карту поиска.

Зеленогорск. Участок № 199. Сережа серьезен и сосредоточен. Быстрыми шагами он мерит отрезки дорожек, успевает делать пометки на листке, по компасу засекает азимуты и еще... толкает перед собой детскую коляску с полугодовой дочкой Лизой.

Сколько же лет прошло с первого нашего с ним выхода на этот участок? Больше десяти. Так поколение за поколением юные краеведы, не прерывая связи между собой, шли к намеченной цели.

199 = 199?

Вновь вернемся на Пионерскую. Она привела нас к последнему участку под № 199, принадлежавшему Микко Уотинену. Перебирая по листику материалы архива Дачного треста, мы надеялись обнаружить планы этой последней усадьбы, но их не оказалось. Лишь просматривая инвентарную ведомость, обратили внимание, что под № 199 в довоенные годы значился самый большой по размерам дом. Общая его площадь составляла 360 квадратных метров, и находился он на Пионерской улице.

Самое удивительное — дача сохранилась до наших дней. И еще одно невероятное совпадение: на современном схематическом плане Зеленогорска 1960 года она значится под № 199! Случайное совпадение? А если преемственность, попытка, где возможно, оставить старый порядок номеров.

Оставалось уточнить время постройки здания, ведь его могли возвести и после 1917 года. Как узнать? Помог случай. Незадолго до нашего прихода проводилась капитальная перестройка дома. Со стен обрывали обои, и под самым последним слоем оказались подклеены финские газеты 1905—1906 годов. Довольно веское доказательство — дача строилась в начале века.

Попросили разрешения войти и посмотреть дом внутри. С крыльца попали в большой зал — сейчас столовую Дома отдыха «Зеленогорский». Осмотрелись. В таком помещении вполне могло поместиться 60 — 80 участников конференции, а при необходимости и больше. Не оторвать глаз от потолка — его украшает богатая лепнина центрального плафона. К залу примыкает просторная веранда. Ее крыша вполне могла служить балконом для второго этажа. Деталь немало важная, если вспомнить, как Зарубкин, стоя на балконе, провожал расхопившихся после заседания гостей.

Фасад дачи был развернут к Финскому заливу, и до берега каких-нибудь сто метров. Почему — был? К сожалению, сегодня дом выглядит совсем по-другому.

К даче пристроили симметричную равную часть, тем самым увеличив общую площадь вдвое. А позже перестроили и веранду. Бывший фасад дома превратился в его торец, но в данном случае это уже значення не имеет.

Как будто все сходится и затянувшуюся историю поисков наконец венчает счастливый конец. Почему же — как будто? Какие еще сомнения, ведь так можно копаться до скончания века. Веских доказательств вполне достаточно — в чем же дело? Все верно, но обнаружилась одна-единственная деталь, перечеркнувшая все самые веские доказательства.

Всю картину испортил ручей, протекающий через весь участок к заливу. На дореволюционных планах 1902-го и 1907 годов он протекал за большой дачей, а теперь его русло проходит перед ней. Чего же здесь странного и плохого? Бежит себе вода и бежит, оживляя местность. Но в том то и дело, если дом расположен на левом берегу, он уже находится за пределами участка Микко Уотинена. Ручей являлся естественной границей, и это убедительно показано на старых картах.

Так удачно все складывалось, и на тебе, неожиданная подножка. Пренебречь ручьем, сделать вид, что ничего не случилось? Кого обманем? Сами себя, историческую науку, которой собираемся служить и содействовать.

Из-за ручья застряли надолго. Как в стенку уперлись: обойти не обойдешь и головой не прошибешь. Но и отчаиваться до бесконечности тоже невозможно. Оставалось поставить точку, а точнее, крест на наших поисках и честно признаться — зашли в тупик. Так диктовали законы логики, но ИНТУИЦИЯ, совершенно необъяснимое чувство, подсказывала: следует еще подумать, внимательно посмотреть, ведь находятся же решения у самых запутанных и головоломных задач.

Современный вид
бывшей дачи Уотинена.
Фотография 1962 года.

Бродим вдоль ручья туда и обратно, перепрыгивая с берега на берег. Проверяем возникшую версию. Если карты не обманывают, если дом не перебрасывали с правого берега на левый, то, значит, кому-то понадобилось в 20-х — 30-х годах искусственно изменить направление русла. Спрашивается — зачем? Ради красоты. Сразу живописней стала выглядеть площадка перед фасадной частью дачи. Для этой же цели на камне-островке посреди ручья установили мраморную скульптуру итальянского художника Бенциони. Называется она — «Верный друг». Девочка присела отдохнуть, чуть склонила голову, а собачка пристроилась рядом, преданно смотрит маленькой хозяйке в глаза.

Версия потому и называется версией, что ее надо объяснять и доказывать. Чем располагаем мы? Интуицией! Мало. По всем правилам следствия требуется сравнительный анализ. Если изменилось направление ручья, то это должно быть видно на планах. Суть метода безупречна, но исходный материал для анализа никуда не годится. Точной прорисовки ручья нет ни на одном из имеющихся у нас планов. Ближе всех к истине вычерчено русло военным картографом в 1907 году и никуда негодное — в 1960-м — почти прямая линия без всяких извилин. Ведь план так и назывался — схематический. Пришлось самим заняться топографической съемкой ручья. Тогда и попросили помочь Сергея Кузнецова, нашего самого крупного специалиста по составлению карт для спортивного ориентирования.

Предварительный анализ подтвердил нашу версию — русло на коротком отрезке изменило свое направление. А куда же тогда девалось прежнее? Помог разобраться в этой нелегкой ситуации директор Дома отдыха Владимир Васильевич Щедролосев. Он обошел с нами свои владения. Попутно признался, что ему тоже нравятся разглядывать планы и карты, а при случае и самому вычерчивать их. Закончил он небольшую экскурсию за интересующим нас домом возле искусственного пруда, несколько вытянутого и потому похожего своей формой на большую фасоль.

Пруд и пруд, а может, пожарный водоем. Берега заболочены, поросли высокой травой. Единственная отрада для глаз — островок с беседкой, да и то изрядно запущенной. Между тем Владимир Васильевич загадочно молчал, выжидающе смотрел на нас, как будто чего-то самого интересного и важного не замечаем.

— А ведь вода из него вытекает, — сказал он наконец с еще большей таинственностью. — Поглядите сами, куда она дальше уходит.

Конечно, сразу помчались смотреть, продираясь с шумом сквозь кусты ольшаника. Дистанция короткая, каких-нибудь сто метров. Чуть заметный сначала сток у своего впадения в залив имел довольно приличное и разработанное русло.

— Как же попадает проточная вода в пруд? — спросили мы у Владимира Васильевича. — Не подземный же фонтан питает его? На поверхности ничего не заметно.

Тогда директор достал из своей папки солидных размеров лист «синьку», подробную схему территории в крупном масштабе, и показал, что пруд соединяется с ручьем двумя тонкими штриховыми линиями. Так изображается канава. Потом туда уложили трубу и засыпали. Вот непрерывно и поступает вода в пруд. Секрет оказался куда как прост. Но даже не это главное. Все смотрелось совсем по-

другому. Спряmlенная канава, пруд и сток из него, ведь это не что иное, как старое русло ручья, и проходит оно как раз за домом. В таком случае дача сразу встала на свое место на правом берегу, что и требовалось доказать.

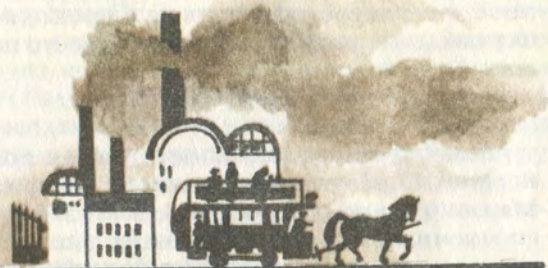
* * *

Как оказалось все просто, и как долго шли мы к открытию этой истины. О результатах поисков исторической дачи, принадлежавшей Микко Уотинену, сообщили в Музей В. И. Ленина. Теперь во многих справочниках и путеводителях можно найти разъяснение, что дом, где под руководством Владимира Ильича Ленина проводились петербургские партийные конференции, находится на территории Дома отдыха «Зеленогорский». А на фасаде зеленогорского железнодорожного вокзала 22 апреля 1980 года торжественно открыта гранитная мемориальная доска: «В этом городе (бывш. Териоки) в годы первой русской революции В. И. Ленин проводил заседания Центрального и Петербургского комитетов РСДРП, выступал на партийных конференциях и собраниях». Значит, об этих событиях будут знать сотни тысяч приезжающих в столицу северной здравницы людей.

Собственно, история поисков дачи Микко Уотинена пришла к концу, но и сейчас, когда выпадает свободная минута, особенно перед очередным выездом группы в район Зеленогорска, я раскладываю перед новым поколением следопытов планы Териок. Ребята, склонив головы, внимательно разглядывают их, пытаются увидеть что-то свое, может быть незамеченное ранее, и подойти к решению поставленной когда-то перед нами задачи, но с иной стороны.

Что же, варианты доказательств возможны...

ТОВАРИЩ ВОРОШИЛОВ ПИСЬМО НАМ НАПИСАЛ

Мы можем быть полезными

Однажды глубокой осенью, во второй половине дня в отдел краеведения и туризма позвонили из дирекции и сказали, что в наш адрес пришло письмо из Кремля. В голосе секретаря директора звучали нотки удивления. Действительно, во Дворец пионеров такие письма почта приносит далеко не каждый день. Только трубку положить успели, и помчались мы с ребятами со всех ног. По деревянной лестнице вниз, по мраморной — вверх. Открываем дверь приемной. На самом краю необъятного письменного стола торжественно и совершенно отдельно от другой корреспонденции ждал нас объемистый конверт. По верхнему его краю — это сразу бросалось в глаза — крупный и четкий текст: Секретариат Президиума Верховного Совета СССР.

Тут же на месте аккуратно вскрыли конверт и стали читать:

Разбирая старые бумаги К. Е. Ворошилова, я встретил среди них Ваше письмо к нему, в котором Вы просите его помочь Вам в сборе материалов о деятельности подпольных большевистских групп в Териоках (Финляндия) в 1905—1907 гг.

При беседе с Климент Ефремовичем по существу Вашего запроса, он сказал, что все позабыл и, видимо, поэтому не ответил на это письмо в свое время. А сейчас, добавил он, было бы хорошо, если бы они мне помогли.

Чтобы Вам до конца был ясен смысл этого дополнения, должен сообщить, что К. Е. Ворошилов работает сейчас над книгой своих воспоминаний и сам нуждается во всякого рода архивных материалах и личных воспоминаниях тех или иных участников событий прошлых лет. Поэтому, если Вы с тех пор, когда писали письмо, разыскали какие-либо сведения о большевистском подполье в Териоках, то не смогли ли бы Вы кое-чем поделиться с тов. Ворошиловым К. Е. — это помогло бы ему в работе. В частности, он не помнит имени и отчества Рябкова, забыл фамилии многих из тех, кто помогал ему в закупках оружия в Финляндии, не имеет ни одной их фотографии и других

снимков тех мест. Если можете, то пришлите хотя бы копии имеющихся у Вас материалов по адресу: Москва, Кремль, Члену Президиума Верховного Совета СССР тов. Ворошилову К. Е. (Лично.)

С приветом. Помощник Члена Президиума Верховного Совета СССР
В. Акшинский. 26 ноября 1966 г.

Большевистское подполье в Териоках

В годы первой русской революции Териоки в шутку и всерьез называли «залом заседаний», потому что здесь относительно безопасно можно было собраться для проведения партийных заседаний и конференций петербургских большевиков. Но был у курортного поселка еще один чрезвычайно важный для революции «профиль»: дачные Териоки служили надежной перевалочной базой оружия и нелегальной литературы. Не случайно же молодого рабочего из Луганска, Клима Ворошилова, больше известного в подполье по кличке Володя, направили за оружием именно туда.

Жили в Териоках разные люди, русские и финны, они шли на большой риск, помогая большевикам, занимаясь транспортировкой и хранением оружия для нужд революции. Стояли дачи как дачи, дома как дома, внешне ничем не отличавшиеся от прочих на этих улицах, а хранили они тайну, которую знали немногие посвященные. Под полом веранды, в дровах у сарая, на дне высохшего колодца, между стропилами на чердаке ждали будущих хозяев новенькие, завернутые в промасленные тряпки револьверы, разобранные по частям винтовки, тяжелые коробки с патронами, пачки динамита.

Чаще всего приезжали за оружием питерские рабочие — революционеры со стажем, надежные люди, как правило, члены Боевой технической группы при Центральном и Петербургском комитетах РСДРП. По поручению партии эта группа держала в своих руках все конспиративные связи, всю систему нелегального транспорта. Они владели тонкостями конспирации, знали лазейки на финской границе. Иногда им приходилось сопровождать новичков или провинциалов, каким, например, в ту пору был и Володя из Луганска.

...Ранний утренний поезд пришел из Петербурга в Териоки. В будни — вагоны полупустые. Пассажиров мало. По этой причине тайные агенты еще спят. Они предпочитают «массовый улов». Как совы или сычи, филеры предпочитают охотиться в сумерках. Это известно и революционерам-подпольщикам.

Из вагона 3-го класса, осматриваясь по сторонам, выходит молодой мужчина крепкого сложения, явно рабочего вида. Судя по его нерешительным действиям, он раздумывал — куда идти. В какую сторону? Похоже, здесь он в первый раз. Воротник его светлой косоворотки, расшитый на украинский манер, расстегнут. Пиджак перекинут через руку. Жарко. Бисеринки пота покрывают его широкий чубатый лоб, выступают крупными каплями под щеточкой темных усов. Легко можно определить, что мастерской не из питерских. У столичных рабочих лица по большей части бледные, серые, под стать петербург-

Письмо К. Е. Ворошилова следопытам Дворца пионеров.

скому климату. Приезжий же будто прокален солнцем. Темно-бронзовый оттенок его кожи становился еще более заметен, когда он насухо обтирал платком лицо, лоб и шею.

Так или примерно так выглядел в тот июльский день 1906 года Володя из Луганска — Клима Ворошилов, двадцати пяти лет от роду, рабочий завода Гартмана, недавний делегат IV съезда РСДРП в Стокгольме, большевик-ленинец. Как вспоминал сам Климент Ефремович, утро в тот день было теплым, времени до встречи с товарищами на явочной квартире было достаточно. Тогда и пришла ему в голову мысль — искупаться, смыть дорожную пыль, освежиться. Большая дорога от станции скоро привела его к берегу Финского залива. Выбрал укромный уголок. Разделся. Вещи аккуратно сложил под кустом. Как-никак в брюках лежал пистолет, а в пиджаке — крупная сумма денег на оплату оружия.

Разбежался Володя по отлогому песчаному берегу — и в воду. Мог ли он в тот момент предполагать, что Финский залив совсем не похож на знакомый с детства Северный Донец с его омутами под высокими откосами? Тут оказалось совсем по-другому. 10—15 метров от берега — колени не замочил. Дальше, дальше в залив. Теперь уже 200—300 метров от песчаной полосы берега. Где уж там плавать, хотя бы окупаться. Оглянулся ненароком. Что такое? Три фигуры направлялись к тому самому кусту, где он оставил свои вещи. Вот как вспоминал Ворошилов о своих переживаниях в тот критический момент:

«Мысли смешались. Как быть? Бежать к берегу? Все равно не успеешь помешать грабителям, да и что сделаешь один против трех?

Териоки. Вокзал.
С открытки начала XX века.

Пляж в Териоках.
С открытки начала XX века.

Призвав себя к благоразумию, я стал незаметно наблюдать за ними и вскоре убедился, что подозреваемые мною люди и не помышляли о воровстве — они спокойно прошли мимо одежды, даже не обратив на нее никакого внимания... Отделавшись, что называется, легким испугом, я поскорее оделся и поспешил на дачу Они Комулайнена. Там я застал Рябкова...»

В письме Василия Семеновича Акшинского, помощника Ворошилова, первый вопрос был о Рябкове. Климент Ефремович не помнил его имени и отчества, о каких-либо подробностях биографии и говорить не приходилось. А ведь Рябков в данной истории был первым и главным действующим лицом. Он не только помог Ворошилову приобрести оружие, но согласился вместе с ним переправить весь этот небезопасный и весомый груз до самого Луганска. Кто же он, Рябков? Нам необходимо было как можно более подробно ответить на этот вопрос Ворошилову.

Всё о Пчеле

— Вот вы все дома в Териоках интересуетесь, про конспиративные дачи расспрашиваете, — тоном укора говорила мне Феодосия Петровна Кассесинова, в гостях у которой я находился.

Действительно, ради беседы с ней, ради расспросов о дореволюционных Териоках, о событиях, в которых она участвовала, я приехал

из Ленинграда в Москву. Что в этом предосудительного? Трудно понять.

И будто отвечая на мой вопрос, хозяйка высказывает до конца свою мысль.

— Главное, как мне кажется, не дома и квартиры, а люди, которые в них жили. Вы, например, знаете что-нибудь о Пчеле? Слыхали о таком?

Мучительно пытаюсь вспомнить, как на экзамене. Когда, где я встречал это имя? Нет, ничего определенного на ум не приходит. Пауза затянулась. Притворяться знающим или слышавшим краем уха — не смею. Хозяйка квартиры — удивительная женщина. Революционерка, член партии с 1905 года. Она всю осень 1907 года жила на конспиративной квартире в Териоках, где Владимир Ильич еженедельно проводил совещания большевистской части ЦК РСДРП. Известная в партийных кругах под конспиративным псевдонимом Фаня Черненькая. Она отличалась среди друзей и единомышленников прямолинейностью суждений, непримиримостью к любым намекам, к малейшему отклонению в принципиальных вопросах. Такой был и остался у нее характер. Если «да» — значит, «да», козь «нет» — только «нет»! Никаких компромиссов, полутонов, «может быть». Середины для нее не существовало, и так во всем и до последних дней жизни.

Феодосия Петровна правильно поняла мое молчание.

— Выходит — не знаете? Плохо это, обидно. Ведь уже порядком переворостили с ребятами материалы о Териоках, книг пересмотрели достаточно, а вот о Пчеле ничего не знаете. А ведь он...

Кассесинова оборвала фразу: мол, что там объяснять. Гостеприимная хозяйка не на шутку огорчилась моей неосведомленности. Что же делать? Придумать оправдания? Но зачем? Правильней будет закончить и так уже затянувшуюся беседу, поблагодарить за все и распрощаться. Вопросы про легендарного Пчелу лучше оставить до следующего раза.

Так рассуждал я, но Феодосия Петровна решила по-своему. Она не собиралась отпускать меня, решила не откладывая восполнить мой пробел и непременно рассказать о Пчеле. Оставалось приготовиться внимательно слушать, а если удастся, то и записывать.

С того памятного вечера в Москве прошло ни много ни мало — четверть века. Давно уже нет Феодосии Петровны, но урок пошел на пользу. О Пчеле за последующие годы удалось собрать, кажется, все, что оказалось в пределах доступного и возможного. Нашлись воспоминания, в том числе и неопубликованные. Удалось добраться до тайной переписки жандармов с охранкой. Бумажка к бумажке, запрос — ответ, агентурные сведения и протоколы допросов. Так в охранном отделении при управлении столичного градоначальника составилось довольно пухлое дело — 117 единиц разных документов.

Мы тоже завели свое «досье» на Пчелу. Выписки, копии разных документов, любые строчки с упоминанием «Пчелы» складывались в большой конверт, который передала мне в тот вечер Кассесинова. В конверте лежали бесценные документы — подлинные фотографии разных лет Пчелы и его жены. Их мало кто видел, они никогда не публиковались. Через несколько дней после моего возвращения в Ленинград, буквально вдогонку, Феодосия Петровна прислала собственноручно написанную ею биографию Пчелы. Видимо, она не очень рассчитывала на те беглые записи, которые я успевал делать по ходу ее рассказа. Биография тоже нашла место в конверте.

Вот так, совершенно неожиданно, мне выпала честь стать душеприказчиком, наследником, получившим не столько право распоряжаться полученным наследством, сколько обязанность — сделать все полученное достоянием других, сохранить память о Пчеле.

Пчела да Пчела — стало удобным и привычным так называть человека, настоящего имени которого не знали даже работавшие с ним большевики-подпольщики. Однажды Анна Ильинична Ульянова-Елизарова рассердилась на одного уважаемого автора воспоминаний, заметив в рецензии, что «не трудно было бы установить фамилию т. «Пчелы», одного из старейших ветеранов нашей партии...».

Теперь мы можем назвать не только фамилию Пчелы, но и рассказать о многих подробностях его жизни. Ипполит Иванович Рябков родился в 1848 году в семье крестьянина села Торжковичи Лужского уезда Петербургской губернии. Грамоте его научил отец. В 16 лет крестьянский сын отправился в Петербург и там поступил учеником телеграфиста. Спустя четыре года он попросил направить его в Сибирь. Там, в Томской губернии, Рябков держал экзамен на почтово-телеграфного чиновника. Карьера на государственной службе, казалось, ему обеспечена — начальство отличало его за аккуратность, исполнительность, самостоятельность.

Рябкова переводили из города в город. Наконец, в Петропавловске его назначили помощником начальника почтовой конторы. В этом ма-

леньком заштатном городке Ипполит Иванович нашел верную подругу жизни, славную и преданную Неонилу Николаевну. Друзей у них было немного, да и те — политические ссыльные. Долгие вечерние беседы за семейным самоваром с товарищами-«политиками» определили их взгляды, отношение к людям и смысл жизни.

Эти встречи, разговоры, симпатия к ссыльным не смогли остаться незамеченными. Они казались более чем странными, если не опасными некоторым чиновникам, коллегам Рябкова. Кто-то из них и настроил донос. Хорошо еще, начальник округа по-дружески предупредил Ипполита Ивановича. Он же посоветовал ему как можно скорее просить отставки, не дожидаясь, пока начнется расследование, и тогда его просто выгонят с «волчьим билетом». Был у Рябкова формальный повод оставить службу — болезнь глаз, застарелая трахома. Так в 1894 году Ипполит Иванович в чине надворного советника вышел в отставку с мундиром и пенсией 36 рублей 75 копеек. На эти деньги Рябковы и существовали все последующие годы.

Что же было после отставки? Следует напомнить, что к этому времени ему исполнилось 46 лет. По представлениям прошлого века — старый человек. И вот с этого рубежа начинается новая жизнь отставного почтового чиновника — жизнь революционера-профессионала, революционера-подпольщика. Случай редкий, если не сказать — единственный в своем роде.

По совету друзей и долгу совести супруги Рябковы решают выехать на революционную работу в Петербург. Правда, они не очень ясно представляли, как и в чем будут там полезными. В столице Рябковы вошли в группу так называемых «молодых народовольцев». Они занимались печатанием и распространением листовок, брошюр, предназначенных для рабочих. В это время группа, как вспоминали сами ее участники, находилась в переходном состоянии от народовольчества к марксизму. Многие ее члены были тесно связаны с руководимым В. И. Лениным «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Поэтому не случайно в подпольной типографии группы была отпечатана брошюра Владимира Ильича «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Жандармы выследили типографию и почти всех участников группы арестовали в конце 1896 года. Тогда Ипполит Иванович решил наладить новую типографию. Он сумел приобрести железную разборную типографскую раму и держал ее в чулане под полом. Но полиция не выпускала из вида «отставного советника Ипполита Рябкова, сочувствующего «Союзу борьбы», как указывалось в одном из секретных документов. 27 марта 1897 года его арестовали. При обыске обнаружили типографские принадлежности, приобретенные с такими трудностями и немалыми расходами.

Ипполит Иванович заявил жандармам, что его жена ничего о типографии не знала и занимался всем этим только он один. Рябкова забрали. После недолгого сидения в «предварилке» его поместили в одиночную камеру Петропавловской крепости. Так на пятидесятом году жизни началась его «тюремная академия».

В чем же дело? Отчего так неотвратимо следовали провалы? Они сами поняли это, но слишком поздно: плохая, примитивная конспирация, совсем не береглись. Опыт приобретался дорогой ценой.

Ипполит Иванович и
Неонила Николаевна
Рябковы.
Фотография 1907 года.

В тюремной камере у Ипполита Ивановича обострилась болезнь глаз. Через шесть месяцев жандармы выпускают его из крепости и отправляют в ссылку в Вятскую губернию. В этом «медвежьем углу» Рябковы знакомятся с будущими выдающимися деятелями большевистской партии — В. В. Воровским, Н. Э. Бауманом, П. Г. Смидович. Здесь осенью 1898 года к ним приходит весть о состоявшемся в Минске I съезде РСДРП, и Рябковы принимают решение вступить в члены только что родившейся Российской социал-демократической рабочей партии.

Ссылка продолжалась до 1902 года. После окончания срока Рябковы устраиваются в Самаре, где собралась почти вся их «вятская колония», но живут там недолго. Рябковы переезжают из города в город — Опочка в Псковской губернии и Ярославль, Одесса и Бессарабия. Везде они стремятся всячески содействовать революционному делу, перевозят и распространяют нелегальную литературу.

В начале апреля 1906 года в Пскове на афишных тумбах и на высоких некрашенных заборах среди прочих пестрых листов появилось еще одно рекламное объявление. Оно извещало псковичей о выходе новой еженедельной общедоступной газеты под названием «Пчела». Сколько газет появилось в России после объявленных свобод в октябре 1905 года — не сосчитать. Кого могла удивить еще одна газета?

Но вот 26 апреля поступил в продажу первый номер «Пчелы». О газете заговорили, ее раскупали раньше других. Что же там такого было? Самое важное — она писала правду, называла вещи своими име-

нами, давала большевистскую оценку политическим событиям. Газета разъясняла, например, что с помощью Государственной думы царизм старается посеять иллюзии и веру в «российский парламент», обмануть крестьянство и оторвать его от пролетариата.

Острое жало «Пчелы» почувствовал на себе даже псковский губернатор. Фельетон о местном помпадуре вызвал сенсацию в городе. Газета фактически стала органом Псковского комитета РСДРП. И это не осталось незамеченным. За три месяца существования «Пчелы» редактора несколько раз предупреждали, конфисковывали отдельные номера, а потом и вовсе закрыли, возбудив уголовное преследование. Летом 1906 года департамент полиции разослал в газеты объявление о розыске опасного лица:

«Разыскивается бывший редактор газеты «Пчела», Ипполит Иванович Рябков, около 50 лет от роду, приметы коего: рост выше среднего, сутуловатый, лицо рябоватое, носит бороду круглую с проседью, рыжеватый, носит темные большие очки и старается смотреть из-под них, так что получается заключение, что очки ему мешают смотреть. В ходьбе постоянно осматривается».

Выехав из Пскова, Ипполит Иванович захватил с собой сто пятьдесят экземпляров только что отпечатанного двенадцатого номера «Пчелы». В своих воспоминаниях, опубликованных в 1924 году в журнале «Пролетарская революция», он писал: «Утром разыскиваю в СПб. старого товарища по ссылке В. А. Кожевникова, сообщаю ему о бегстве из Пскова и показываю привезенную с собою «Пчелу». Кожевников идет на работу в книжный склад «Вперед» и забирает с собой

газету; заходивший туда Воровский, по словам Кожевникова, привско-чил к потолку от удовольствия при чтении «Пчелы». В этот же день я зашел в склад «Вперед», перезнакомился со всеми товарищами, работавшими на складе, в том числе с В. Д. Бонч-Бруевичем и М. С. Ольминским. Временно я остался при складе, помогая в отделе розничной торговли».

В тот приезд Рябков впервые познакомился с В. И. Лениным. Вот как вспоминал об этом сам Ипполит Иванович: «Вам придется перейти на нелегальное положение», — заметил Ленин. «Я уже на нелегальном положении», — ответил я. «Тогда выберите для себя кличку», — предложил Ленин. «Я выбрал: «Пчела», — сказал я. «Хорошо, значит, «Пчелка» — будем помнить...» — закончил наш разговор Ленин». Надо добавить, что Владимир Ильич предложил Рябковым переехать на жительство в Финляндию, в Териоки.

Так в большевистском подполье столицы появилась новая фигура, известная в конспиративных кругах под кличкой Пчела. Именно в это время, в июльские дни 1906 года, и состоялось знакомство К. Е. Ворошилова с И. И. Рябковым.

Поселившись по рекомендации В. И. Ленина в Териоках, Рябковы устроились первоначально в летней даче Они Комулайнена, где Володя из Луганска — К. Е. Ворошилов — получил оружие. Позже они переехали в дом напротив по тому же Андреевскому переулку, к финскому социал-демократу Антикайнену. Териокские власти паспорта не спрашивали, поэтому записался Ипполит Иванович под фамилией Лужин, вспомнив, вероятно, что родился в Лужском уезде. Через год Рябковы уже основательно расположились на даче домовладельца Приха, где прожили почти десять лет, если не считать «вынужденных» отлучек.

Занимались супруги Рябковы важным для партии, но чрезвычайно опасным делом. «Из Финляндии через нашу группу, — вспоминала Неонила Николаевна, — шли винтовки, патроны, динамит и другие боеприпасы. На квартире у меня одновременно был склад динамита. К нам на квартиру приходили товарищи, нагружались и везли в Питер. Когда стало ясно, что вооруженное восстание придется отложить в более долгий ящик и Боевая техническая группа была ликвидирована, я опять перехожу в литературную группу, работала главным образом по перевозке «Пролетария» и матриц до 1908 года».

Спустя десятилетия бывшие «боевики»-подпольщики с большой теплотой вспоминали об Ипполите Ивановиче Рябкове. «Упорядочивается транспорт револьверов, патронов и пр. из Финляндии, — писал рабочий-большевик И. Михайлов. — В этой области особенно удачно работал Рябков, провозя по Финляндской железной дороге несколько пудов контрабанды в специальных чемоданах одновременно».

О конспиративном таланте и, прежде всего, о колоссальном опыте говорит такой случай. В 1907 году в отсутствие хозяев полиция нагрянула в дом Антикайнена, где жили Рябковы. Перерыли все, но ничего подозрительного не обнаружили. Между тем под полом террасы был устроен склад, где хранилась нелегальная литература общим весом в 75 пудов, или 1200 килограммов!

Почти два года департамент полиции безуспешно разыскивал бывшего редактора газеты «Пчела», но он как в воду канул. Его заприме-

тили местные филеры. Начальник Выборгского жандармского отделения сделал запрос в столичную охранку: «Прошу не отказать сообщить мне, проходил ли по наблюдению районного и С.-Петербургского охранного отделения некто Ипполит Иванович Рябков, приблизительно 48 лет, который в настоящее время живет в Териоках в Сатинском переулке в доме Приха и заподозрен в причастности к водворению в Империю нелегальной литературы». Многие разнюхали полицейские агенты, только в одном ошиблись, не смогли определить возраст Рябкова, а исполнилось ему к тому времени шестьдесят лет.

В конце февраля 1908 года Ипполита Ивановича выследили и схватили на Финляндском вокзале. Повезли в Выборгскую полицейскую часть, там обыскали. Были при нем конспиративные адреса подпольных явок, но он успел их по дороге незаметно уничтожить. В участке вывернули все карманы, прощупали каждый шов — ничего незаконного.

А в Пскове редактора «Пчелы» давно дождался начальник губернского жандармского управления, распорядившийся «в случае обнаружения его обыскать, арестовать и препроводить в мое распоряжение».

Суд был скорым — тюрьма. Снова камера, холодные стены и решетка в высоком окне, длинные бессонные ночи и однообразные дни, заполненные лязганьем дверных замков, окриками стражников. Ипполит Иванович выдержал все двадцать восемь месяцев заключения. А сколько это недель, дней? Жандармы рассчитывали — успокоится теперь неугомонный старик, бунтовать перестанет, пора о собственном здоровье подумать, много ли осталось землю топтать.

По всем статьям не угадали полицейские «психологи», ошиблись в расчетах. Пережил «неугомонный старик» многих своих преследователей и в 1911 году, вернувшись после скитаний в Питер, снова занялся за революционную деятельность. Поселились Рябковы в Териоках в знакомом уже доме Приха.

Устроился Ипполит Иванович в больничную кассу Путиловского завода. Помогал рабочим, уволенным за «политику», многосемейным, мастеровым, получившим увечья на работе. Так и называли его путиловцы — «наш дед-заступник». В 1914 году Петербургский комитет РСДРП поручил Рябкову важное и трудное дело — заведывать складом большевистской газеты «Правда». Ипполит Иванович не только получал, хранил, отправлял газеты и книги, но сам сотрудничал в «Правде». Как вспоминала Феодосия Петровна Кассесинова, он однажды написал статью, с принципиальными положениями которой не все соглашались. Тогда отправили ее на заключение к Ленину. Владимир Ильич вскоре ответил, что, по его мнению, статья Рябкова верна и политически правильна.

Охранка не оставляла Ипполита Ивановича своими заботами. Собрали на него агентурные сведения: «Заведует книжным складом при магазине «Правда». Имеет связи с думской с.-д. фракцией и учащейся молодежью. Занимается продажей и распространением из заведываемого им магазина запрещенных к обращению и тенденциозных изданий».

В середине дня 27 марта 1915 года к дому № 19 на Владимирском проспекте подкатила большая закрытая карета. Вышли из нее

жандармы в длиннополых шинелях. Местный дворник ждал их у ворот. Показал парадное, отвел двоих к черному ходу.

Старший жандармский чин бесцеремонно постучал эфесом шашки в дверь квартиры под номером 24а. Потом трое дюжих молодцов поднажали что есть силы, и створки распахнулись. «Гости» с шумом ввалились в переднюю, быстро разошлись по комнатам, предлагая всем присутствующим оставаться на месте.

Так начался обыск в книжном складе «Правды». Составили на каждого задержанного протокол. Ипполиту Ивановичу тут же предъявили обвинения. Он ответил на вопросы так: «Ни к какой политической организации не принадлежу. Обнаруженная при обыске в заведываемом мной книжном складе «Правды» конфискованная литература была отложена мною, как неподлежащая продаже. Распространением с.-д. литературы как среди населения г. Петрограда, так и в провинции не занимался».

Три месяца продержали Рябкова в Петроградском Доме предварительного заключения и выпустили под залог в сумме 700 рублей, но с условием, что он «неоднократно будет вызываться для допросов». Тут сразу может возникнуть вопрос — откуда у отставного чиновника-пенсионера такие большие деньги? Конечно, помогли товарищи, а точнее, петроградская организация большевиков.

Только лето и удалось погулять на свободе Рябкову. 1 сентября 1915 года в помещении больничной кассы Путиловского завода его снова арестовали. В судебном постановлении значилось: «...выслать из столицы в трехдневный срок».

Отправился Ипполит Иванович в Тверь. Жандармы не давали ему покоя и там — начали суд, готовили Рябкову новое тюремное заключение. Не успели — наступил 1917 год. Грянула революция...

В январе 1918 года Рябкову исполнилось семьдесят лет — возраст серьезный, и жизнь прожитая нелегкая, по всем статьям пора на покой. Но Ипполит Иванович остается в строю и даже сражается на фронтах гражданской войны. Лучшего агитатора, чем старейший революционер-большевик, трудно было найти.

По словам Феодосии Петровны Кассесиновой, В. И. Ленин с глубочайшим уважением относился к И. И. Рябкову: «Так, не то на конференции, не то на съезде он не увидел «Пчелы» и поручил секретарю узнать, здоров ли Ипполит Иванович. И когда узнал, что Ипполит Иванович не был потому, что не было у него пропуска, Владимир Ильич дал указание секретариату ЦК партии всегда высылать ему пропуск. И товарищ Рябков получал пропуска на съезды, конференции, конгрессы».

Скончался Ипполит Иванович Рябков летом 1932 года, в возрасте 84 лет, прожив большую и яркую жизнь.

На обороте фотографии И. И. Рябкова, хранящейся в фондах архива Ленинградского института истории партии, революционер-подпольщик Н. Е. Буренин написал: «Пчела» — вся его жизнь — служение революции. Нигде не отмечен».

Именно поэтому следовало рассказать об Ипполите Ивановиче Рябкове как можно подробнее. Он должен быть ОТМЕЧЕН в памяти народной, один из многих рядовых в ряду славных бойцов ленинской партии большевиков.

Письмо в Кремль

«Дорогой Климент Ефремович! Попытаемся ответить на Ваши вопросы. Будем искренне рады помочь Вам» — так мы начали письмо к К. Е. Ворошилову. Писали подробно — пункт за пунктом, вопрос за вопросом, приводили выписки из документов.

Больше всего уделили места Пчеле — Ипполиту Ивановичу Рябкову. Понятно почему: о нем до сих пор никто не писал, а в нашей истории он один из главных действующих лиц. Труднее всего оказалось ответить на вопрос об Оне Комулайнене, в доме которого Ворошилов получил оружие. Никаких сведений о нем не сохранилось. Правда, в архиве Выборга, просматривая переписку охранного отделения с департаментом полиции, обнаружили любопытное донесение. Выписку отправили К. Е. Ворошилову. Вот ее текст: «...имеются указания на то, что сын домовладельца в Териоках по Андреевскому переулку Оне Комулайнен занимается провозом оружия для революционных организаций через Финляндию в Империю».

Клименту Ефремовичу в своих воспоминаниях пришлось написать, что о революционной деятельности Оне Комулайнена «не сохранилось почти никаких документов». Он привел в книге единственное свидетельство — донесение охранки, которое мы сообщили ему.

В конверт с письмом вложили фотокопию почтовой открытки с видом вокзала в Териоках, каким его впервые увидел К. Е. Ворошилов в 1906 году. Не забыли отправить и фотографию полюбившегося нам Пчелы — И. И. Рябкова. Климент Ефремович по дороге из Петербурга в Луганск с грузом оружия имел возможность о многом поговорить с опытным подпольщиком. «Я восхищался, — вспоминал Ворошилов, — широкой эрудицией Ипполита Ивановича, его зрелыми суждениями по многим политическим вопросам». И снимок вокзала в Териоках, и фотография И. И. Рябкова нашли свое место в книге воспоминаний.

Заканчивая письмо к Ворошилову, спросили, чем еще можем быть ему полезны. Совсем не обязательно это должно касаться Териок и Карельского перешейка. Вот, например, памятный для Климента Ефремовича адрес в Петербурге: Караванная, 9...

Весной 1906 года приехал на берега Невы из Луганска двадцатипятилетний рабочий-большевик под фамилией Володин. В потайном кармане его пиджака лежал мандат делегата, избранного на IV (Объединительный) съезд РСДРП. В Петербурге он был впервые и старался не выдавать своей растерянности. Володин шел по нарядному Невскому, стараясь запоминать название улиц, повороты, приметные дома и магазины, проходные дворы. Не сразу он нашел нужный дом на Караванной. На воротах — мало заметная деревянная прямоугольная дощечка с надписью: «Издательство «Вперед», книжный магазин и склад».

Внутренними ходами и коридорчиками его провели наверх в небольшую комнатку, где уже сидело человек десять—двенадцать и один из них что-то говорил. «При этом оратор все время смотрел на одного из участников совещания, — вспоминал К. Е. Ворошилов. — Я тоже начал смотреть на этого человека — на его энергичное лицо,

чуть прищуренные, с живой искоркой глаза. Каким-то почти неуловимым движением он время от времени поощрял докладчика и тут же что-то быстро записывал в лежащий на коленях блокнот.

«Да это же Ленин», — осенило меня, и, обрадованный, восхищенный своим открытием, я принялся еще пристальнее рассматривать выразительную фигуру Владимира Ильича. Хотелось как можно основательнее запомнить его лицо, жесты, отдельные реплики».

Можно понять молодого рабочего-большевика, вышедшего после этой встречи из дома на Караванной. Взволнованный и счастливый, долго бродил он по питерским улицам, думая об этой своей первой встрече с Владимиром Ильичем.

Караванная, ныне улица Толмачева, и дом, где размещалось большевистское издательство «Вперед», находится почти напротив главного корпуса нашего Дворца пионеров. Деревянной дощечки с названием издательства и склада не сохранилось, теперь на доме установлена мемориальная доска из красного гранита. Текст ее гласит: «В этом доме в 1906—1907 годах находилось большевистское издательство «Вперед». Редакционный совет издательства возглавлял В. И. Ленин. Он часто работал здесь и встречался с товарищами. В марте 1906 года в помещении издательства Ленин провел совещание с делегатами IV съезда РСДРП».

Рассказ о первой встрече с Владимиром Ильичем Ворошилов написал давно, и мы читали его несколько раз в одном из сборников воспоминаний о Ленине. Конечно, подумали мы, этот эпизод обязательно войдет в готовящееся издание. Поэтому закончили свое письмо к Клименту Ефремовичу таким предложением: «Возможно, для иллюстрации Вашей книги воспоминаний может понадобиться фотография здания большевистского издательства и склада «Вперед» на бывшей Караванной улице, где Вы впервые познакомились с Владимиром Ильичем? Напишите нам об этом. Наши кружковцы смогут сфотографировать это здание и переслать снимок Вам».

Большой конверт с письмом и фотографиями отправили 10 декабря по адресу: Москва, Кремль, Члену Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Ответ пришел через месяц.

В первый раз на большом развернутом машинописном листе мы увидели собственноручную размашистую подпись — К. Ворошилов. Климент Ефремович писал нам: «Благодарю за письмо, содержащее очень нужные мне сведения о Териоках (Финляндия), присланные фотографии и добрые пожелания». Он высказывал сожаление, что не может удовлетворить нашу просьбу лично встретиться с ним, так как чувствовал себя не особенно хорошо.

В конце письма была такая, обрадовавшая нас, фраза: «Был бы рад получить от Ваших кружковцев фотографию здания большевистского издательства «Вперед» на бывшей Караванной улице, где я впервые встретился с В. И. Лениным».

Желаю всем работникам и активистам Дворца пионеров крепкого здоровья, успехов в работе и овладении знаниями, счастливой и радостной жизни. С дружеским приветом К. Ворошилов».

Конечно, мы поспешили выполнить просьбу Климента Ефремовича. Наш фотограф-«профессионал» — он занимался в фотокружке — Слава Зенькович несколько раз вместе с добровольцами-ассистентами «кол-

довали» у дома № 9 по улице Толмачева. Они искали «точку», «ловили» нужный свет и готовы были даже развернуть фасад дома для нужного ракурса, но это оказалось свыше их сил. Так или иначе, снимок в нескольких вариантах был сделан и отправлен в Москву.

Те, кто будет читать книгу К. Е. Ворошилова «Рассказы о жизни», среди других иллюстраций непременно обратят внимание на фотографию здания, где помещалось издательство «Вперед». В издательском оригинале эта иллюстрация шла под № 28, и на обратной стороне имелось следующее примечание: «Снимок ленинградского пионера Славы Зеньковича».

В коротком предисловии к своей книге воспоминаний Климент Ефремович объясняет, что побудило его «оглянуться на пережитое, воскресить в памяти и тяжелые, и славные годы». А заканчивает он свое слово к читателям выражением сердечной благодарности всем товарищам и учреждениям, которые помогли «в поисках архивных и иных материалов, имеющих отношение к моей жизни и революционной деятельности...».

Не без гордости и глубокого удовлетворения мы можем сказать — эти добрые слова благодарности обращены и в наш адрес.

ЗАГАДКА ПАРТИЙНОГО КЛАДА

Какие клады бывают?

Кому не хочется узнать о скрытом где-то в тайном месте всамделишном кладе? Есть даже такой атлас — его специально для кладоискателей выпустили. На больших листах-картах значками помечено, где землю рыть или под воду нырять, чтобы заглянуть в трюмы затонувших когда-то галер. И ведь ищут, копают горячие головы, забросив другие дела, надеются на счастливый случай. Манят их несметные богатства, блеск золота, сверкание драгоценностей. Красиво и увлекательно живописуют легенды о пиратских «островах сокровищ», кладах древних ацтеков. Есть и вполне правдоподобные истории. Только одно дело — знать, а другое — найти...

«Атлас кладов» к нам не попал. Да и зачем он, собственно, нужен, какая от него польза? Мы воспользовались более подходящим для наших целей путеводителем — архивом Николая Евгеньевича Буренина, этим поистине неиссякаемым источником нераскрытых загадок и конспиративных тайн времен героического большевистского подполья.

Большой архив Н. Е. Буренина хранится в фондах Музея Великой Октябрьской социалистической революции. Его уже достаточно хорошо изучили. Тем более что большинство документов сгруппировано еще самим Николаем Евгеньевичем в определенном порядке. Множество бумажных папок — тонких, толстых, и у каждой свой шифр, свое название.

Сидишь, читаешь, медленно перекладываешь папки из одной стопки в другую. Вроде все буднично — листик за листиком, листик за листиком. Но в любой момент ждешь чего-то. Не блеснет ли в «породе» искринка благородного металла. И вдруг (такое всегда бывает «вдруг»!) в сознании вспыхивает яркий сигнал: внимание! Тайна!

...Тонкая папиросная бумага, лиловый, трудночитаемый текст — машинописная копия доклада Н. Е. Буренина директору Музея Революции в Москве Сергею Ивановичу Мицкевичу. В докладе подробно и обстоятельно сообщалось о результатах служебной командировки Буренина в Финляндию и Швецию. В этих странах по поручению Музея Революции Николай Евгеньевич был во второй половине 1928 года.

Пользуясь старыми связями, знанием языков, он искал оставшиеся там с дореволюционных лет документы и материалы. Ему удалось собрать и привезти бесценные свидетельства истории нашей партии, и, прежде всего, письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Из многих страниц чрезвычайно интересного доклада заставила насторожиться одна. Оказывается, одно из важных поручений, как написал сам Буренин, не увенчалось успехом: «Указанные т. Подвойским приметы оказались несуществующими. Магазины, в которых я должен был навести справки, снесены до основания, от дач же даже фундаментов не сохранилось, дороги заросли, заборы снесены и т. п. Все же мне удалось найти человека, указанного т. Подвойским, и он передал мне оставленные ему на хранение художественные альбомы.

От дачи, на которой жил т. Подвойский и на которой был закопан партийный архив, остались только каменные столбы, по которым едва можно определить расположение комнат. Все место завалено срубленными мелкими деревьями и хворостом. Я указал по данному плану, где надо было очистить место и произвести раскопки, и уехал, чтобы не возбуждать подозрение своим присутствием. Вернувшись через 2—3 дня и осмотрев взрытое место, я убедился, что никаких признаков закопанных тюков не было».

В папке под общим заглавием: «Музей Революции в Москве» попался на глаза еще один любопытный документ — копия письма Буренина к Николаю Ильичу Подвойскому. Николай Евгеньевич рассказывал о неудачном результате своей поездки в Куоккалу. Описав подробности поисков партийного архива, Буренин высказал сомнение, что Подвойский мог перепутать, с какой стороны дома он закопал тюки.

К письму приложены две схемы. На одной нарисован путь от станции к даче Пето, где жил Подвойский. На другой — план самого дома, расположение комнат, веранды, входных дверей, окон. Вдоль наружной стены самой большой комнаты три жирные точки и текст: «Под этой комнатой». Сбоку еще короткое пояснение: «1/2 аршина от наружной стены 1-й комнаты от веранды».

Тайна сама шла нам в руки. Партийный архив — настоящий клад. Знаем, где он зарыт, но до сих пор не обнаружен. Оставалось узнать, казалось, совсем немного: что могло храниться в архиве и где стояла дача? Пришлось серьезно взяться за биографию Н. И. Подвойского.

Солдат революции

В одном из залов Музея Великой Октябрьской социалистической революции экскурсовод непременно подводит группу к одной из витрин и обращает внимание на большие карманные часы с римскими цифрами на циферблате. Они принадлежали председателю Петроградского Военно-революционного комитета Н. И. Подвойскому. Николай Ильич называл их «часами революции». По ним члены ВРК сверяли время в день вооруженного восстания 25 октября 1917 года.

Н. И. Подвойский прожил большую жизнь коммуниста-ленинца. Победе Великого Октября предшествовали тяжелейшие годы подполья, конспиративной и легальной работы в условиях царизма.

Н. И. Подвойский.

К этим страницам жизни и борьбы Н. И. Подвойского нам посоветовал обратиться и практически во многом помог один из его биографов и автор книги о пламенном солдате революции И. П. Лейберов. Игоря Павловича можно справедливо назвать «красным следопытом» или, как он сам говорит, «поисковиком», хотя доктор исторических наук, профессор и лауреат Государственной премии давно вышел из пионерского возраста.

Малоприметная и тихая Красная улица. До революции она называлась Галерной, в память о корабельных дел мастерах, строивших петровские галеры для охраны балтийских рубежей. Сегодня на этой улице рабочих-судоремонтников, печатников и студентов дом № 5 отмечен мемориальной доской.

Сумеречная арка ворот с гулками сводами приводит в небольшой внутренний двор типичного петербургского доходного дома. По левой стороне — двери парадного. Короткие марши лестницы ведут на площадку второго этажа. Осенью 1911 года здесь, в квартире 17, поселилась семья Подвойских — Николай Ильич, Нина Августовна, его жена и первый помощник, двое детей.

Подвойский приехал в Петербург из Баку по приглашению Министерства народного просвещения для участия в «первой всеобщей переписи школ Российской империи», как официально значилось в регистрационной книге околоточного надзирателя 2-го полицейского участка Коломенской части Санкт-Петербурга.

Требовалось немало смелости, чтобы вот так легально поселиться в самом центре столицы рядом с Сенатом и Синодом. Да и Гороховая

улица — рукой подать. Посмотрел бы повнимательней там, на Горюховой, в охранном отделении, какой-нибудь дотошный чиновник, заглянул бы в ящичек с картотекой на революционеров, ой-ой какие бы интересные сведения обнаружил на Николая Подвойского — члена Российской социал-демократической партии с 1901 года, одного из руководителей ярославских большевиков. Да разве только в Ярославле? В Петербург приехал, успел дело наладить, открыл на паях легальное большевистское издательство «Зерно», да не где-нибудь, а на Невском проспекте, в доме 110, по соседству с Николаевским (ныне Московским) вокзалом. В 1907—1908 годах издательство взялось за выпуск сочинений «разыскиваемого властями» В. И. Ульянова-Ленина, его главных произведений «за 12 лет».

Семья Подвойских жила на Галерной, ничем не выделяясь, демонстрируя всем любопытным и, прежде всего, важным с виду дворникам, состоящим на жаловании у полиции, свою полную благонадежность. Да и Петербургский комитет РСДРП, оберегая Николая Ильича и его семью, до поры до времени не использовал его квартиру для партийной явки.

К весне 1912 года положение изменилось. Выстрелы на Ленских приисках разбудили массовое рабочее движение в России. Для связей с редакцией газеты «Правда», с думской фракцией большевиков В. И. Ленину срочно требовались надежные конспиративные квартиры в столице.

28 марта 1912 года Владимир Ильич с тревогой писал из Парижа членам Русского бюро ЦК РСДРП: «Дорогие друзья! Меня страшно огорчает и волнует полная дезорганизация наших (и ваших) сношений и связей... Дьявольски необходим легальный человек в Питере или около Питера, ибо там дела плохи. Война бешеная и трудная. У нас ни информации, ни руководства, ни надзора за газетой». Говоря о «войне», Владимир Ильич имел в виду ожесточенную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами, которые намеревались распустить партию, находившуюся в это время в подполье.

Через несколько месяцев Ленин вновь обращается к членам ЦК с настойчивой просьбой «достать адреса для писем». В этот критический момент Н. И. Подвойский предоставил квартиру в распоряжение партии. Хозяйева квартиры успели хорошо изучить все преимущества дома для конспиративных дел. Двор выходил не только на Галерную, но и на Английскую набережную (ныне набережная Красного флота). Дом напротив тоже имел проходной двор. В случае филерского преследования или неожиданного полицейского налета такое расположение дворов и парадных позволяло незаметно скрыться, а затем смешаться с фланирующей по набережной и возле Медного всадника публикой. Немаловажным удобством было близкое соседство с Главным почтамтом. Это облегчало и отсылку корреспонденции за границу, и получение ее оттуда.

Один-два раза в месяц у Подвойских за самоваром собиралась вполне лояльная публика. Обычное чаепитие да пересуды о петербургских новостях. Дворника отправляли с большой корзиной в кондитерскую за свежими булками с маком. На «чай» давали щедро, чтобы не «сумлевался». В такие вечера здесь встречались видные большевистские работники — М. С. Ольминский, К. С. Еремеев, К. Н. Самой-

лова, Г. И. Петровский, А. Е. Бадаев и другие. За чашкой чая читали, обсуждали ленинские письма и статьи.

С января 1913 года на адрес Н. И. Подвойского по Галерной, 5, кв. 17 шла важная партийная корреспонденция. Это были, главным образом, письма В. И. Ленина к членам Русского бюро ЦК РСДРП и большевистской фракции IV Государственной думы. Как подсчитал профессор Игорь Павлович Лейберов, из 36 известных историкам писем, отправленных В. И. Лениным и Н. К. Крупской из Кракова и Поронина в Петербург за первую половину 1913 года, 12 отправлено на адрес Подвойского.

Текст обычно писали «химией» — бесцветной жидкостью между строк ничего не значащего послания, либо шифровали слова и фразы. Так, в переписке Владимира Ильича называли Фрей, а Якова Михайловича Свердлова — Андрей. Члены думской фракции имели номера, а для газеты «Правда» придумали название «День».

Письма из-за границы в адрес Галерной, 5 во все нарастающем количестве не могли долго оставаться незамеченными. К этому следовало быть готовыми. Николай Ильич заметил маячивших возле дома типов с бегающими глазами. В таких случаях требовалось свернуть переписку, сообщить товарищам о возможной опасности, ограничить визиты и перевести получение корреспонденции на другие адреса. К лету 1913 года на Галерной ликвидировали все дела. Подвойский задумался о новом надежном адресе и безопасной для всей семьи квартире.

Оставив беспокойную столицу, Николай Ильич, Нина Августовна и дети уехали за сорок километров от Петербурга на станцию Куоккала. Напомним, что ныне это курортный поселок Репино. Вскоре Подвойский сообщил новый адрес Н. К. Крупской, и она своим четким, ровным почерком занесла в Адресную книгу ЦК РСДРП: «Куоккала, Финл., ж. д. Полицейская дорога, дача Пето. Н. И. Подвойскому».

Можно представить, сколько воспоминаний вдруг нахлынуло на Крупскую в ту минуту, когда она выводила знакомое название: «Куоккала». Почти два года она выходила на этой станции в дождь и снег, в теплые солнечные дни. Торопилась к знакомому дому — даче «Ваза». Сколько хороших людей перебивало у них — рабочих, студентов, профессиональных революционеров — товарищей по партии. В свободные часы они вместе с Владимиром Ильичем обошли вокруг все тропинки и дорожки. Прекрасно помнит и Полицейскую дорогу. От станции улица уходила лугами к опушке леса, где стояли легкие, почти игрушечные летние дома дачевладельца Пето.

В Куоккалу из Кракова и Поронина продолжали регулярно приходить ленинские письма, статьи, листовки. Николай Ильич по-прежнему организует транспортировку нелегальной литературы из-за границы, прячет партийные документы. В его домике нередко скрываются от агентов охраны товарищи из Петербурга. Приезжает сюда и А. И. Ульянова-Елизарова. Она вместе с Подвойским готовит к отправке в Польшу книги для Владимира Ильича.

С началом мировой империалистической войны 1 августа 1914 года волна арестов прокатилась по столице. Первыми подверглись репрессиям большевики. Полиция разгромила редакцию «Правды», хватала передовых рабочих, сажала в тюрьмы, одевала в шинели и отправляла

на фронт. В конце года снова прошли массовые обыски и аресты среди большевиков. Тогда среди вороха бумаг, захваченных у членов думской фракции, и попался на глаза жандармам адрес Н. И. Подвойского в Куоккале.

Долго ждать «гостей» не пришлось. Заявились 30 декабря 1914 года. Предъявили ордер на обыск и увели Николая Ильича в полицейский участок. Все перерыли в доме, но ушли ни с чем. Через несколько дней Подвойского освободили.

С началом мировой войны нарушились многие заграничные контакты. Окольными путями через нейтральные страны продолжалась переписка. Связь Николая Ильича Подвойского с Владимиром Ильичем не прерывалась. В середине мая 1916 года из Швейцарии без разрешения властей в Россию выехал Михаил Сергеевич Кедров. Он вез от Ленина важные директивы петроградским большевикам, и в первую очередь Н. И. Подвойскому. Это было тем более удобно, что Кедров и Подвойский являлись своими, были женаты на родных сестрах-революционерках. Их девичья фамилия — Дидрикуль.

Как вспоминал на закате жизни академик Бонифаций Михайлович Кедров, а в ту пору двенадцатилетний подросток, они благополучно миновали «жандармские ловушки» и «в троицын день приехали всей семьей на дачу Подвойских в Куоккала... Ленинские документы были доставлены по назначению».

В ночь на 16 ноября 1916 года в комнаты маленького домика в Куоккале ввалился усиленный наряд жандармов. (Не обошлось, вероятно, без провокатора.) При обыске перевернули все вверх дном, но безрезультатно. Николая Ильича увели без всяких объяснений. В ордере на арест указывалось: «Арестовать Подвойского независимо от результатов обыска».

Суд по военным временам был скорым. Предъявили единственное, но достаточно веское обвинение — принадлежность к Российской рабочей социал-демократической партии. И хотя компрометирующие материалы в руки полиции не попали, их опять удалось надежно спрятать, по законам военного времени Н. И. Подвойского приговорили к многолетней ссылке в Сибирь. За несколько дней до отправки эшелона с ссыльными в России началась Февральская буржуазно-демократическая революция. Она и открыла двери тюрьмы.

Вокруг да около...

После такой обстоятельной, но совершенно необходимой исторической справки, снова вернемся к нашим дням. Определим условия за дачи. Что известно? Бывшее название улицы — Полицейская дорога. К сожалению, в маленьких поселках, таких как Куоккала, не существовало нумерации домов. Называли по фамилии дачевладельца. В данном случае — дача Пето. Николай Ильич незадолго до ареста закопал под полом своего дома партийный архив. Переписки, документов, литературы накопилось много — еле поместилось в три тюка. Спрятал Николай Ильич свой «клад» тщательно, со знанием дела. Не смогли его отыскать жандармские ищейки, хотя стучали, щупали, мо-

жет быть, даже отрывали доски пола. Вспомним, что кроме письменного сообщения о зарытом партийном архиве имеется еще схема подхода к дому и план дачи Пето, нарисованные Подвойским.

Теперь можно наметить план поисков. Начать лучше с уточнения сведений о даче Пето: на какой улице находился дом, как называется теперь Полицейская дорога? Группа разведки с неизменным своим командиром Андрюшей Бахваловым вернулась из первой поездки в Репино ни с чем. Кого только не расспрашивали в поселке о Полицейской дороге. Одни отмахивались и проходили мимо, другие с подозрением поглядывали на ребят — уж не разыгрывают ли их?

Прямо хоть плачь, никто из нынешних жителей не знает названий старых улиц в поселке. Хорошо, вспомнили, что несколько лет назад, когда уточняли местонахождение ленинской дачи «Ваза» в Куоккале, пользовались картой 1912 года из фонда Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

Как на военном совете разложили на столе два плана — фотокопию карты Куоккалы за 1912 год и современный план поселка Репино, отпечатанный на большом листе «синьки». От железнодорожной станции разбегается веер улиц. Одна из них, Куоккальская, пересекалась с Полицейской дорогой. Значит, вот она, Полицейская. Кто бы мог подумать, что теперь она называется Луговой?

Еле дождалась воскресенья. «Теперь-то точно найдем», — доказывал всем по очереди Валера, полный всегда неиссякаемого оптимизма. Вышли из поезда и бегом на Луговую. Старых домов на этой улице почти не сохранилось. Выросли здесь белые корпуса дома отдыха «Буревестник», детские сады, коттеджи Дачного треста. Да и что смотреть старые дома, если, как писал Н. Е. Буренин, от дачи Пето уже в 1928 году ничего не сохранилось. Остатки фундаментов, заросшие каменные кладки — вот что должно нас интересовать.

Ребята растянулись в цепь по обе стороны улицы, прочесывая участки. Как опытные минеры, они прощупывали палками жгучие заросли крапивы, колкие кустарники шиповника с оранжево-красными ягодами, заглядывали в заплывшие песком котлованы. Прохожие по-дозрительно косились: «Что там делать на заброшенных пустырях?»

— Посуду собирают или металлолом, — высказалась вслух одна бабуля. Откуда ей было знать, каким серьезным делом занимаются эти мальчишки и девчонки.

С разных сторон неслись крики: «Фундамент! Еще фундамент!» Улица длинная, сколько тут может быть старых фундаментов? Попробуй узнай, какой из них наш. Прикидываем по схеме, нарисованной Подвойским для Буренина. По нашим расчетам, дача эта стояла где-то рядом с новой школой или возле ручья. Схема выполнена условно, приблизительно. Никак ее не совместить даже со старой картой. Оставалось строить предположения и спорить — тут или не тут. А чего спорить, если нет никаких доказательств. И фундаменты перестали искать, со счета сбились. Невеселые возвращались домой.

Решили подступиться к даче Пето с другой стороны. В Москве живут дети Николая Ильича, почему не написать им и не расспросить подробно о бывшей даче?

Адрес старшей дочери Подвойского Ольги Николаевны дал нам И. П. Лейберов.

Отправили письмо в Москву. Рассказали Ольге Николаевне о наших заботах, приложили схемы и попросили ответить на вопросы: Долго ли шли они от станции к дому, что окружало дачу, особенности и характерные приметы участка: не протекал ли по соседству ручей и с какой стороны от дороги стоял дом?

Ольга Николаевна прислала нам ответ подробный и обстоятельный, по каждому пункту отдельно:

«Как долго мы шли от станции? Помню, что ходили туда довольно часто, но, кажется, это не было утомительным. Думаю, что это занимало минут 20. На углу Полицейской и Парковой, судя по плану, была булочная, куда меня посылали за хлебом.

Что окружало дачу и был ли участок с правой или левой стороны? План, нарисованный папой, соответствует моим воспоминаниям. От Вокзальной (видимо, Николаевской) улицы мы действительно сворачивали влево, потом вправо, шли мимо дачи Дзельскальна и дома сапожника. Наша дача была на левой стороне улицы. Напротив дачи был луг, принадлежавший финну, очень сердившемуся, когда мы по этому лугу проходили, направляясь к морю.

Рядом с нашей дачей постройки отсутствовали, и по улице мимо — никакого движения. Как будто дальше не было и домов, и сразу же начинался лес, где мы собирали бельевыми корзинками грибы и бруснику. Ручья на участке точно не было. Если только неглубокая канава, но без воды. Мостика я тоже не помню.

Возможно, эти отдельно стоящие дачи Дзельскальна и Пето не находились на самой Полицейской улице, а были «приписаны» к ней, хо-

Ольга Николаевна Подвойская в Репино с краеведами Дворца пионеров.

тя построены были отступя от нее в сторону Парковой улицы? Я помню, например, что, перейдя луг наискосок немного влево, мы входили в сосновую рощу и шли по немощеной дорожке, на которой выступали корни деревьев. Как будто поблизости там была церковь. Всего до моря было, кажется, минут 20—30 ходьбы. Может быть, проход к нашей даче был по переулку, где-то у участков № 316 и 324? Такую версию стоит проверить.

Теперь о приметном камне. Это был типичный для тех мест вросший в землю гладкий валун примерно 1,5—2-метровой высоты и чуть побольше в длину. Он был тоже с левой стороны от дороги, вероятно, в сотне или в паре сотен метров от дачного забора, немного в глубь леса, на довольно открытом месте».

Письмо Ольги Николаевны изучили как таблицу умножения, читали все вместе и каждый отдельно. Для удобства пользования перепечатали несколько экземпляров на машинке. В ближайшее воскресенье окрыленные выехали в Репино. В вагоне электрички повторяли наизусть все приметы от начала до конца. Пришли на Луговую и сразу убедились, что искали в совсем противоположном конце улицы. Перебрались поближе к лесу, к опушке леса и снова принялись за фундаменты. Разрыли в округе все кучи опавших листьев, надеялись встретить «приметный валун». Куда он мог подеваться, не сосновая шишка, а камушек размером 1,5 на 2 метра? Нужно ли говорить, что до успехов было далеко.

На занятиях во Дворце снова начали дискуссию: ездить в Репино или нет — вот-вот снег выпадет и все фундаменты покроет белой пеленой. Свежую идею спорящим подбросил Володя Камочкин: «А что, если в зимние каникулы поехать в Москву и встретиться с Ольгой Николаевной? Расспросим ее, поделимся нашими трудностями. Неужели не поможет?»

Московские каникулы

В первый день нового, 1977 года родители провожали следопытов в Москву. Программу наметили насыщенную. Решили побывать в пятнадцати музеях столицы. Начали с Кремля, Мавзолея В. И. Ленина, попали даже в фонды Музея Революции. Все дни ждали встречи с Ольгой Николаевной Подвойской. Привезли с собой портативный магнитофон, а Володя Камочкин уложил в рюкзак большую лампу для фотосъемки.

Морозным вечером 7 января двенадцать юных ленинградцев не без труда отыскали дом на набережной Тараса Шевченко. Входили в квартиру осторожно, боялись напугать хозяйку великим нашествием.

Пресс-конференцию задумали провести по всей форме. Андрей Бахвалов достал из сумки магнитофон и включил его в сеть. Но, как нарочно, мотор на улице замерз, хоть крути бобину пальцем. Зато Володя Камочкин сумел установить свой осветитель и включил все, какие были в доме, лампы. Фотоаппарат «Смена» не подвел, и снимки получились приличные. Ирэна Васильева и Наташа Темова приготовились подробно записывать рассказ Ольги Николаевны, а другие девочки в это время развлекали ее маленького внука.

Ребята задавали вопросы — Подвойская отвечала: как выглядела дача, какие были комнаты, куда они ходили гулять, кто приезжал к ним? Оставалось удивляться, как много помнит Ольга Николаевна, ведь она была в ту пору двенадцатилетней девочкой.

Путешествуем по старой карте Куоккалы, которую предусмотрительно захватили с собой. К сожалению, на ней не указан нужный нам участок, в этом вся загвоздка. Его не успели или позабыли обозначить, вот и приходится крутиться вокруг да около. Если представить, что карта — мишень, то мы попадаем где-то в тройку или четверку, а необходимо непременно поразить десятку!

— Вот бы вам приехать в Ленинград, а потом в Репино, — выскзал кто-то вслух давнюю нашу мечту. — Правда, Ольга Николаевна, приезжайте!

Подвойская определенно ничего не обещала, не так просто тронуться с места — семья, дела. На прощание Ольга Николаевна угостила всю компанию чаем и пожелала успехов.

Перед самым нашим уходом она вспомнила, как отец поручил Бонифацию Кедрову, ее двоюродному брату, поехать в Куоккалу и забрать там нужные ему вещи, а проводником и сопровождающим попросил быть ее, Ольгу, или Олесю, как звали родные.

— Попробуйте позвонить Бонифацию Михайловичу, — предложила Подвойская, — вот его номер телефона. Вполне возможно, что он вспомнит какие-нибудь подробности, полезные для вас.

Откладывать звонок к академику Кедрову не стали и на следующее утро уже разговаривали с ним по телефону. Увы, никаких подробностей той далекой поездки Бонифаций Михайлович вспомнить не мог, тем более, объяснил он, его провела к даче Олеся.

Уже позже в воспоминаниях Б. М. Кедрова мы прочли об этом эпизоде: «1917 год кончался. Однажды Н. И. Подвойский сказал мне, что бы я съездил на их дачу в Куоккала и привез оттуда оставшийся там микроскоп, так как дачу могут ограбить. Он добавил, чтобы я не рылся в его бумагах, а только убедился, что они целы, — за этими бумагами он сам, по его словам, собирался приехать, когда подвернется удобный случай. Однако время было такое горячее, что удобного случая так и не представилось, и все его бумаги, находившиеся на даче, там и остались».

Так как дороги к даче я не знал, то в качестве проводника со мной поехала старшая дочь Николая Ильича Олеся. Ей тогда было около десяти лет... На даче в Куоккале мы пробыли несколько часов, в течение которых я изучал огромную библиотеку Николая Ильича. В ящике письменного стола и в шкафах обнаружил много бумаг и документов. Но, помня указания Николая Ильича, я в них не рылся...»

Больше никто и никогда из семьи Подвойских к себе на дачу в Куоккале попасть не смог. В начале 1918 года по декрету, подписанному В. И. Лениным, бывшее великое княжество Финляндское получило государственную самостоятельность. К Финляндии отошел и Карельский перешеек вместе с поселком Куоккала.

Быстро прошла зима, незаметно пролетели весенние каникулы, мы их провели по традиции в Хибинах на Кольском полуострове. Потемнел, осел, а потом и сошел снег, и первые зеленые росточки пробились у заброшенных фундаментов. Снова зачастили в Репино.

В середине мая к нашей группе присоединились студенты Высшей профсоюзной школы культуры. Вместе отправились на Луговую улицу. Поехал с нами и профессор И. П. Лейберов. Возле одного из старых фундаментов, используя его вместо трибуны, устроили открытое заседание с повесткой дня: «О дальнейшей стратегии и тактике в поиске участка дачи Пето». Игорь Павлович рассказал о жизни Н. И. Подвойского в Куоккале. От него же узнали ошеломляющую новость — через неделю в Ленинграде проездом будет О. Н. Подвойская. Ее пригласили сотрудники телевидения, и пробудет она в городе два дня.

— Надо уговорить ее во что бы то ни стало приехать в Репино, — закричали ребята, — ведь приглашали Ольгу Николаевну еще в январе!

Профессор И. П. Лейберов согласился помочь, пообещал договориться с Подвойской по телефону. Оставалось ждать и надеяться.

Приближение к истине

Воскресенье 29 мая. Теплый солнечный день. Группа ребят еще с утра выехала в Репино для встречи О. Н. Подвойской. Черная «Волга» пришла уже после полудня. Ольга Николаевна успела с утра побывать на улице Подвойского в районе новостроек, затем на Невском проспекте, в той самой квартире, где в годы реакции размещалось издательство «Зерно». Заехали и на бывшую Галерную улицу, а ныне Красную, откуда семья Подвойских перебралась в Куоккалу.

Дорогие и близкие адреса. Будто это не «Волга», а «машина времени» перенесла ее в годы далекого детства. Теперь Ольга Николаевна настороженно присматривается к вокзальной площади, ищет знакомые приметы. После войны ей приходилось бывать в Репино, но все проездом.

Подвойская уверенно направляется по одной из трех дорог, твердо выдерживает направление.

— Вот там, возле берез, я бы повернула налево, — вопросительно говорит Ольга Николаевна.

— Точно, правильно, — хором подтверждаем мы, — она самая, Луговая.

Подошли к участку, где успели облазть все фундаменты и сделать глазмерную съемку. Здесь же пытались найти «приметный камень».

Подвойская даже не останавливалась возле «нашего» участка, не замедлила шаг. Выходит — «холодно», зря тут крутились. Идем дальше. Переглядываемся с ребятами, пожимаем плечами, но незаметно для гостей.

Развилка. Направо — асфальтовая дорожка, прямо — заброшенный лесной проселок. Держимся за Ольгой Николаевной, как нитка за иголкой. Она прямо — и мы туда. Прыгаем через корни, перебираемся по узким бревнышкам через мокрые, заболоченные участки. От нашей помощи Подвойская отказалась, хотя Володя и Валера предлагают ей руку для опоры. Она сама ловко прыгает с кочки на кочку, балансирует на хлюпающем бревне. В ответ на возгласы удивления

рассказывает на ходу, что ей пришлось много путешествовать и еще прошлым летом она совершила поездку на Дальний Восток.

Лес постепенно отступает, и мы оказываемся на большой поляне неопределенной конфигурации. По краю — посадки берез, а рядом старая еловая рощица. Ольге Николаевне она кажется будто знакомой. На пути попадаетесь большой валун. Неужели «приметный камень»? Подвойская примеряется к нему со всех сторон. Радуемся все вместе, гладим его шершавую поверхность.

Не успели отойти десяток шагов, еще один приличный валун и не хуже первого. Вот и гадай. Недалеко — заброшенный фундамент, похожий по приметам на тот, что ищем. Ходим по кругу, точнее, по спирали. Пытаемся с помощью Ольги Николаевны представить себе, как это могло выглядеть во времена ее детства. Вот большой луг. Не через него ли бежала маленькая Ольга на пляж? И эту версию следует проверить. Идем кратчайшим путем к Финскому заливу.

Минут через двенадцать мы у самой кромки воды. Ветер с моря. Валы накатываются на берег, оставляя серую вату пены у самых ног. Ольга Николаевна всматривается в очертание берегов. Все время чувствуется, как она напряженно старается вспомнить, узнать, «примерить» к тому, что видит сейчас.

Возвращаемся на приглянувшийся участок. Он, вероятно, сильно изменился. И не только за полстолетия, но больше всего за последние пять—восемь лет. Рядом вырос целый городок пансионата «Заря» для старых большевиков. Проложили подземные коммуникации, сделали новые дорожки, поставили водонапорную башню. Облик местности стал другим.

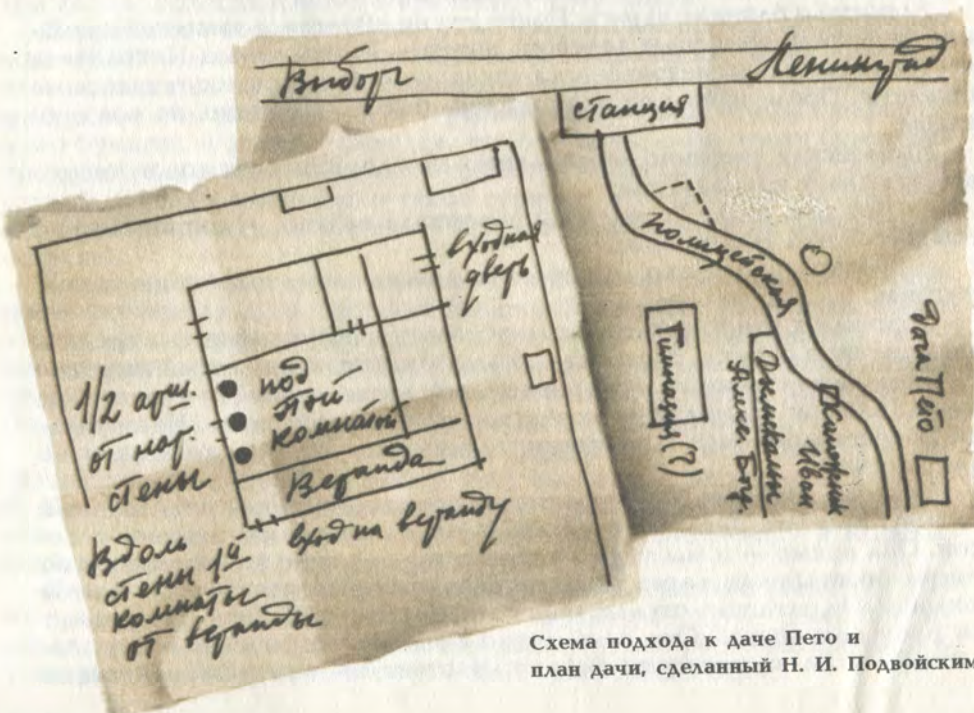

Схема подхода к даче Пето и план дачи, сделанный Н. И. Подвойским.

Ольга Николаевна неутомима. Даже ребята притихли, не бегают по сторонам, а ходят гуськом за Подвойской. Ее так и тянет к валуну, и наша компания выстраивается рядом. Еще раз разглядываем карту, прикидываем так и сяк схемы. Конечно, еще и еще раз все необходимо проверить, сравнить и доказать, что это действительно здесь, а не в другом месте.

Нам кажется, Ольга Николаевна не хочет отсюда уходить. Незаметно прошло два часа. Провожаем нашу гостью. Она нам здорово помогла, многое прояснила. Стараемся, но не можем передать словами благодарность за ее душевную щедрость. Пообещали Ольге Николаевне продолжить поиски.

Искать и снова искать!

Металлический щуп — лыжная палка с длинным штырем — уходит в грунт на 10—15 сантиметров и дальше никак. Упирается и гнется — наткнулась на камень. Андрюша и Дима выпрямляют щуп и снова с силой втыкают его в подстилку из прелых листьев.

Это еще не поиск клада, а всего лишь «оконтуривание фундамента». Если проще — ребята пытаются определить границы заплывшего земли основания дачи. Точно так же прощупываются и соседние фундаменты.

Гадаем. К сожалению, не по картам. Вот если бы найти план или схему, где обозначена дача. Или знать границы участка бывшего дачевладельца Ричарда Германовича Пето. Сквозь землю даже остатки старых фундаментов не увидишь, что поделывать? Но по воле случая нам пришлось убедиться в относительности этой, казалось бы, безусловной истины...

В один из январских дней к нам во Дворец зашел странный человек. Сказал, что зовут его Арсений Валерьевич Дернов, и даже показал паспорт. Достал из портфеля книгу в бумажной обложке, попросил прочесть отмеченные карандашом абзацы предисловия. Удивление вызвало уже само название книги — «Лозоходство — вековая загадка». Когда-то приходилось раньше читать о людях, способных с помощью ветки лозы отыскивать источники воды в засушливых районах. Так вот он, Арсений Валерьевич, является последователем подобного метода поиска. Правда, его больше интересует не вода, а инородные тела, пустоты, находящиеся под землей. И пользуется Дернов не лозой, а двумя прямоугольными рамками из стального прута. Держит он их в руке особым образом. В какой-то момент, ощущая под землей аномалию, рамки смещаются.

Арсений Валерьевич — москвич, бывший изыскатель, ныне на пенсии. Из газеты «Правда» узнал о розысках партийного клада Подвойского. Позвонил в редакцию. Корреспондент «Правды» в Ленинграде Виктор Тихонович Сенин посоветовал обратиться во Дворец пионеров. Вот он и приехал к нам. Торопил с поездкой в Репино. Уже трое суток дождался, когда мы вернемся из похода.

Через день, в воскресенье, отправилась с гостем поисковая бригада — Володя Камочкин, Наташа Яковлева, Ира Барбашова и Андрей

Мякишев. Привели Арсения Валерьевича к гранитному валуну. Объяснили ситуацию. Время мало подходящее: зима, снег. Что увидишь? Но Дернова, видимо, это мало смущает. Достал из портфеля «прибор», настроился серьезно и пошел вдоль дорожки. Володя держится за гостем, приглядывается к его манипуляциям. «Прибор» определенно регистрирует длинное «инородное тело». Так и есть, нам известно, что тут в траншее проложена труба от водонапорной башни к жилым корпусам.

Следующий заход. Вся бригада с Арсением Валерьевичем забирается в снег и теперь прочесывает участок с предполагаемым фундаментом. В какой-то момент металлические скобы начинают шевелиться, будто их раздвигает невидимая сила. «Аномалия», — констатирует Дернов. Если и обратный ход подтверждает аномалию — Володя помечает это место флажком. Так намечается общий контур довольно большого треугольника. Арсений Валерьевич предлагает ребятам попробовать свои способности. Смущаясь и подшучивая друг над другом, берут по очереди рамки Володя, Ира, Андрей. У них ничего не получается. Только Наташа оказалась способной ученицей нашего волшебника. Чудеса, да и только.

Каждую «аномалию», отмеченную флажком, ребята «привязали» к ближним деревьям. Ориентиры и весь контур перенесли на бумагу — сделали схему по всем правилам топографической науки. Поверили московскому гостю и его удивительному прибору. Конечно, все надо еще и еще раз проверять. Но ведь пользуются подобным методом археологи. В одной из телевизионных передач показывали, как ученый с помощью металлических рамок пытается определить первоначальные постройки древней крепости в Выборге.

Весна прошла в предпоходных заботах, лето в путешествиях. Выбрались в Репино только в сентябре. Сначала пришли к знакомому месту одни, а в следующее воскресенье пригласили следопытов из репинской школы. Показали им участок, рассказали, где прибор Арсения Валерьевича показывал аномалии. Репинские ребята долго не раздумывали. Пришли сюда с лопатами. Вместе с завучем школы Галиной Матвеевной наметили первую разведочную траншею и начали рыть.

Что нашли? Два десятка тесаных камней-булыжников. Наткнулись на обожженное бревно. Похоже, на остаток от сруба. И больше ничего, хотя углубились почти на метр. Подходили любопытные — что да почему? Приходилось объяснять, что, мол, благоустривают территорию. Не расскажешь же, что клад ищут.

Уже на следующий день мальчишки из ближних домов устроили из траншеи окоп. Невелик результат, но ставить точку рано. Шефы школы — строительная организация. Если подогнать к площадке экскаватор? Теперь даже при археологических раскопках на первых этапах используют бульдозеры для вскрытия верхнего слоя. Так почему не попробовать механизировать и нам этот процесс?

Если пойти на такой шаг, то надо быть абсолютно уверенными, что место дачи определено точно, так сказать, стопроцентная гарантия. А такую гарантию может дать карта, план, где указан искомый участок. Нет ничего верней «картографического метода» поиска. В этом мы убедились не один раз.

Где только не пытались искать эту карту, к кому только не обращались. Неожиданно нашелся еще один добровольный помощник — архитектор из Выборга Виктор Васильевич Дмитриев. Зная об истории дачи Пето и наших проблемах, он попросил своих друзей и коллег-архитекторов в Финляндии помочь следопытам в поиске. И что бы вы думали? Нашли и прислали план финские архитекторы. Красным кружком пометили и написали по-фински — дача Пето. К сожалению, помеченный участок нам знаком был и раньше. Рядом с Финским заливом находился дом и усадьба самого хозяина, а дачные участки и дома, которые он сдавал, были на другом конце поселка. Поблагодарили за любезность и внимание, объяснили еще раз, что ищем.

Снова прислал нам Виктор Васильевич план Куоккалы и пояснения к нему. Он получил их от финского архитектора Ю. Ланкинена. Отмеченный на плане участок под № 324 в 1917 году носил название вилла Виндела, и его владельцем числился русский подданный Эдвард Ланской. Судя по расположению на плане, очень похоже, но вот смущает название виллы и фамилия дачевладельца. Ведь Н. И. Подвойский в своей пояснительной записке их не упоминал. Новая загадка?

От нас ждут открытий сегодня, немедленно, к назначенной дате. Так в действительности не бывает. Конечно, поиск может продолжаться еще не один год. Но сколь долго бы он ни длился, он должен принести неожиданные и интересные результаты. Сам процесс разысканий уже дал много, а ведь речь идет о неизвестных партийных документах и, возможно, новых страницах ленинских писем.

Приступая к поискам дачи Пето, мы не предполагали, как много у нас добрых и заинтересованных помощников. Будут и еще. В этом наша сила, и поэтому мы верим в успех. Искать и снова искать!

ОПАСНЫЙ МАРШРУТ

Это уже традиция: в канун ленинских юбилеев научные сотрудники Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина дают задания следопытам пионерских дружин и отрядов. Случается, поиск продолжается не один год и его передают как эстафету многие поколения юных исследователей. Так вышло и у пушкинских ребят — пионеров 409-й и Александровской школ. Им поручили попытаться определить путь, которым Владимир Ильич 20 мая 1900 года шел через царскосельские парки.

Один день в начале века

Чем же оказался знаменательным в жизни Ленина этот майский день в самом начале века? Ребята взяли в библиотеке книги, биографию вождя, воспоминания его родных и близких, сборники документов. И вот что им удалось узнать.

После окончания срока ссылки в Шушенском Владимиру Ильичу запретили проживать в Петербурге, Москве, да и вообще в большинстве крупных городов России. Из оставшихся возможных мест Владимир Ульянов выбрал Псков — поближе к Питеру. 5 мая после немалых хлопот псковский губернатор выдал ему заграничный паспорт для поездки в Германию. В таких случаях приводились две уважительные причины — лечиться и учиться.

На самом же деле Владимир Ильич рвался за границу совсем по другому поводу. Еще в ссылке он до мельчайших подробностей обдумал план издания будущей общерусской нелегальной марксистской газеты. Назвали ее — «Искра».

Все поначалу складывалось удачно. Оставались считанные дни до его приезда в Подольск, где жила Мария Александровна в это лето. Навестить родных — и за границу. 18 мая 1900 года из Пскова в Подольск на имя Марии Александровны Ульяновой ушло письмо:

«Пишу тебе, дорогая мамочка, несколько слов, чтобы известить, что мой отъезд, к сожалению, несколько оттягивается, — на очень

немного: я надеюсь все же быть у вас либо в воскресенье, либо во вторник вечером, 21-го или 23-го. Крепко целую тебя и прошу не беспокоиться о моем здоровье: я чувствую себя теперь хорошо и много гуляю, благо погода стоит великолепная; после 2—3-х дней дождя все позеленело, пыли нет еще, воздух прекрасный, — так и тянет ins Grüne (на природу. — *Рег.*). До скорого свидания. Твой В. У.»

Мария Александровна не случайно беспокоилась за сына и в каждом письме спрашивала о состоянии здоровья, выпытывала правду о самочувствии, советовала беречь себя. В последние месяцы Владимира Ильича сильно «подтянуло», он осунулся, поbledнел от бессонницы и волнений. Не спокойно было на сердце — подлинно ли удасться уехать, не вышло бы какой зацепки. Любящий и заботливый сын всячески успокаивал дорогую мамочку, просил не волноваться за него, каждый раз писал, что чувствует себя вполне прилично.

Задержка Владимира Ильича с приездом в Подольск, о которой он сообщал Марии Александровне в письме, имела серьезную причину. В оставшиеся до отъезда из России дни необходимо было встретиться с товарищами в Петербурге, найти там для связи верных агентов будущей газеты, лично решить все неотложные дела. Предстояло хотя бы на сутки заехать в столицу. Но как это сделать? Появиться там открыто — никоим образом. Ему нельзя нарушить постановление «самого» господина министра внутренних дел. Оставался единственный выход — негласно, тайно и незаметно. Как говорили тогда — сугубо конспиративно.

В первую половину дня 19 мая Владимир Ильич отвез на вокзал багаж — три ящика книг личной библиотеки весом в 13 пудов, или 208 килограммов. Груз по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге отправился в Подольск. Сам же хозяин библиотеки, захватив небольшую ручную корзинку, поздним вечером сел в вагон пассажирского поезда № 18, следовавшего маршрутом: Остров — Псков — С.-Петербург. Ровно в 23 часа 12 минут, как указывалось в расписании, состав отошел от псковского перрона.

Ранним утром, когда поезд на несколько минут притормозил у платформы станции Александровская, Ленин спрыгнул с подножки вагона. Бросив взгляд по сторонам, он направился аллеями Александровского парка в сторону Царскосельского вокзала.

Вот теперь, когда понятна историческая обстановка, можно приступить к решению весьма и весьма сложной задачи — попытаться определить путь Владимира Ильича.

Из точки А в точку Ц

Что известно? Точка А — Александровская и точка Ц — Царскосельский вокзал. Время пути, судя по донесению тайных агентов, — от 7 часов 36 минут до 9 часов утра. Получается 94 минуты, или 1 час 34 минуты. Вот и все.

Спорить о разных вариантах движения можно до бесконечности. Для начала, как говорят ученые, требуется обоснованная гипотеза, обоснованное предположение.

Две подруги, ученицы Александровской школы, Света Данилова и Марина Иванова, решили начать с опроса старожилов поселка — кто помнит, какими путями добирались раньше от Александровской до Царского села? Девочкам сразу повезло. Их учительница русского языка Лидия Павловна девочкой каждый день бегала из поселка в городскую школу. Она хорошо помнила все дорожки и объяснила ребятам как лучше идти. После уроков мальчишки — Игорь Гашников, Андрей Пучков и Вова Смернов — отправились на разведку. Все складывалось как будто удачно и довольно просто, но... была одна загвоздка.

Предшественники александровских следопытов — пытливые исследователи 409-й пушкинской школы — тоже пытались решить задачу и определить, какой дорогой шел Ленин. И каждый раз предлагаемые ими варианты пути ставились под сомнение. В чем же дело?

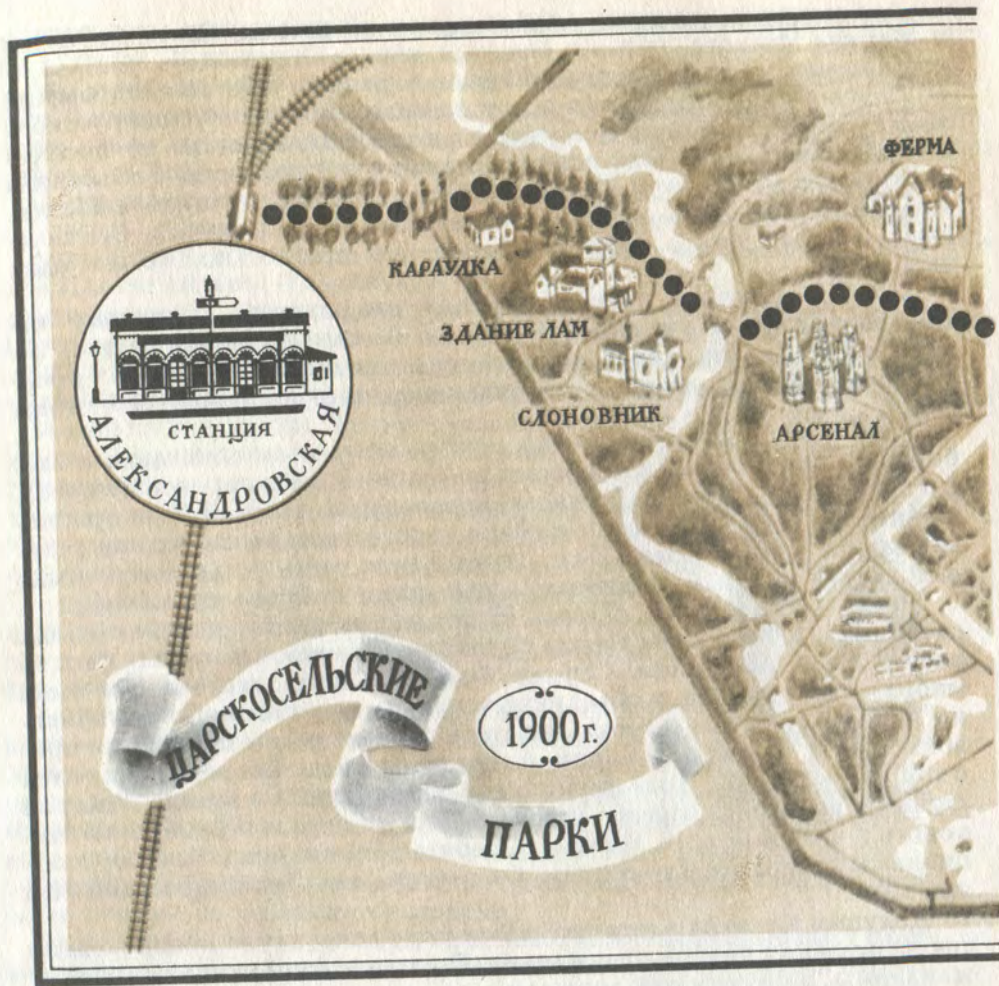
Ребята вряд ли догадывались, что не всегда так привольно и свободно можно было ходить и бегать по аллеям Александровского парка. До 1917 года в Александровском дворце жил царь со своими приближенными и все вокруг, включая парк, строго охранялось. Значит, условия задачи усложняются. Надо определенно знать — где можно было находиться простым смертным, а где могли схватить стражники.

Несколько лет назад одними из первых на «тропу поиска» встали следопыты 409-й школы города Пушкина. Назовем некоторых из этих ребят: Люда Ларенцова, Сережа Фролов, Света Захарова. Их было много — энтузиастов, и объединил всех, увлек учитель истории Михаил Афанасьевич Емельянов. Они тоже первым делом пришли на привокзальную площадь станции Александровская. Вокзал сохранился с той далекой поры, хотя фашистская бомба попала в здание. Толстые стены не поддались взрыву, устояли. После войны все удалось восстановить в прежнем виде. В поселке ребята встретились с бывшим станционным сторожем Куликовым. Он работал на Александровской еще при царе.

Дедушка Куликов рассказал: «В ту пору вокруг станции проходила так называемая полоса отчуждения. По краям зоны стояла охрана — жандармы. Винтовки они держали с постоянным прицелом — 320 шагов. Царь с семейством приезжал сюда по специальной железнодорожной ветке, и в павильоне они ожидали экипаж. После отдыха и чаепития царское семейство в сопровождении конных казаков направлялось в Александровский дворец».

Приняли следопыты как неременное условие поправку «на время», на «особую обстановку» и отправились в путь. Начали от площади, потом вышли на Волхонское шоссе — ровную и прямую тройную аллею. Почему тройную? В центре — широкая дорога, справа и слева — пешеходные дорожки. До чугунных ворот — их называли Александровскими — 1250 метров. Дальше — пейзажная часть Александровского парка, созданная по проекту архитектора А. А. Менеласа.

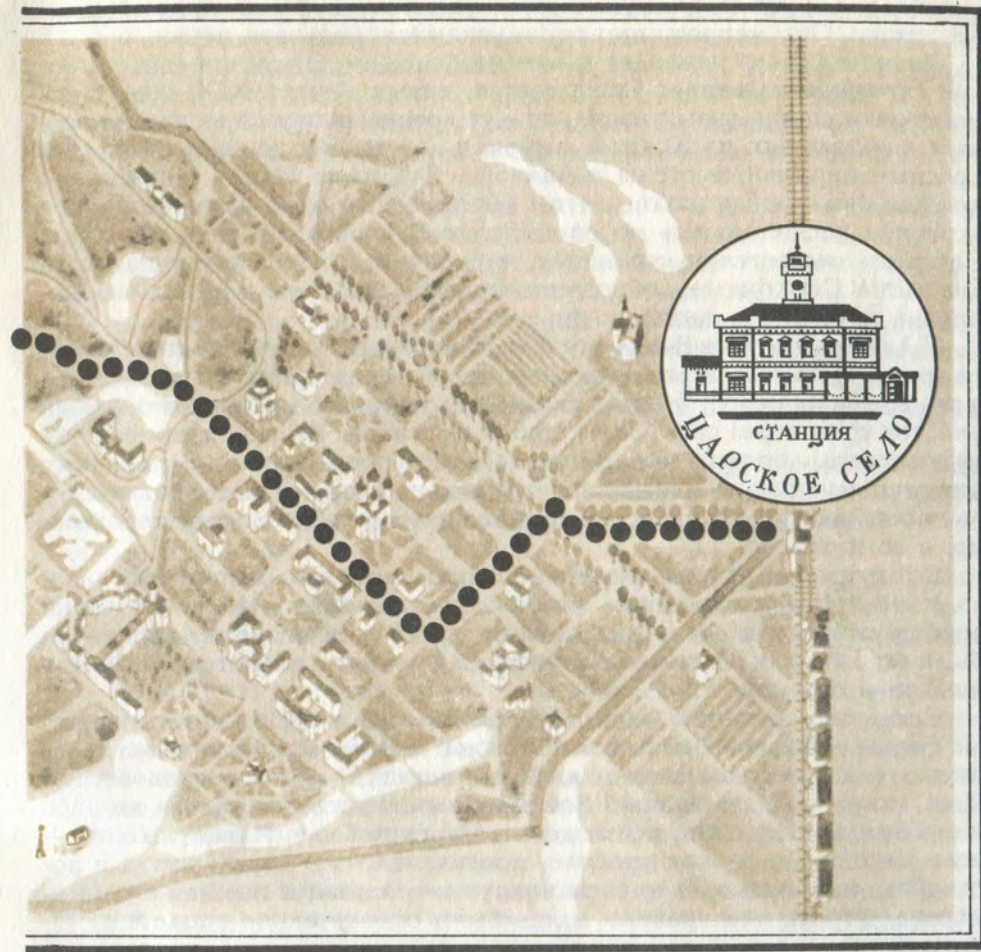
Три дороги от Александровских ворот уходят в разных направлениях. Как тут не вспомнить былинного богатыря на распутье перед камнем с высеченными на нем предупреждениями. Утром 20 мая 1900 года Владимиру Ильичу пришлось выбирать одну из трех дорог. Какую?

Левая — Кузьминское шоссе. Она идет к деревне большое Кузьмино открытыми полями, огибая зеленый массив и весь город с севера. Тут не скроешься от наблюдения, да и путь длинный, круговой. Правая — продолжение Волхонского шоссе, естественная граница между Александровским и Баболовским парками. Эту часть нынешнего шоссе называли в начале века «этапной дорогой», она была удобной для конных казачьих разъездов. Совсем рядом располагался военный лагерь Царского Села. Маловероятный путь для опытного конспиратора. Да и времени на него надо больше двух часов.

Из трех дорог осталась одна — средняя, ее называют Елевой аллеей. Не Еловая, а именно Елевая. Старожилы подсказали — это самый короткий и удобный путь, им пользовались раньше, ходят и теперь.

В таком случае как мог идти дальше Владимир Ильич? Что сегодня напоминает о том далеком времени? Нелегко ответить на эти вопросы. И прежде чем попытаться это сделать, пришлось отправиться в Госу-

дарственную Публичную библиотеку имени Н. Е. Салтыкова-Щедрина, пересмотреть там все книги, имеющие отношение к истории Царского Села конца XIX и начала XX века. Больше всего интересовали схемы и планы окрестностей Царского Села, старинные карты парков, они реально помогли ориентироваться в хитросплетении аллей и дорожек.

В книгах и на картах указывались, например, караулки, небольшие здания, поставленные около входов в парк. Один из таких караульных домиков сохранился возле Александровских ворот. Правда, заросли кустов позволяли пройти незаметно от парковых сторожей.

Елевая аллея. Плотная когда-то стена из высоких стройных деревьев по обеим сторонам прорубленной здесь просеки теперь сильно поредела. Не пощадила их война. Брешы в рядах деревьев — большие и маленькие. Много елей погибло и вырвано с корнями, повреждено осколками и взрывной волной. На смену павшим поднялась поросль

стройных елочек. Эту тихую и чуть мрачноватую часть парка оживляют птицы. Они непрестанно перекликаются, распевая песни.

Тенистая аллея приводит к Ламским прудам. Откуда появилось такое странное название? Оказывается, еще в начале XIX века здесь построили специальный павильон для красивых экзотических животных, вывезенных из Южной Америки. До наших дней сохранились красные кирпичные стены павильона. Владимир Ильич непременно должен был пройти рядом с этим зданием. Еще одно примечательное строение располагалось по соседству с Елевой аллеей — слоновник. Как рассказывается на страницах старых книг, в 1900 году здесь жили два слона. Спокойные, добродушные, летом они гуляли на воле и ежедневно купались в Ламских прудах.

У Ламских прудов Владимир Ильич, вероятно, задержался на какое-то время. И не столько из-за слонов, которые вполне могли находиться в это время на берегу у воды, сколько потому, что начинался опасный участок пути через парк. За ажурным мостиком, перекинутым в узкой части пруда, дорожка поворачивала направо к Арсеналу — красному кирпичному зданию с четырьмя зубчатыми башнями англо-готического стиля. Здание охранялось, и приближаться к нему было нежелательно, а то и опасно.

Вот тут в самый раз ответить на вопрос, который непременно задавали следопытам дотошные оппоненты-старожилы: «Как мог Ленин вообще попасть в Александровский парк, если вся его территория была закрыта для обычных посетителей и вокруг парка стояла высокая железная ограда?»

Спору нет, решетка была, она протянулась на добрые пять верст! Но когда ее установили? Летом 1905 года! А Владимир Ильич шел здесь пятью годами раньше. Можно ли было тогда гулять по парку свободно? И да, и нет. Что это значит? Все зависело от того, находился ли царь и его придворная свита в этот день в Царском Селе. И еще условие — если находился, то, как правило, прогуливался по парку всегда в послеобеденное время. В те часы вокруг него сновала гласная и тайная охрана. Утром, как правило, здесь было относительно спокойно.

О чем писали газеты

Нас конкретно интересуют утренние часы субботы 20 мая 1900 года. Что было в этот день? Какие события, прямо или косвенно, имели отношение к Царскому Селу? Обратимся к газетам того времени. Раскромем пожелтевшие страницы официального органа столичной печати, который назывался «Ведомости С.-Петербургского градоначальства». Посмотрим внимательно несколько интересующих нас номеров газеты. Вот любопытное сообщение: «Вчера, 19 мая, в 10 ч. 45 м. дня по Варшавской ж. д. прибыли в Петербург из Царского Села их императорское величество государь император и государыня императрица Александра Федоровна. На вокзале Варшавской ж. д. они были встречены СПб. градоначальником генерал-лейтенантом Н. В. Клейгельсом».

Выходит, царя в пятницу в Царском Селе не было, а в субботу? 20 мая, в субботу, как указывалось в официальном отделе этой же

газеты за 24 мая, «имел счастье представляться его величеству государю императору российский посол в Константинополе, действительный тайный советник Зиновьев», Судя по тому, что не указывалось о возвращении Николая II в Царское Село, а тем более не сообщалось о приеме именно в Царскосельском дворце, как это было принято делать, представление посла проходило в Зимнем дворце столицы.

Все данные говорят за то, что Николая II в Царском Селе 20 мая не было, а значит, особых ограничений движения по паркам в тот день не существовало. Такое доказательство можно назвать косвенным, а хотелось бы иметь прямое, более убедительное.

Нашелся в Государственной Публичной библиотеке еще один любопытный документ — план-схема царскосельских парков, где нанесены возможные маршруты движения по дорожкам и аллеям парков. Выпущен этот план был специально для туристов-велосипедистов в 1900 году!

Предполагаемый путь Владимира Ильича определенно совпадает с пунктиром одного из рекомендуемых маршрутов по Александровскому парку. А если разрешалось проехать на велосипеде, то пешком — тем более.

«Хорошо, — соглашаются, с приведенными доводами дотошные оппоненты, — допустим, идти по этим дорожкам и аллеям тогда не запрещалось, но это вы сейчас узнали, изучив книги и карты, а откуда Владимиру Ильичу про это было известно?»

Попробуем разобраться и с этим вопросом, тем более мы заранее договорились, что каждая гипотеза должна базироваться на достаточно веских доказательствах. Так вот, еще в мае 1891 года Владимир Ульянов впервые попал в Царское Село, где навещал хороших знакомых — семью Шухт. По сохранившимся воспоминаниям, Владимир Ильич любил гулять по аллеям парка. В октябре 1893 года он вновь был у Шухтов. Нужно ли сомневаться, что Ленин хорошо знал хитросплетение дорожек царскосельских парков. Еще надо заметить, Владимир Ильич всегда тщательно готовился к любой поездке, продумывал в деталях будущий маршрут, тем более когда дело касалось конспирации.

Вернемся в парк. Мы остановились у мостика через Ламские пруды. Направо дорога уходит к Арсеналу. Как мы уже заметили раньше, этот путь возможный, но маловероятный — слишком много охраны вокруг. Представляется более логичным идти дальше по левой аллее, параллельно так называемой Фермской дороге, чуть в стороне от строений императорской фермы, где специально для царского двора держали коров. Отсюда уже совсем близко до выхода из парка через всегда открытые Чихачевские ворота. Справа, на противоположном берегу живописного пруда, во всей красе стоит Александровский дворец, светлое, воздушное здание, с двумя рядами белых колонн. Там жил царь.

Кончился парк — начался город. Московская улица, Конюшенная (ныне улица 1 Мая) и Широкая (сегодня — это улица Ленина) приводит на вокзальную площадь. В городской черте Владимиру Ильичу было все знакомо. Он приезжал сюда весной 1895 года на нелегальное совещание.

Можно еще отметить, что Ленин удачно выбрал субботний день мая, когда легче было затеряться среди массы дачников. «Петербургская газета» 21 мая 1900 года писала: «Чудесное установилось лето. Просыпаешься на даче рано утром и не веришь глазам, чтоб в Петербурге было такое голубое небо и тепло в мае. Дачники, как муравьи, ползут сплошными обозами, нагруженными мебелью, в не столь отдаленные места». К таким местам относилась деревня Александровская.

И внешностью своей Владимир Ильич ничем не отличался от спешивших к своим семьям дачников: «...в мягкой фетровой шляпе, в перчатках и с тросточкой, одетый вполне джентльменом». Такое описание оставил в своих воспоминаниях М. А. Сильвин. Встретился он с Лениным в апреле 1900 года на явке в Риге, куда Владимир Ильич приехал нелегально из Пскова на один день.

Тайные агенты идут следом

Все как будто было продумано и учтено достаточно опытным, серьезным конспиратором Владимиром Ульяновым. А между тем за ним от самой станции Александровская, пригибаясь и замирая, следовали две фигуры. Они, как тени, повторяли каждое его движение: останавливались у перекрестка аллей, прижимались к стенам зданий, неожиданно ускоряли шаг или замирали как вкопанные. Около девяти утра Владимир Ильич и незамеченные им «наблюдатели» выехали по Царскосельской дороге в Петербург.

В чем же был просчет, где допущена ошибка? Сейчас мы можем определенно утверждать — Владимир Ильич продумал план перехода смело, точно и вполне обоснованно. Ему и в прежние времена приходилось действовать под носом у царскосельских тайных агентов. Именно в самом логове царя при всей многочисленной охране вполне допустимо было пройти незамеченным.

Не в царскосельских парках привязался за ним «хвост», гораздо раньше, еще в Пскове. Любой вариант пути в Петербург по любой дороге, в любое время дня и ночи должен был закончиться арестом. Департамент полиции незамедлительно после отъезда Ульянова из Шушенского учредил за ним негласный надзор. За неделю до описываемых событий старшему филеру в Пскове по фамилии Горбатенко была дана инструкция — усилить наблюдение за Ульяновым, не выпускать из вида ни на минуту. В ночь с 12 на 13 мая петербургское охранное отделение прислало в Псков на подмогу двух опытных агентов. Не они ли совершили «путешествие» по царскосельским паркам?

Мог ли Ленин предполагать, что за ним установлена пристальная слежка и его «поведут» до самого Петербурга? Вполне вероятно, он не исключал момента риска, но его присутствия в столице требовало дело — организация газеты русских марксистов и личные встречи с товарищами перед отъездом за границу. И ради этого важнейшего дела Владимир Ильич должен был идти на риск.

Филеры все свои наблюдения записывали в агентурных листках — проследках. Вот откуда стали известны до минуты все подробности

субботнего утра 20 мая 1900 года. На основании донесений своих агентов начальник петербургской охранки полковник Пирамидов довел до сведения департамента полиции, что Ульянов «чрезвычайно конспиративно» выехал с поездом № 18 в Петербург. Далее указывалось, что он вышел «на станции Александровская в 7 ч. 26 м. утра сего 20 мая». И далее он, по выражению охранки, «путался» по аллеям Царского Села, «скрываясь от наблюдения, до 9-ти часов утра; когда по Царскосельской дороге» приехал в Петербург.

Этот факт, как говорится, стал хрестоматийным и включен в «Биографическую хронику В. И. Ленина». Пушкинские следопыты, исследуя маршрут, предлагая и обосновывая свой вариант, все время помнили, что Ленин проделал путь от станции до станции за 94 минуты, как сказано в агентурных донесениях — от 7 часов 26 минут до 9 утра.

И вот однажды новоиспеченный следопыт, совсем недавно подключившийся к нашим поискам, задал довольно неожиданный вопрос: «А не могли тайные агенты ошибиться в своих записях, ведь даже по самому короткому пути пройти за полтора часа нелегко?» На сомневающегося тогда зашикали: «Чего ты глупые вопросы задаешь?» Действительно, кто проверял донесения филеров, да и возможно ли их проверить?

Никто из историков, исследователей этого периода жизни и деятельности В. И. Ленина, не подвергал сомнениям фактические данные жандармского документа, опубликованного впервые в 1924 году известной революционеркой и историком партии Прасковьей Францевной Куделли. «А почему бы, действительно, и не познакомиться с расписанием поездов за 1900 год», — подумал я и пошел в библиотеку. Летнее расписание ввели по Варшавской дороге с 6 мая. Нашелся и поезд № 18. Из Пскова он уходил в 23 часа 12 минут, а на станции Александровская был... нет, совсем не в 7 часов 26 минут, а в 6 часов 29 минут утра! Невероятно, но факт!

В чем же дело? Может быть, агенты перепутали номер поезда? Ночью через Псков к Петербургу проходило шесть составов. Три скорых вообще не имели остановки в Александровской. Варшавский-скорый уходил из Пскова в полночь и на станции Александровская был в 6 часов 59 минут. Скорый же № 12 меньше всего устраивал псковских пассажиров: он отправлялся глубокой ночью, в 2 часа 53 минуты, а притормаживал у Александровской в 7 часов 51 минуту утра. Ничего не совпадает!

Остается делать предположения, строить догадки. Поезд № 18, безусловно, самый удобный. Он относился к составам «местного движения», отправлялся по времени удобно, и на него заранее можно было приобрести билет. Пассажир, в зависимости от своих остатков, мог выбрать вагон 1, 2 или 3-го класса. Все прекрасно, но ведь он приходил по расписанию к станции Александровская в 6 часов 29 минут, а не в 7 часов 26 минут, как указывалось в донесении агентов.

Куда же пропал почти час времени, а если быть совсем точным — 57 минут? А если предположить, что филеры на целый час упустили Владимира Ильича из-под наблюдения? И только благодаря раскинутым в парке «агентурным гнездам» снова сумели «сесть ему на хвост»? Или ждали Ленина на вокзале? В своих «проследках» они записали время, когда им удалось взять под наблюдение ускользнувшего от них

поначалу Владимира Ильича. Это, конечно, одна из возможных версий. Но, так или иначе, задуматься над данным фактом имеет смысл.

Можно постараться сделать еще одно уточнение, а именно: определить время отъезда Ленина из Царского Села. Снова воспользуемся расписанием движения на лето 1900 года. Если верить донесению и Владимир Ильич скрывался от наблюдения «до 9-ти часов утра», то он, скорее всего, сел в поезд № 8, отходивший в 9 часов 20 минут. В 9 часов 48 минут состав останавливался у столичного перрона.

Арест и освобождение

Что же было дальше? Ленин вышел из вокзала и перешел на противоположную сторону Загородного проспекта. Через несколько минут он был уже возле дома 11 по Большому Казачьему переулку, где в квартире 6, у матери одного из соратников по петербургскому «Союзу борьбы» А. Л. Малченко, оставил «небольшую ручную корзину».

Согласно донесениям филеров, Владимир Ильич посетил статистический комитет народной переписи, помещавшийся в этом здании. Но по этому адресу размещалось еще одно любопытное заведение. Его рекламировали во многих столичных газетах. Крупные жирные буквы по всей полосе в каждом номере приглашали обывателей в Центральные бани, бывшие — Егорова. Как естественно вписывался в субботний «пейзаж» Казачьего переулка человек с небольшой ручной корзиной. Его вполне могли принять за одного из многих, кто в это утро решил попариться в Центральных банях.

Нет сомнения, что Владимир Ильич все учел, все предусмотрел, но натасканные для тайных наблюдений шпики давно следовали за ним тенью. Так продолжалось в субботний день и всю последующую ночь.

Воскресенье 21 мая, как сообщалось в столичных газетах, выдалось пасмурным с раннего утра. Потом полил сильный дождь, не прекращавшийся до самого позднего вечера. Именно в это утро, когда Владимир Ильич после ночлега на квартире Малченко вышел на Казачий переулок, его арестовали.

Жандармы ухватили Ленина за локти с двух сторон, лишив возможности выбросить что-либо из карманов. Посадили на извозчика и крепко держали всю дорогу до Гороховой улицы, где размещалось арестное отделение при Управлении петербургского градоначальства.

Как вспоминала об этом эпизоде Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, «Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханова, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен...»

В охранке над арестованным Ульяновым пытались подтрунивать за никуда негодную конспирацию: «Как только ему пришло в голову идти через Царское Село? Ведь там живет царь и слежка поставлена

наилучшим образом». Владимир Ильич уже позже, в Подольске, рассказывая родным о своей неудачной поездке, сам считал, что переконспирировался. «Поехал бы прямо в Питер, — говорил он, — может быть, все бы закончилось благополучно».

Так ли это? Теперь, зная все тайные пружины охранки, можно определенно утверждать, Ленина в столице все равно бы арестовали, с какого бы вокзала он ни приехал.

Десять дней держали Владимира Ильича под арестом. Ничего противозаконного жандармам у него обнаружить не удалось, а самовольный приезд в столицу он объяснил необходимостью улаживания личных дел.

31 мая Ленина в сопровождении конвоира, одетого в штатское платье, то есть в гражданскую одежду, отправили в Подольск к матери, а еще через полтора месяца он благополучно выехал за границу. В том же 1900 году, 24 декабря вышел первый номер созданной В. И. Лениным газеты «Искра». Результатом ее деятельности явилось создание пролетарской партии нового типа — Российской социал-демократической рабочей партии, ныне — Коммунистической партии Советского Союза.

* * *

Вернемся к нашим дням. Майское воскресное утро. Из Ленинграда на станцию Александровская приехали отряды следопытов. Света Данилова с младшей сестренкой, ее подруга Марина Иванова, их одноклассники Игорь Гашников и Андрей Пучков ведут гостей по ленинскому маршруту. Они останавливаются на перекрестках дорог, рассказывают о достопримечательностях Александровского парка, объясняют, как проходил опасный переход, предпринятый Владимиром Ильичем восемь с половиной десятилетий назад. На прощание все вместе фотографируются у памятника В. И. Ленину в центре бывшего Царского Села, а ныне — города Пушкина.

ШАЛАШ ИЗ ГРАНИТА

Есть в Сестрорецке средняя школа № 324. В теплые дни резкие крики чаек оглашают школьный двор. Большие белые птицы с черными головками живут совсем рядом. В просвете между домами синее полоска озера, да не какого-нибудь обычного, а знаменитого озера Разлив.

Разлив... Славное название. Просторное и легкое. И пошло оно от старого Сестрорецкого оружейного завода, поставленного по указу Петра I недалеко от новой столицы России. Больше чем два с половиной века назад при строительстве завода перекрыли путь двум речкам — Сестре и Черной. От плотины пустили отводной канал, чтобы сила воды дала ход заводским трансмиссиям, а от них и станкам. От той запруды разлилось большое водохранилище — искусственное озеро. Его-то и назвали Разлив.

Задание школьного музея

Нет ничего удивительного, что юные сестрорецчане любят свой город, стремятся узнать его историю. Задумали в школе создать зал трудовой и революционной славы, целую комнату для него отвели. А вот что туда поместить, как оформить? Пересняли фотографии рабочих-революционеров, переписали их биографии. Нашли документы, где рассказывалось о революционных событиях на Сестрорецком оружейном заводе. Сделали первые стенды. Как будто и неплохо получилось.

— Может быть, у нас и правда не хуже чем у других, — говорила на совете дружины Лида Молоканова, — но и не лучше. Как вы считаете, Наталья Леонидовна? — обратилась она к старшей пионервожатой. — Если нас красными следопытами называют, — значит, мы должны новое искать, а не переписывать, что давно всем известно.

— Я с тобой согласна, Лида, но не все сразу, — объяснила девочке вожатая. — И поиском займемся. Только вот что искать будем? Ты об этом подумала? Может быть, ваш седьмой «б» что-нибудь изобретет?

7-й «б» изо всех сил старался срочно «изобрести», придумать что-нибудь интересное для поисков, но из этого ничего не получилось. Уже было махнули рукой, но... Как бывает иногда, тем, кто чего-то очень хочет, помогает случай.

В Разливе у памятника «Шалаш В. И. Ленина» все ребята 324-й школы от мала до велика бывали много раз и считали себя не гостями, как экскурсанты, а истинными хозяевами. В один из апрельских дней старшие классы приехали к «Шалашу» на субботник. Только снег сошел. Остались редкие белые островки в тени деревьев.

7-му «б» определили участок у самого здания музея. Ребята подметали дорожки, выбирали на газонах оставшийся с осени мусор. Вокруг памятника соринки не оставили.

Таня Курочкина спросила подружку, тоже Таню, так, между прочим:

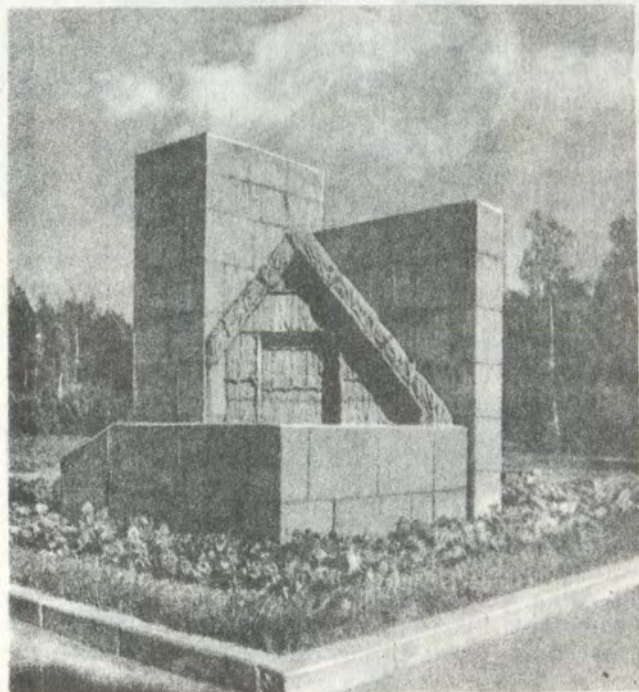
— Как ты думаешь, почему такой скромный памятник поставили здесь Владимиру Ильичу? Могли бы во какой огромный установить, не меньше Александровской колонны на Дворцовой площади.

— Гранита, наверное, столько не нашли. Думаешь, здоровенные камни везде валяются? — ответила девочка.

— При чем здесь размеры, — вступил в разговор Дима Козлов. — Разве обязательно чем больше, тем лучше? Думать надо!

— Вот ты и думай, если такой умный, — запальчиво ответили ему подружки.

Девочки направились к классному руководителю Юлии Григорьевне, чтобы разрешить вдруг возникший вопрос. Учительница отправила

Памятник В. И. Ленину
«Шалаш».

их к сотрудникам музея. Вот и вышло, сначала трое, а потом весь класс решил узнать, когда и почему в Разливе поставили именно такой памятник Владимиру Ильичу, кто его строил?

Сотрудники музея объяснили любознательным ребятам, что проектировал памятник архитектор Александр Иванович Гегелло, а руководил строительством — Алексей Александрович Блек. Более того, они подсказали наиболее пытливым из семиклассников, что можно самим расспросить обо всем Алексея Александровича, который живет в Ленинграде. Посоветовали узнать его адрес в справочном бюро. Фамилия редкая.

Так у 7-го «б» появилась настоящая поисковая тема. Оставалось выбрать из полутора десятков желающих немедленно ехать в гости к Блеку человек пять-шесть и отправляться в Ленинград.

В гостях у архитектора

Это был удивительный день. Алексей Александрович встретил сестрорецких ребят очень радушно, хотя и чувствовал себя неважно. Небольшая комната-кабинет заставлена стеллажами с книгами, и тут же, на полках, миниатюрные фигурки из глины и камня. «Это мои сувениры, — пояснил Блек, — я привозил их всякий раз домой с тех мест, где мне доводилось строить».

А строил Алексей Александрович много и в разных концах страны: возводил города, фабрики, заводы, стадионы и мосты. Ему довелось участвовать в строительстве Комсомольска-на-Амуре, металлургического комбината в Кемеровской области. В нашем городе он занимался реконструкцией Марсова поля, Ланского шоссе (ныне проспект Смирнова).

Когда Алексею Александровичу объяснили, зачем пришли к нему ребята, он оживился и с явным удовольствием начал вспоминать о событиях тех далеких лет, которые считает в своей жизни самыми счастливыми. Гости попросили разрешения записать его рассказ. «Конечно, конечно, — согласился Блек, — записывайте, я постараюсь объяснить все внятно и неспешно». Вот эта история.

«Однажды меня как опытного, хотя и молодого строителя вызвали в Ленинградский губком, так в ту пору назывался областной комитет партии, и сказали, что надо построить памятник Ленину в Разливе. В первый момент я не мог понять: почему в Разливе? И почему на берегу озера? Это сейчас каждый октябренок знает почему. А в те, 20-е, годы о последнем подполье вождя знали только друзья и верные его соратники.

Я обрадовался такому почетному заданию. Пообещал: сделаю все, что в моих силах.

Сразу же поехал на станцию Разлив, к сестрорецкому рабочему Николаю Александровичу Емельянову, у которого в конце лета 1917 года под видом финна-косца жил в шалаше Ленин.

Николай Александрович и объяснил мне, где и как возникла идея этого памятника. В траурные дни января 1924 года, в дни прощания с вождем Емельянов был в Москве. На одном из траурных митингов

собравшиеся попросили его выступить и рассказать о своих встречах с Ильичем. Его внимательно слушали рабочие, крестьяне, красноармейцы, приехавшие со всех концов страны проводить в последний путь Ленина. Николай Александрович вспоминал, как укрывался Ильич от ищеек правительства Керенского в шалаше за озером на глухом покосе, как начинал писать свою книгу «Государство и революция».

Сразу же после выступления Емельянова представители делегаций стали высказывать пожелания увековечить ленинское место на лесной поляне. И питерские рабочие единогласно поддержали — поставим памятник Ильичу. 27 июня 1925 года Президиум Ленинградского Совета принял постановление соорудить памятник за озером Разлив, на том самом месте, где скрывался от преследования Временного правительства В. И. Ленин.

Проект памятника поручили разработать талантливому ленинградскому архитектору А. И. Гегелло. «Мне представилось, вспоминал позже Александр Иванович, что памятник должен отразить единство Ленина с партией и революционным пролетариатом. Ленин укрыт... Шалаш, где он скрывался, поставлен на виду. Ильич под надежной защитой партии и петроградских рабочих».

Короче, поведал мне обо всем Николай Александрович и отправились мы с ним на лодке к противоположному берегу озера. Переправились.

Вижу: кругом болото, заросли кустарника. Думаю: а вдруг не найдет Емельянов эту полянку? Начинаю волноваться. Оказалось,

Озеро Разлив.
С открытки начала XX века.

зря я за Николая Александровича беспокоился, помнил он все хорошо. Хоть и пришлось ползать с ним по кустам да болотам, а все-таки вывел меня на заветную полянку. Говорит: «Смотри, запоминай! Вот березка, возле которой стоял шалаш. А вот родничок, из которого воду для чая черпали. Вкусный чай получался».

Как мне в тот день пришло в голову захватить с собой фотоаппарат? Сейчас и не припомню. Заснял я тогда все на пленку, что мне из приметных мест Александр Николаевич показал. Здорово для дела пригодилось. Потом я уж с камерой никогда не расставался.

Строительство памятника начали зимой 1927 года. Крупнозернистый розовый гранит привозили из поселка Борисова Грива. Выгружали заготовки на сестрорецком берегу у поселка Разлив. Обработывали камень буквально возле самого дома Емельянова. А потом — по весне — работу перенесли к самому месту строительства. Гранитные глыбы доставляли туда на лодках и плотах.

Когда все строительные материалы перевезли и можно было браться за дело, возникла непредвиденная сложность — пльвуны. Земля буквально уходила из-под ног. Человека не держала, а не то что сооружение из гранита. Ничего удивительного — кругом болото. А место повыше да посуше выбрать нельзя. Пришлось под основание будущего памятника подвести большую железобетонную плиту. После ее установки приступили к монтажу гранитных блоков.

Одновременно с сооружением монумента отсыпали дорогу от станции Тарховка и возводили пристань. Бригадам строителей приходилось трудиться в сложных условиях, иногда по пояс в воде.

Родничок на поляне
у шалаша.
Фото 20-х годов.

Да и техника в те годы была совсем не такой, как в наши дни: кирка да лопата, тачка вместо транспорта, а в лучшем случае — телега с лошастью.

Зато как работали люди.

Никогда не забуду одного деда, кузнеца по профессии. Звали его Карл Нисканен. Узнав о строительстве, он к нам из Финляндии пришел, в самый разгар стройки. Как добрался — не знаю, кузнец говорил только по-фински. По-русски знал одно лишь слово: Ленин.

Сестрорецким рабочим, говорившим по-фински, объяснял свое появление так: «Я уже прожил жизнь, но мало пришлось сделать хорошего. Самое доброе, что смогу еще сделать, — это потрудиться на стройке памятника великому человеку, давшему свободу моей родине — Финляндии».

Приняли Нисканена в бригаду, и работал он с утра до вечера, молодым пример показывал, хотя и было ему — не поверите — восемьдесят два года. И когда все закончили, он, не дожидаясь торжественного открытия, ушел от нас тихо и незаметно. Так же, как появился.

Завершили строительство летом 1928 года, и 15 июля состоялось торжественное открытие. Я много снимков сделал в этот день и других просил фотографировать».

Фотолетопись строительства

Алексей Александрович веером разложил на столе десяток снимков. Он вновь переживал события полувековой давности и не скрывал своего волнения. Честно признался юным друзьям, что с ними почувствовал себя молодым. Рядом с фотографиями Блек развернул ломкие листы «Ленинградской правды» и «Красной газеты» за июль 1928 года. Самые интересные сообщения он обвел красным карандашом. Вот первое из них:

«В воскресенье 15 июля, в 2 часа, состоится открытие памятника В. И. Ленина около Сестрорецка за Разливом, на месте шалаша, где скрывался В. И. Ленин в июльские дни 1917 года. Рабочие делегации Ленинграда, выделенные по предприятиям, должны прибыть порайонно к Финляндскому вокзалу 15 июля, к 10 часам утра. Выезд специальным поездом в 10 ч. 30 мин. до станции Тарховка».

На следующий день все ленинградские газеты поместили корреспонденции о состоявшемся торжестве. Праздник удался. Украшенный лозунгами и транспарантами поезд подошел к станции Тарховка. Звучали оркестры. Тысячная делегация вышла из вагонов, и длинная колонна двинулась к месту открытия памятника. В зелени кустов и камыша мелькали белые, синие косоворотки, алые косынки работниц.

Пока длился этот марш, от сестрорецкого берега отправилась целая флотилия лодок и парусных судов. Они держали курс к новой гранитной пристани.

Широкая аллея вела от берега озера к круглой лужайке, где установили деревянную трибуну. Торжественная минута. С монумента

Памятник «Шалаш» в Разливе — фотохроника строительства.

Создатели памятника.
В центре А. И. Гегелло.

Открытие памятника
«Шалаш».

спадает закрывавший его брезент. Выступает ректор Коммунистического университета и уполномоченный Наркомпроса в Ленинграде, один из старейших деятелей большевистской партии Б. П. Позерн. Он говорит о героическом подвиге Владимира Ильича Ленина: «Сюда следует приходить учиться диалектике истории. Пусть молодежь учится настойчиво терпению и воле, которую проявил в предгрозовые дни 1917 года величайший вожь рабочего класса».

С воспоминаниями о встрече с Лениным в Разливе выступил старый боец ленинской гвардии А. В. Шотман. Потом на трибуну поднимались представители ленинградских рабочих. В заключение автор памятника А. И. Гегелло сказал: «В памятнике, в его простых формах, мы хотели только напомнить эпизод с шалашом, а в простоте и величественности форм выразить простоту и величие учения Ленина».

На прощание Алексей Александрович передал пленку, своеобразную фотолетопись самых важных событий строительства «Шалаша». Подарок, можно сказать, бесценный.

...Большими друзьями расставались красные следопыты с руководителем строительства ленинского шалаша из гранита. Теперь о встрече и воспоминаниях А. А. Блека должна узнать вся школа. С пленки Алексея Александровича отпечатали два комплекта снимков. Поместили их в больших альбомах. Один — стал самым ценным экспонатом в школьном историческом музее, второй — в день рождения В. И. Ленина вручили Сестрорецкой партийной организации. Позже его передали в фонд Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

...Сейчас бывшие следопыты-семиклассники стали взрослыми людьми, но их не забыли, они оставили о себе добрую память. За окнами школы высоко в небе легко и торжественно кружат чайки, а в просветах между домами голубеет полоска озера Разлив.

В сентябре 1986 года ребята пришли в школу с цветами поздравить своего классного руководителя Юлию Николаевну Бешкурую с высокой правительственной наградой — орденом Великой Октябрьской социалистической революции.

ПЕРВАЯ ЛЕНИНСКАЯ

С именем Владимира Ильича Ленина, с его революционной деятельностью и его идеями связана история нашей Коммунистической партии, вся история советского общества. Еще в годы гражданской войны за особую храбрость и беззаветность служению делу революции отдельным воинским частям, кораблям, броневикам и бронепоездам присваивалось имя вождя.

Сегодня в нашей стране много заводов и фабрик, электростанций и каналов, научных учреждений и учебных заведений носят имя В. И. Ленина. Имя вождя присвоено комсомольской и пионерской организациям нашей страны. «Имени Ленина» — это не только высокая честь, но и огромная ответственность, глубочайшее уважение к памяти основателя первого в мире социалистического государства.

Нам дорогое имя

Многие годы занимаясь поисками памятных ленинских мест в Ленинграде и Ленинградской области, историки-краеведы Дворца пионеров имени А. А. Жданова однажды задали себе вопрос: а сколько школ в нашей стране носят имя Ленина? За что им оказана такая высокая честь? Начали просматривать газеты, журналы. Сделали даже запрос в Академию педагогических наук. Полученные сведения были отрывочными и далеко не полными, но уже первые результаты показали — нельзя бросать эту тему на полпути.

Наверное, самая известная и прославленная на всю страну ордена Ленина средняя школа № 1 имени В. И. Ленина в городе Ульяновске, бывшем Симбирске. Здесь учился Володя Ульянов.

Вот уже шестьдесят лет школа в Горках Ленинских называется школой памяти В. И. Ленина. Так ее предложила назвать Н. К. Крупская. Имя Ленина присвоено средней школе № 1 города Вольска Саратовской области. Еще в январе 1919 года вольское учительство отправило телеграмму в Москву «честным непоколебимым борцам трудового народа Ленину и Луначарскому». Учителя обещали «посвятить всю

жизнь на просвещение трудового народа, создавая этим по мере своих сил крепкую опору, здоровый тыл для окончательного торжества русской всемирной революции». Из стен вольской школы № 1 имени Ленина вышло восемь Героев Советского Союза, среди которых и герой из героев — легендарный летчик Виктор Талалихин.

В морозные январские дни 1924 года, дни скорби и прощания с любимым вождем, рабочие фабрики «Заря социализма» в селе Гаврилов-Ям Ярославской губернии сообщали в Москву, что вместо венка на могилу Ильича решили употребить собранные деньги «на удовлетворение нужд школы 2-й ступени и назвать ее: «Венок Ленину». Сейчас бывшее село стало городом, маленькая фабрика — крупным льнокомбинатом, а скромная школа «Венок Ленину» — средней школой № 1 имени В. И. Ленина. Для нее построено новое трехэтажное здание.

Назовем еще несколько ленинских школ. Бухарская область Узбекистана, Гиджуванский район, школа № 23 имени В. И. Ленина. Она известна на всю республику работой своих ученических производственных бригад. Учитель этой школы Джахон Баракаев за заслуги в трудовом обучении в 1984 году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Село Буран лежит на самом краю советской земли в Восточно-Казахстанской области. В послевоенные годы классы Бурановской школы размещались в облупленных саманных бараках на глинистом пустыре. В «неблагополучную» школу назначили нового директора — Кумаша Нурғалиевича Нурғалиева. Фронтвик, герой, уничтоживший в неравном бою немецкий дот, он потерял тогда обе ноги и руку. С тех пор прошло больше тридцати лет. Новая школа выглядит внушительно. Оснащению сельской школы могут позавидовать многие городские. Силами учителей и учеников создан свой технический центр, а совсем недавно открыт учебный телецентр. Директор школы твердо убежден, что в далекой сельской школе можно учить детей даже чуточку лучше, чем в Ленинграде. А результат? Лучшая в республике женская тракторная бригада — в Бурановском совхозе. Она сформирована из учениц школы. В этом же хозяйстве и лучшие комсомольско-молодежные бригады овцеводов. Их тоже воспитала школа. Три четверти нынешних учителей школы — ее питомцы. Кумашу Нурғалиевичу Нурғалиеву присвоено звание народного учителя СССР, а средняя Бурановская школа носит имя В. И. Ленина.

Когда картотека ленинских школ ощутимо возросла и продолжала пополняться, совершенно закономерно возник вопрос: какая самая-самая первая школа была названа именем великого вождя? Известно ли что-нибудь об этом? Как всегда, помогла нацеленность на поиск и... счастливый случай.

Незапланированные трудности

Еще в канун 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина редакция журнала «Советские архивы» решила выявить по фондам архивов и центральным газетам об открытии самых первых клубов, библиотек, учреждений и школ имени В. И. Ленина. Под № 2 в этом списке была

напечатана следующая заметка из газеты «Правда»: «В Вологодской губернии, в с. Семеновке 10 ноября была торжественно открыта школа имени тов. Ленина... Перед началом торжества крестьянский хор исполнил «Интернационал» и «Коммунистическую Марсельезу». («Правда», 1918, 17 ноября.)

Казалось в тот момент — вот ответ на вопрос. «Самая-самая» — в Вологодской области, и осталось только по карте, справочникам выяснить, где она находится и побывать там.

В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина попросили выписать большую старинную книгу со списком населенных пунктов Вологодской губернии, изданную в 1866 году. Надо все время помнить, что к 1918 году еще не менялось административное деление. Где же ты — село Семеновка?

Странное дело, но такого села не нашлось. Деревень под названием «Семеновская» — двадцать восемь! Еще восемнадцать деревень с близким названием — «Семенково». Села Семеновки вовсе нет. Перелистываем еще один справочник — «Памятную книгу Вологодской губернии на 1915 год». Опять ничего. Не появилось к началу XX века нового села. В чем дело? Как искать дальше?

Появилось сомнение — в название села закралась опечатка. Тогда какая? Может быть, в самом деле — Семеновская или Семенково? Все это гадание, а нужно знать точно.

Размышления пошли по второму кругу. Если центральная газета «Правда» информировала о событии в Вологодской губернии, то это же сообщение надо искать в местных газетах. В каких?

В газетном отделе Публичной библиотеки просим показать, что выходило в 1918 году в Вологде. Приносят разрозненный и далеко не полный комплект «Известий Вологодского губернского исполкома рабочих и солдатских депутатов». Обидно — нет нужных номеров. Как же так? Все объясняется просто — гражданская война, разруха и голод. Хорошо хоть, часть газет приходила. Выпускалась еще в Вологде газета «Северная беднота», но ее совсем нет в фондах. Не нашел я нужных газет и в богатейшей библиотеке Академии наук. Единственная надежда на Вологду. Надо туда ехать. Время учебное — собрался один.

С вокзала первым делом отправился в городскую библиотеку. Она носит имя революционера, соратника В. И. Ленина, И. В. Бабушкина. Библиотека — гордость вологжан. Новое здание, просторные читальные залы, богатый фонд книг. Все хорошо, но нужных мне газет нет и здесь. Остается единственная надежда — Вологодский областной архив.

Сотрудница читального зала архива отнеслась к моим вопросам чрезвычайно предупредительно и через несколько минут положила на стол подшивки так долго разыскиваемых мною газет.

Тороплюсь перелистать ноябрьские номера местных «Известий». Почти в каждом номере много любопытнейшего и важного для темы материала. Беру на заметку вернуться позже. К сожалению, не нашел главного — сообщения об открытии школы. Следующая подшивка — «Северная беднота». Ломкие желтые страницы, мелкий шрифт, строки на лицевой и на обратной стороне почти сливаются. Быстро такой текст не разберешь. Вчитываюсь. 13 ноября 1918 года, № 70, страница четвертая, раздел «По губернии». Заметка так и называется: «Школа имени т. Ленина». Содержание полностью совпадает с информацией, опубликованной в «Правде».

Совпадает все, кроме названия села: «10 ноября в Семёнкове была торжественно открыта школа имени тов. Ленина. На открытии присутствовал председатель объединенного Исполкома тов. Романов. Перед началом торжества крестьянский хор исполнил «Интернационал» и «Коммунистическую Марсельезу».

Так вот почему ни в одном справочнике не оказалось села Семеновки, его просто не существовало. Было и есть село СЕМЕНКОВО! В заметку, опубликованную в «Правде» в 1918 году, как в таких случаях говорят, «вкралась опечатка». Кто-то неточно передал, невнимательно посмотрел и не удосужился проверить. Семеново — Семеновка — названия близкие по звучанию, и в те дни, вероятно, этому значения не придали. Главным было в информации само событие — открытие в вологодском селе школы имени Владимира Ильича Ленина.

Первая годовщина Октября

Вслед за решением одной задачи возникла следующая — о каком селе Семеново шла речь? Ведь их в Вологодской губернии по списку значилось восемнадцать! Но помогла все та же газета «Северная беднота». Информация об открытии школы имени В. И. Ленина как бы завершала рассказ о праздновании годовщины Октябрьской революции в Семеновской волости. Газета писала об этих торжествах:

«Семеновская волость. 7 ноября с. Прилуки представляло необычное зрелище. С 8 час. утра около Дома Советов начинает собираться народ. На улице, украшенной гирляндами и флагами, около трибуны — масса ожидающих начала торжества, чтобы двинуться в город... Идет отряд красноармейцев. Члены Исполкома с развинутыми знаменами двинулись им навстречу. За ними — знамя партии коммунистов. Приходит социалистический кружок молодежи со знаменем «Свет деревни». Радостные возбужденные лица, блестящие глаза, звонкие

молодые голоса... «Смело, товарищи, в ногу!» — и море голов с колыхающимися знаменами двинулись в город... Вечером в Семеновском Народном доме был устроен концерт-митинг с участием крестьянского хора...»

Трудно сегодня представить, что значила для трудящихся Советской России первая годовщина Октябрьской революции. Враги всех мастей внутри страны и за границей предсказывали скорую гибель Совдепии. Они твердили, что большевики не продержатся и нескольких месяцев в растерзанной, измученной войной стране. И вот назло всем врагам, на радость трудящимся страна праздновала ПЕРВУЮ ГОДОВЩИНУ ОКТЯБРЯ. Рабочие и крестьяне Советской России твердо встали на новый путь, открылась дорога к торжеству свободного труда для блага каждого. В Вологодской губернии, как и по всей стране, готовились к большому красному празднику — годовщине Октября. И думали прежде всего о будущем, о детях.

Перелистаем хрупкие пожелтевшие страницы газет, посмотрим, чем жили вологжане в канун первой годовщины Октября, как собирались встретить праздник. Это действительно важно и интересно, и не ради праздного любопытства, а чтобы понять и объяснить, как появилась в маленьком селе первая школа имени В. И. Ленина.

Остановимся только на некоторых датах и событиях:

13 октября. Заметка называется «Хлеб из поезда Ленина». Московский отдел заготовки хлеба сообщил по телеграфу Вологодскому продовольственному комитету, что в хлебном поезде имени тов. Ленина, сформированного по случаю его выздоровления, из Ефимовского уезда Тульской губернии в Вологду в адрес губпродисполкома отправлено по распоряжению тов. Ленина две тысячи пудов хлеба.

15 октября. Из предложений Вологодской губернской комиссии к празднованию годовщины Октябрьской революции.

Желательно устройство детских праздников. Для митинга и собрания желательно использовать школьные помещения.

18 октября. Публикуется «Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Советской Республики». Положение подписал председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов.

В статье 14-й «Положения» говорится: «В школе празднуются установленные рабоче-крестьянским правительством гражданские праздники».

Это очень важный пункт, ведь раньше в школах отмечались только церковные праздники да еще «особые дни», связанные с коронацией или именинами царствующей фамилии.

30 октября. Заметка называется «Хлебный паек для учащихся». Коллегия горпродкома в заседании 26 октября постановила: все учащиеся учебных заведений должны получать хлеб, карточки на ноябрь по 2-й категории.

Много это или мало: «по 2-й категории»? С чем можно сравнить? Удивительное совпадение. 30 октября 1918 года Управление делами Совета Народных Комиссаров выдало Владимиру Ильичу Ленину удостоверение, в котором говорилось, что он «является ответственным работником в Совете, занимается усиленным умственным трудом и работает неограниченное число часов». На этом основании ему необходимо получать продовольственную карточку 2-й категории.

30 октября. Из сообщений по губернии.

Семенковская волость. Вологодский уезд. В заседании 26 октября Семенковский волостной совет заслушал доклад о значении праздника Октябрьской революции. Решено поручить всем сельским председателям разъяснить на местах о важности этого дня и по возможности стараться привлечь все местное население к празднованию.

2 ноября. Передовая статья «К годовщине Октябрьской революции — обращение к учащейся молодежи». Ее написал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Это обращение напечатали все газеты страны.

7 ноября. Шествия, манифестации, митинги. В дни праздника люди воздавали должное человеку, ставшему символом светлых, радостных перемен, вождю революции — Ленину.

Семенковская школа имени товарища Ленина

До революции в Семенкове не было школы. Дети из этого села и соседних деревень или совсем не учились, или, кому повезло, ходили за многие километры в церковноприходскую школу в Прилуках.

А что такое Прилуки? Это один из крупнейших на Севере Спасо-Прилуцкий монастырь с богатой историей и немалым капиталом.

Сотню лет он эксплуатировал окрестных крестьян, одурманивал их души. Чему могли научить крестьянских детей наставники в черных рясах? Бездумному повиновению богу и царю. Тень от стен и башен монастыря падала, в прямом и переносном смысле, на земли семенковских угодий.

Какой же самый лучший подарок собрался сделать Семенковский волостной совет к годовщине Октября? Не было сомнений — открыть школу. Хватит детям ходить в Прилуки. А чтобы все вокруг помнили, в честь какого события сделан подарок, решили назвать ее именем самого дорогого и любимого для трудящихся человека — именем Ленина. Губернский исполком поддержал семенковцев. 10 ноября на торжественное открытие школы приехал председатель объединенного исполкома Совета и представители отдела народного образования.

Пришла в новую школу совсем молоденькая, семнадцатилетняя учительница, только окончившая Вологодскую женскую гимназию, — Антонина Николаевна Шутенина. Смущенная пристальным к ней вниманием, стояла девушка перед родителями и учениками.

12 ноября 1918 года 36 ребят из Семенково и шести окрестных сел сели за деревянные столы в новой школе. 15 мальчиков и 21 девочка учились одновременно в первом, втором и четвертом классах. Школа — звучит слишком громко. Просто деревенская изба из двух комнат. Классное помещение — 12 аршин в длину и 6 в ширину. За стеной в еще меньшей комнате с одним окном и русской печкой жила Антонина Николаевна вместе с отцом и матерью.

Здание Семенковской
начальной школы
имени В. И. Ленина.

П. Д. Остроумов — учитель
Семенковской школы,
награжденный
орденом Ленина.

Промозглая осень сменялась скоро холодной зимой. Как в школу ходить, если на семью одна пара сапог? Вот и пропускали уроки, особенно девочки. Трое совсем перестали ходить — смотрели за младшими братьями и сестрами, ухаживали за скотиной.

Приходили по вечерам в школу и пять взрослых людей, совсем неграмотных. С ними тоже занималась молодая учительница. К 31 мая 1919 года закончили занятия 33 ученика.

В «Сведениях о школе имени т. Ленина (Семенковской)» А. Н. Шутенина ответила на все поставленные вопросы и сама добавила, что в школе «мало места, мало света, низко». Может быть, этим объясняется, что Антонина Николаевна вскоре решила перейти из Семенковской в соседнюю — Слободскую школу.

В статистических сведениях 1919 года по Единой трудовой школе Вологодского уезда, сохранившихся в архиве, под № 153 еще значилась «СЕМЕНКОВСКАЯ ШКОЛА ИМ. ЛЕНИНА». В более поздних документах имя вождя уже не встречается. В чем же дело? Скорее всего этот факт можно объяснить плохими условиями для занятий, теснотой и непригодностью помещения. Надеялись построить новое, светлое здание, и тогда... Но время шло. Один за другим сменялись трудные годы становления новой деревни, а руки до строительства школьного здания не доходили. В ту пору не хватало средств и сил.

Что же стало с Семенковской школой дальше?

Слово имеет 7-й «б»

Кому заниматься дальше историей школы? Неужели ребятам из Ленинграда? Конечно нет. Есть в Семенкове свои следопыты. Для них и в школе, и в селе все родное, близкое. Поэтому Всесоюзный штаб красных следопытов поручил семенковским ребятам продолжить поиск, как можно подробнее узнать и рассказать о прошлом и настоящем своей школы.

За дело взялся следопытский отряд пионеров из шестых и седьмых классов. Самыми настойчивыми оказались ребята из 7-го «б». Им первым и слово.

Ира Резникова, 7-й «б» класс:

— Первую учительницу Антонину Николаевну Шутенину сменили Е. С. Абрамова и Р. А. Шахматова. Из учеников первой учительницы нашли только одну — Веру Александровну Чусову. Ей сейчас семьдесят пять лет. Когда мы ее начали расспрашивать, она даже заплакала. Вера Александровна подарила нам старую фотографию тысяча девятьсот тридцать первого года. На ней сфотографированы кружевницы Семенковской кружевной артели. Среди них пять бывших учениц Шутениной, в том числе и сама Вера Александровна.

Сереза Ордин, 7-й «б» класс:

— Разыскали мы еще одного из учеников школы — Василия Александровича Тугаринова. В тысяча девятьсот восемнадцатом году ему было шесть лет. В школу он пошел только в тысяча девятьсот двадца-

том и помнит учителей Абрамову и Шахматову, Коржову и Коробкову. Он рассказал, что на его памяти сгорел сельсовет в Прилуках, который потом разместили в помещении Семенковской школы. Сам Василий Александрович, которому сейчас семьдесят два года, более полувека трудится на вагоноремонтном заводе.

Ира Смирнова, 6-й «б» класс:

— Самые добрые, самые хорошие слова мы слышали об учителе Прокопии Дмитриевиче Остроумове, который пришел в Семенковскую школу в тридцатые годы. Он начал работать учителем в сельских школах Вологодчины еще в тысяча девятьсот пятом году. Его все называли истинным представителем старой русской интеллигенции.

Двадцать лет учил Прокопий Дмитриевич девчонок и мальчишек села Семенково и соседних деревень. В эти годы случилось несчастье в семье школьной технички-уборщицы. У нее умер муж, а вскоре умерла и она сама. Трое детей остались сиротами. Прокопий Дмитриевич взял всех троих к себе в дом. Старший из приемных сыновей ушел на фронт и погиб. Об этом нам рассказала приемная дочь Галина, которая до последних дней оставалась со старым учителем. Галина передала нам газетную вырезку с правительственным указом о награждении учителя и заведующего Семенковской начальной школы Вологодского района Прокопия Дмитриевича Остроумова орденом Ленина. Произошло это в октябре тысяча девятьсот сорок девятого года. Каждый из жителей села спешил в дом учителя, чтобы поблагодарить и поздравить его с большой наградой.

Алексей Соколов, 7-й «б» класс:

— Нашей школе всегда везло на учителей. Еще работал Прокопий Дмитриевич, когда в тысяча девятьсот пятидесятом году пришла Ольга Петровна Семерикова.

Ольга Петровна вместе с нами тоже стала красным следопытом. Она обходит дома, где живут старейшие жители села, просит их поделиться воспоминаниями. А деды и бабки говорят ей: «Чего там вспоминать, Петровна, чай, и сама-то знаешь больше нашего».

И правда, двадцать пять лет жизни села, совхоза прошли на ее глазах. Она уже сорок лет в рядах партии. После войны колхозники села Семенкова избрали ее секретарем партийной организации. Учительский стаж у Ольги Петровны — тридцать пять лет, да и сегодня она частый гость в школе.

Когда Ольга Петровна собралась выйти на пенсию, то ни ученики, ни родители не могли представить школу без нее. Оля Власова написала сочинение «Герои наших дней» о своей учительнице: «У нее добрые, ласковые руки, которые умеют делать все: и написать красиво слова, и склеить игрушки, и нарисовать картинку».

Оксана Денисова, 7-й «а» класс:

— В начале тысяча девятьсот шестьдесят шестого года наш орден Ленина совхоз «Красная звезда» построил новую школу на триста восемьдесят человек, и тогда она стала восьмилетней. А в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году пристроили еще одно здание и набрали

девятый класс — сорок шесть человек. В июне тысяча девятьсот семьдесят пятого года мы отметили юбилей — десятый выпуск десятого класса.

Десять лет директором нашей школы работает Нина Ивановна Александрова, награжденная за работу значком «Отличник народного просвещения РСФСР». Сейчас в школе триста тридцать один учащийся из одиннадцати населенных пунктов. Большинство приезжают на занятия на специально выделенных автобусах. Мы знаем, что первые ученики в тысяча девятьсот восемнадцатом году ютились в одной комнате. А сейчас у нас четырнадцать предметных кабинетов, пионерская комната, кабинет производственного обучения, библиотека, физкультурный зал, мастерская и две лаборантские. Если в тысяча девятьсот восемнадцатом году был один учитель, то сейчас — двадцать один. И мы не только учимся, но много работаем, помогаем совхозу.

Жанна Петрова, 7-й «б» класс:

— Еще в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году появилась в нашей школе первая производственная бригада. Я расскажу, как мы трудились и что сделали. Совхоз закрепил за школой участок площадью в двадцать четыре гектара. Мы посеяли шесть гектаров зерновых, полтора гектара кормовой свеклы, шесть гектаров картофеля и двенадцать с половиной гектаров кормовых культур. Осенью собрали большой урожай: двадцать одну тонну зерна и девятнадцать тонн соломы, тридцать восемь тонн картофеля, тридцать тонн свеклы и семьдесят четыре тонны кормовых культур. По урожайности картофеля мы, можно сказать, рекордсмены.

Можно еще добавить к рассказу ребят, что пионерская дружина Семенковской школы одна из лучших не только в районе, но и в области. Родной совхоз «Красная звезда» за высокие показатели одним из первых в Вологодской области отмечен высшей правительственной наградой — орденом Ленина. А ведь рабочие совхоза, в своем большинстве, — выпускники школы. Вот как все тесно связано.

Почти семь десятилетий насчитывает сегодня история Семенковской средней школы. Можно сказать, что ей повезло при рождении. Ее предшественнице, маленькой начальной школе в годовщину Октября, с первых дней существования было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. Самой первой из школ в нашей стране.

А что знаете вы, ребята, об истории вашей школы?

**ДОРОГУ
ОСИЛИТ ИДУЩИЙ**

ВОДНЫЙ ПУТЬ ИМЕНИ ВОЖДА РЕВОЛЮЦИИ

Могут ли называться следопытами те, кто сидит на месте и занимается только перепиской? Или даже иногда выходят в библиотеку, музей, архив. Они обедняют себя и многого не откроют. Символ следопытов — роза ветров. Ее стрелки устремлены на север и на юг, запад и восток. Только в дороге, только в пути на местах событий можно узнать о дне вчерашнем и понять сегодняшнюю действительность.

Путешествие, дорога — всегда не только физическое перемещение в пространстве, но и движение сквозь пласты жизни, работа ума и души. Известно, как ценил и любил путешествия Владимир Ильич Ленин, как в недолгие часы отдыха собирал рюкзак и отправлялся в путь.

Надежда Константиновна вспоминала, как после Второго съезда партии, когда Владимиру Ильичу требовался отдых, они решили побродить по горным тропам Швейцарии. «Побродяжничали мы месяц, — писала Н. К. Крупская, — сегодня не знали, где будем завтра. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше. Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем — столь же тяжелая французская книга... Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались... не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады».

В традициях юных краеведов, следопытов Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова — каждое лето отправляться в экспедиции по родной стране. В экспедициях, в отличие от туристских походов, участники выполняют задания государственных и научных учреждений, а по возвращении отчитываются о том, что сделали.

Мы такие задания получаем от Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина и Управления культуры Леноблсполкома, Географического общества СССР при АН СССР и Ленинградского клуба туристов. Более чем за четверть века разные поколения следопытов нашего отряда побывали в экспедициях на Саянах и Приполярном Урале, на Алтае и в Карпатах, на Тянь-Шане и в Прибалтике, на Кавказе и в Карелии, на Байкале и в Хибирах. Одной из сложнейших и интереснейших экспедиций оказалось путешествие по пути Ермака с Урала в Сибирь.

Последние десять лет мы ходим на байдарках. Реки, как и люди, имеют свою биографию, свое настоящее, прошлое и будущее. Они хранят следы исторических событий.

В этот раз мы отправились в экспедицию по нашей Ленинградской области и Вологодскому краю. Предварительно получили серьезное задание. Какое? Об этом расскажем чуть позже. Итак, отправляемся в путь...

«Дебри» неизведанные

Первый экипаж осторожно спускает байдарку в густо заросшие травой воды небольшой, тихой речки Соминки. Путь лежит не в дебри неизведанные, а по давно обжитому ленинградскому и вологодскому Нечерноземью. Но чувствуем мы себя настоящими первооткрывателями. Идем маршрутом, каким даже местные жители не хаживали уже, по крайней мере, два десятилетия.

Зато больше ста пятидесяти лет назад путь этот был чуть ли не самым оживленным в здешних краях. Русские купцы и иностранные гости переправляли по нему с Балтики на Волгу дорогие «колониальные» товары, а навстречу, с Поволжья, шли суда, груженные пшеницей.

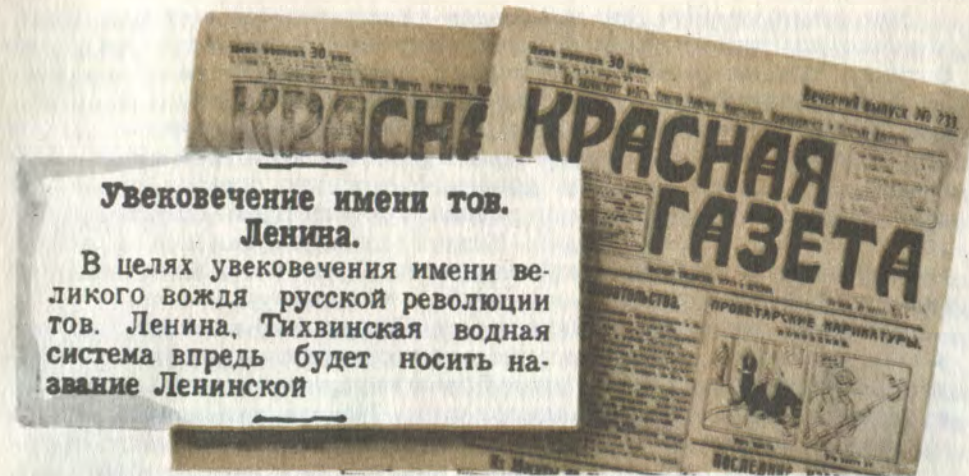
И все-таки не эти давние события в первую очередь привлекли нас сюда. В командирском планшете у Андрюши Бахвалова вместе с маршрутной книжкой как драгоценный документ хранится фотокопия коротенькой заметки, напечатанной в конце ноября 1918 года в «Красной газете», выходявшей тогда в Петрограде. Вот ее текст: «В целях увековечения имени великого вождя русской революции тов. Ленина Тихвинская водная система впредь будет носить название ЛЕНИНСКОЙ».

Почему было принято такое решение — узнали позже. Важен был сам факт: Тихвинская водная система — самый-самый первый объект на карте страны, названный именем Владимира Ильича Ленина.

Инспекция охраны памятников истории и культуры Леноблисполкома и президиум Географического общества СССР при АН СССР поручили нашему отряду пройти центральную и восточную часть старинного водного пути и составить его описание. Предстояло выяснить степень сохранности гидротехнических сооружений XIX века — ведь это тоже ценные исторические памятники нашей культуры и техники. Нас попросили измерить, зарисовать и сфотографировать шлюзы и плотины, а потом сделать по этим материалам полный отчет.

На первый взгляд, задача как будто простая, чего голову ломать. Готовь байдарки, собирай рюкзаки и садись на поезд. Но так казалось только до той поры, пока не взялись изучать будущий маршрут.

Бывалые путешественники знают: разработка маршрута — дело интересное, но далеко не простое. Чаще всего о районе будущего путешествия известно в самом общем виде, но перебрав десятки толстых и тонких книг, внимательно изучив схемы, планы, карты, посоветовавшись с бывалыми людьми, начинаешь постигать сложности и одновременно «изюминки» маршрута. Детально разобравшись с книгами и картами, составили план и график похода по дням. Окончательно утвержденный маршрутной комиссией график приобретает

силу закона. Нарушить утвержденный план могут только чрезвычайные обстоятельства.

После знакомства с литературой и подробных консультаций выяснилось, что наш будущий маршрут содержит много подводных камней, как в прямом, так и в переносном смысле. В чем же дело?

Официально Тихвинская водная система в 1959 году прекратила существование. Она потеряла свое экономическое значение, и ее эксплуатация не имела смысла. А это означало, что перестали смотреть за системой, поддерживать ее в рабочем состоянии. Шлюзы разрушались, плотины не держали воду, и она местами совсем ушла. Целые участки бывших соединительных каналов системы, как нам объяснили, «просто обсохли».

Хорошее дело! Как же нам быть? По суше двигаться на байдарках еще не научились. Или совсем пропустить «обсохшие места» и начать маршрут значительно ниже по течению, где определено есть вода? Но тогда пропустим и не увидим самые важные шлюзы в центральной части бывшей водной системы.

Разведка

Живешь в большом городе и слабо представляешь себе, как выглядит сельская местность в данный момент, где не успели еще положить асфальт и отсутствуют уборочные машины спецтранса.

Уже больше недели припекало апрельское солнце, и все нам казалось в «розовом свете». Наверное, поэтому многие выехали в этот раз налегке. Чего там, думали, каких-нибудь три дня похода. Раз-два... Зачем брать лишнее? Обойдемся, не в первый раз.

А ведь сколько раз на занятиях во Дворце пионеров твердили: любой, даже маленький, поход, особенно весной и осенью, таит в себе неожиданности, если не сказать — неприятности. Погода в это время коварна. Но ведь это опять — «сухая теория», прописные истины.

Нет, не подумайте, что мы совсем ничего с собой не взяли. Были, конечно, палатки и спальные мешки, куртки-штормовки и туристские ботинки. Имелась и веревка на всякий случай. Но далеко не все положили в рюкзак резиновые сапоги, теплый свитер, лишнюю пару носков, а без этих вещей оказалось ой как худо, хоть плачь.

С первого шага, покинув теплый и уютный автобус, мы попали на раскисшую от весенних вод дорогу. У тех, кто оставил резиновые сапоги дома, этот первый шаг вызвал малоприятные ощущения, которые словами трудно передать. Вязкая глина налипла на каждый ботинок и еще норвила заползти внутрь его. Пока освобождали из плена одну ногу, вторая уходила еще глубже к «центру Земли».

Топтаться на месте — времени нет. Пошли. Кто как мог. Что оказалось удивительным? К середине дня первыми изрядно устали мальчишки. Правда, у них были самые большие рюкзаки и топтали они вязкую глину первыми, прокладывая путь. Но так или иначе, девочки пришли на помощь и по собственной инициативе взяли часть груза.

Как ни ругали раскисшую дорогу, но и она неожиданно оборвалась. Уткнулась в набухшее влагой, вспаханное еще осенью поле, как ее и не бывало. Двинулись вдоль борозды. Вдалеке темной линией у самого края горизонта чернела полоска леса. Туда и стремились изо всех сил, лес казался спасительным, надежным и удобным для дальнейшего движения по маршруту.

Подошли к опушке леса. И опять сюрприз: в густом ельнике лежал снег. В пору лыжи надевать. Приходится идти осторожно, высоко ноги поднимать, след в след, а кто ростом не вышел да шаг покорооче — вприпрыжку двигаться. Все мысли на одном сосредоточены: как бы не промахнуться и в след попасть. Саша, наш ведущий и самый длинный из ребят, вдруг исчезает у всех на глазах — проваливается в замаскированную яму с водой. Общими усилиями вытаскиваем его за рюкзак.

Снежный наст оказался обманчивым. Там, в глубине, неугомонно резвились ручьи, подмывая и разрушая оставшийся снег. Хотя и старались избегать коварных мест, но то и дело слышится: «Ой!». Значит, опять кто-то угодил в коварную промоину и принял холодную ванну.

К вечеру порядком устали и вымокли. Не сразу нашли и место для ночлега. Снег да вода. Уже в сумерках наткнулись на приличный бугорок с сухой прошлогодней травой. Вокруг много хвороста, тонких еловых «сушинок». В нашем положении это куда как важно. Торопимся обогреться и высушиться. Костер большой, жаркий, места хватит всем.

Как подарок нам — светлое, солнечное утро. 1 Мая! Натоптанная в снегу тропинка ведет от палаток к костру, где дежурные хлопочут над праздничным завтраком. Старенький приемник «Альпинист», побывавший во многих переделках, гремит мажорными маршами и песнями. Скоро в Москве и Ленинграде начнется демонстрация.

Под музыку быстро снимаем лагерь, складываем рюкзаки. Сухие ноги, теплые носки, вкусный и горячий завтрак — что еще надо для хорошего, праздничного настроения? И друзья рядом.

Мы стали опытнее и в снежные ловушки стараемся больше не попадать. Маячками нам служат хорошо заметные на белом фоне темные макушки пригорков, первыми обсохшие под солнцем и ветром. Остались в стороне от нашего маршрута речки и каналы, ради которых

приехали на разведку. Неподходящее выбрали время для знакомства с ними. Правда, по пути от местных жителей получили нужную информацию.

— Раньше Ефимовского и не думайте соваться со своими байдарками, — категорически объявил нам старый дед-лесник. — Это сейчас в речках шибко булькает, а к июню и курице негде будет напиться.

После такого совета не осталось сторонников варианта тащить байдарки волоком. Придется сначала пройти пешком, а с Ефимовского, как подсказал дед, начинать сплав по воде.

Кружение по заснеженному лесу ни к чему хорошему не привело. Если честно признаться — мы просто-напросто заблудились. Точнее сказать, знали общее направление, в какой стороне железная дорога. Но как вот туда добраться?..

Сразу за лесом попали на обширное болото. Вполне симпатичное желто-зеленое поле с пружинистыми кочками, с островками кустарника и даже с густо рассыпанной, крупной, темно-красной, перезимовавшей под снегом клюквой.

Пока девочки рвали и ели ягоды, мальчики, разделившись на две группы, отпочковались искать дальнейший путь. Ситуация сложилась напряженная. Попали в ловушку. Неужели придется возвращаться назад? Справа — трясина, прохода нет. Слева и перед нами — река. Поток не слишком широкий, но сильный, даже пенящийся. Противоположный берег реки высокий, и краем его проходит дорога, — но как туда перебраться? Поблизости никаких мостиков, даже захудалой кладки не нашли.

Единственное решение — самим навести переправу. Недалеко стоит старая береза с обломанной верхушкой. Похоже, сухая. Будем пилить дерево, хотя есть сомнение — не трухлявый ли ствол внутри? Задубленная от времени, в крупных наростах, похожих на рубцы от ран, кора березы часто скрывает гниль и пустоту. Но в данном случае выбора у нас нет. Пилим...

Зубья пилы врезаются с усилием, и опилки светлые, а не желто-ржавые, как у перезревшего и сгнившего на корню дерева. С березой определенно повезло. Очищенный от сучьев ствол точно лег поперек потока. Как будто все в порядке? Не совсем. Нельзя идти без страховки. Этого требуют правила безопасности и подсказывает здравый смысл. Выходит, не зря взяли веревку. А ведь были и такие, кто бурчал на ходу: «Лишний груз!»

Саша первым осторожно перешел с бухтой веревки по бревну и закрепил ее. Туго натянуты перила — страховка готова, можно идти. Осторожно перебираемся на высокий берег. После зыбких, ненадежных кочек на болоте раскисший проселок с блюдами луж показался нам идеальной дорогой. Под ногами пусть и скользкая, но твердая земля. Вот так, что хорошо, а что плохо — познается в сравнении.

Однако наши приключения в этот день имели свое продолжение. Весенняя река, которую мы так успешно форсировали, приготовила еще один «подарок». Дорога с одного берега перебралась на противоположный. Естественно, и нам туда надо. От дороги теперь никуда. Спускаемся к мосту, — но что это? Широко разлившийся поток захлестнул его. На поверхности остались торчать деревянные перила и местами — крепезные бруски-укосины.

Выбора нет. Будем переправляться. Осторожно переступаем по нижней рейке перил, а за верхнюю держимся. Положение не слишком удобное. Короткая передышка на крепежном выступе и снова — боком, боком... Торопиться нельзя, но и задерживаться не следует: твоим же товарищам переходить надо. Со стороны подобное зрелище переправы казалось просто забавным. Но только до тех пор, пока сам, вцепившись в рейку, не почувствуешь, как рюкзак упорно намеревается откинуть тебя в воду, а ты сопротивляешься изо всех сил, стараешься сохранить равновесие. Куда как «смешно»...

Резкий паровозный гудок за лесом обрадовал нас, а шедшая навстречу бабуля подтвердила наше предположение: «Совсем близко железная дорога и станция». Значит, скоро закончится разведочный поход, всего-то прошли не больше сорока километров, а сколько событий и приключений. Мы обязательно вернемся сюда и пройдем по намеченному маршруту. Для всех нас эти три майских дня стали хорошей проверкой наших сил, знаний, умений и, главное, проверкой сплоченности и дружбы.

Что такое ТВС?

Сбор отряда на Московском вокзале в 19.00. Объем рюкзаков приводит в ужас сердобольных женщин в зале ожидания: «Зачем мучают детей, кому пришло в голову ломовых лошадей из них делать?» Тихо

Тамбовский шлюз
в период судоходства.

вздыхают родители, с грустью взирая на своих деток. Что уж там, все слова сказаны дома. Сейчас они помогают нести рюкзаки, сумки, бидоны, ярко-оранжевые спасательные жилеты.

Бедные папы и мамы; далеко не все из них догадываются, что это лишь малая часть общего груза. Сейчас из Дворца пионеров привезут двенадцать объемистых пакетов с разборными байдарками да еще десяток ящиков и коробок с двухнедельным запасом продуктов. Добровольных помощников больше не будет. Все понесем сами.

Пока ждем своего поезда, с другой платформы уходит состав с бойцами студенческих отрядов. Зеленые куртки, колодки значков, красочные эмблемы. Географиястроек — вся страна. Наш экспедиционный отряд тоже имеет свою эмблему, и это — наша гордость. Эмблема аккуратно пришита на рукавах штормовок. Ожидающие поезда пассажиры безуспешно ломают голову, пытаются догадаться, что означают буквы ТВС на фоне распахнутых створов шлюза. В нижней части эмблемы — байдарка. Судя по решительному взмаху весел, судно устремилось вперед. Кроссворд? Только для непосвященных.

ТВС — Тихвинская водная система. Вся символика эмблемы связана именно с ней. Правда, сейчас немногие имеют представление о такой водной системе; сегодня ТВС — история.

К станции Пикалево поезд подошел ночью. Стоянка короткая, груза много. Рюкзаки сыпались с площадки тамбура — успевай ловить. Байдарки поехали дальше до станции Ефимовская. Там их наша десантная группа — пять ребят вместе с помощником руководителя Сергеем

З. А. Ерошичева,
баба Зоя, —
наш экскурсовод.

Владимировичем Телешевым — сдать в камеру хранения, и мы заберем весь этот груз после пешей части маршрута.

Хотя водный поход впереди, живем по флотскому режиму, распределились по экипажам. Дежурный экипаж заботится не только о наших желудках — варит супы и каши. Он обязан вести вахтенный журнал, куда заносятся особенности маршрута, разные события, описываются исторические и природные объекты.

Вахтенный журнал поможет при составлении отчета и даже через много лет, если понадобится, воскресит события. Познакомимся и мы с вахтенным журналом, перелистаем его страницы.

2 июля. Понедельник. Первый походный день.

К полудню «десантники», оставив байдарки на станции Ефимовской, присоединились к нам. Теперь экспедиция в полном составе. Можно выезжать на маршрут. Автобус через 40 минут доставил к исходной точке пути — деревне Акулово, что на берегу озера Озерковское. Странными кажутся названия и деревни и озера. Но это уже относится к загадкам специальной науки — топонимики.

Вот-вот мы увидим первый шлюз, первый из тех двадцати семи, что поручено нам обследовать. Теоретически по части плотин и шлюзов «подковались», как сумели, а вот «натуру» представляем слабо.

В старинных описаниях указывается, что на Озерковском первоначально установили «водооттеснительные буны», то есть боны — огражденные деревянные сооружения. Позже поставили плотину и шлюз, а по соседству возвели кузницу со слесарней, казарму для куз-

Последние рейсы.

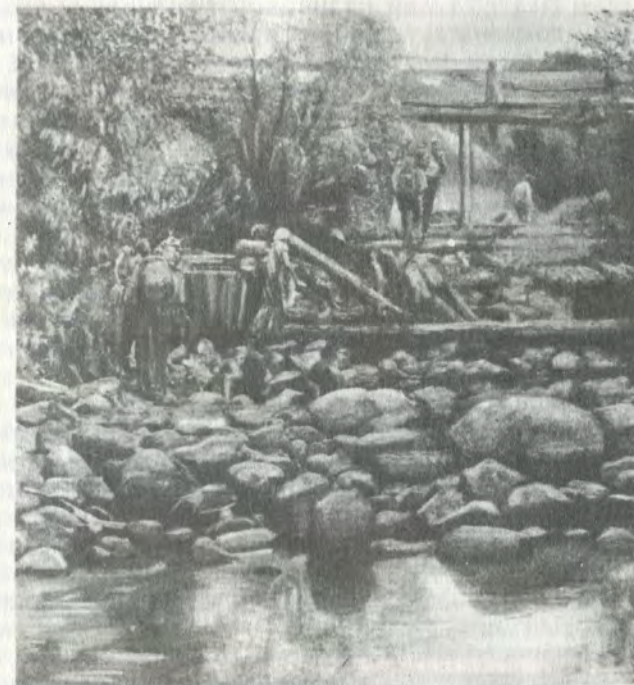
начной команды и офицерский дом. Водная система первоначально обслуживалась военным ведомством.

Конечно, нас интересовало: какие из этих сооружений сохранились? Можно ли их увидеть? С таким вопросом дежурный летописец Кирилл Изотов обратился к первой же пожилой женщине, сидевшей на крыльце дома напротив остановки. Она с удивлением смотрела на высыпавших из автобуса ребят, на груду рюкзаков, выросшую возле забора.

— Как же, как же, знаю, — доброжелательно ответила бабуля на вопрос Кирилла. — Не посторонняя, чай, была на шлюзу. Считаю, хозяйка — старшая надзорщица. Не слышали небось такой должности?

Действительно, не слышали. Да и откуда нам об этом знать? Зоя Августовна Ерошичева, так звали нашу новую знакомую, добрую половину из 83 лет прожитой жизни трудилась здесь, на Шлиссельбургском шлюзе. И муж ее, Алексей Васильевич, 59 лет отдал Тихвинской системе. Он работал старшим мастером. Нам определенно повезло, встретили семью потомственных водников. Как потом нам рассказали, каждый второй из этой деревни обслуживал Тихвинскую водную систему. Жители деревни содержали, эксплуатировали, оберегали, ремонтировали свой участок пути, а ТВС кормила их.

Баба Зоя, так она просила себя называть, к нашему удивлению, несмотря на свои восемьдесят три, довольно энергично поднялась с крыльца и повела показывать свое бывшее «поднадзорное хозяйство». Без ее помощи вряд ли бы так много смогли узнать. Наши книжные представления никак не совпадали с тем, что пришлось увидеть.

К старому шлюзу пешком.

Плотина в нашем представлении это что-то грандиозное. Ведь мы привыкли видеть на экранах телевизоров Красноярскую, Саяно-Шушенскую ГЭС, в праздничные дни — Волховскую. А часто ли показывают плотины на маленьких речках?

Вот так получилось и с нами. Какое там «грандиозное сооружение»? Ничего подобного. Частокол из бревен. Сооружение заброшено и полуразрушено. Сейчас через бывшую плотину переброшен деревянный мост. Мы сгрудились на нем, слушаем бабу Зою:

— Вон видите — слив, а то — водосброс. Они еще в хорошем состоянии. Справа и слева — усовки, они наполовину сгнили и плохо заметны.

Все дружно перегнулись через перила, грозя их обрушить.

— Где слив? Почему водосброс? Какие там «усовки»?

Кажется, бабе Зое надоело отвечать на бестолковые вопросы. Мы постигали азы гидротехники прошлого века. Некоторые названия вообще слышали впервые. Если с плотиной кое-как разобрались, то шлюз оказался и вовсе сложным сооружением. Начали изумляться с того момента, как Зоя Августовна повела нас в сторону от реки, где густо разросся кустарник и стеной стояли сорняки. За ними-то и спрятался бывший шлюз, а теперь просто большая прямоугольная яма с обвалившимися краями. Несколько бревен, торчащих сбоку, баба Зоя назвала остатками «короба шлюза».

— Идемте, идемте, — сказала она, — сейчас покажу самое интересное, такого раньше вам видеть не приходилось.

Без большого энтузиазма потянулись за нашей проводницей к пригорку, где стояло небольшое каменное здание.

— Казарма для кузнечной команды, — объяснила Зоя Августовна, — то самое, старинное, про которое спрашивали. Сто лет дому будет, а может, и больше.

Гордостью бабы Зои была единственная в своем роде выставка под открытым небом возле казармы. Прислоненные к стенке красовались металлические конструкции и детали шлюза, выполненные, наверное, мастерами, жившими и работавшими тут.

Самый главный и внушительный экспонат — металлический штурвал, метра полтора в поперечнике. Вращая его, подобно штурвалу корабля, открывали створы шлюза. Рядом — круглое бревно с отверстиями. Называется смешно — баран. В отверстия вставляли жерди и «баран» поворачивали. Вместе с ним приводилось в движение зубчатое колесо, через которое «цепь Галя» поднимала и опускала щиты, выпускная или задерживающая воду. Эта цепь лежит тут же. Сохранилась и металлическая мерная линейка для определения уровня воды.

Сохраненные Зоей Августовной экспонаты, подлинные детали шлюза XIX века, достойны того, чтобы красоваться в настоящем музее. Мы позже так и написали в своем отчете. Время идет. В отличие от архитектурных памятников, памятники техники гибнут и исчезают значительно быстрее. Потомки спросят: где реликвии становления гидротехнических сооружений России? Что им ответят? А ведь сколько подобных реликвий утрачено совсем или утрачивается на наших глазах?! С болью приходится сознавать это. Надо попытаться сохранить и такое наследие своего народа, не дать ему исчезнуть, и в этом одна из ответственных задач нашей экспедиции.

К концу первого дня подошли к еще одному шлюзу — Рязанскому. Мы были тут в дни майского похода, но осмотреть не смогли. Тогда все бурлило, а сейчас в Тихвинке воды мало, будто другая река. Подводящий канал у шлюза вовсе высох. Подходи вплотную и обмеряй его со всех сторон.

Повстречали местных старожил. В здании бывшего караульного дома при шлюзе уже не один десяток лет живут супруги Малиновские — Александр Сергеевич и Зинаида Сергеевна. Отец Александра Сергеевича прослужил на канале 65 лет, а привезли его сюда совсем молодым и не по своей воле. Царское правительство выслало юношу как участника освободительного движения в Польше.

Малиновские помогли нам разобраться со всеми особенностями шлюза и грамотно сделать его техническое описание.

Шлюз Рязанский. Расположен в 9,5 километра от Шлиссельбургского. Характерные особенности — отсутствие плотины. В коробе шлюза сохранились ролики, по которым скользили проходящие суда. Мост через Тихвинку разводной, постройки 1825 года, сохранность плохая. Русло реки около моста загромождено бетонными обломками. Частично сохранился механизм аммуниционного магазина, кузница и дом для кондукторов. Сведения получены от супругов Малиновских и Василия Тимофеевича Фадеева, бывшего кузнеца-молотобойца.

3 июля. Вторник. Второй день похода.

Общий подъем в 7. 30. Погода хорошая, теплая. Ветер западный, облачность слабая. Дежурные — третий экипаж. Командир — Саша Андреев.

День рекордный по количеству пройденных шлюзов. Трудно поверить, но мы прошли, исследовали и описали одиннадцать шлюзов. Их названия по порядку: Витебский, Могилевский, Полоцкий, Рижский, Ревельский, Митавский, Виленский, Гродненский, Минский, Черниговский и Киевский. Выходит, успели как бы побывать в Белоруссии, в Прибалтике и еще на Украине.

Семь шлюзов, начиная с Могилевского, сидят плотно, как патроны в обойме, между ними не больше 250—400 метров. Местные жители называли их — частые.

Не успевало судно пройти один шлюз, как попадало в следующий. Старожилы рассказывали, что в разгар навигации проходило до пятидесяти судов в сутки. Шлюз обслуживал, как правило, один человек, но ему помогала вся команда проходящего судна.

На Могилевском шлюзе впервые увидели целехонькие шлюзовые ворота. Как не попробовать раскрыть их пошире? Навалились нашими мужскими силами, но безрезультатно. Механизм с колесиками и зубчиками сильно проржавел за двадцать лет.

От одного до другого шлюза шагаем по руслу бывшего канала. Он сплошь зарос травой, а берега — кустарником. Вокруг поля с мелко-лесем, и бывший водный путь на местности никак не выделяется.

Жарко. На высоких нотах ведут свой концерт комары. Садятся. Ищут на наших распаренных фигурах слабые, незащищенные места. К атакам этих насекомых привыкли и попусту руками не размахиваем. Сел комар, устроился, начал свое «кровавое дело» — вот тогда его и р-рраз... Потом точным ударом — следующего.

Главная забота — смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. В высохшем русле трава маскирует камни, коряги, остатки бревен. Хорошо идти по речному песочку, даже если по бывшему дну канала разбросаны окатанные булыжнички, покрытые буро-зеленым налетом.

Но что это? Между камнями рассыпаны серые панцири, они хрустят под ногами. Пригляделись: настоящее братское кладбище речных раков. Вода ушла или испарилась. Июньское солнце оказалось губельным для них. Вымерли целые семейства, если не колонии. Жалко раков, хотя они и не занесены пока в Красную книгу.

У каждого шлюза и плотины небольшая остановка, привал. Осматриваем, обмеряем, записываем. Стараемся ничего не пропустить. За два дня стали «крупными» специалистами-гидротехниками.

Возле Гродненского шлюза увидели странное сооружение — черно-белую полосатую караульную будку. Как она сохранилась? Такие теперь только в кино увидеть можно. Здесь же рядом, в пустующем здании казармы, нашли инструкцию о правилах пользования водными путями на территории СССР. Ее выпустили в 1930 году. Теперь это уже музейный экспонат.

4 июля, среда.

Ночевали возле Киевского шлюза у подножия старых дуллистых лип. Рядом когда-то стояла водяная мельница. Сохранился отводной канал да здоровенный жернов, наполовину ушедший в землю.

Утром поднялись рано, еще роса не обсохла. После завтрака без малого три часа шагали сначала по лесной тропе, потом по пыльному

Монумент,
установленный в память
о пребывании Петра I
на водоразделе канала.

проселку, а затем вдоль заболоченного берега озера Лебедино. Сегодня мы должны добраться до одного из самых примечательных мест на Тихвинской водной системе — к монументу Петру I.

В темном, сыром лесу вдруг открылась небольшая поляна с каменной горкой у самого края. Камни выложены в форме колокола или шапки Мономаха. На самом верху — массивный крест. Все это сооружение от основания до верхушки — 7 метров. На лицевой стороне чугунная доска с медным вензелем Петра и надпись: «В память посещения императором Петром Великим между 1712 и 1716 гг.» Соорудили памятник в 1862 году.

Никакими видами транспорта сюда не добраться. Только пешим ходом, да и то, если сильно не развезет. По всем признакам экскурсантов здесь практически не бывает. Каменная горка поросла травой. Из всех трещин торчат зеленые пучки. Медный вензель почернел и чуть виден.

Неужели все так и оставить? Когда еще представители Общества охраны памятников доберутся сюда?

«Наведем порядок?!» — то ли спросил ребят, то ли дал команду Андрей Бахвалов и первым полез на кладку. Девочки принялись дергать траву руками, а мальчишки после них выковыривали из трещин корешки — от них вся беда: разрушают камень. Саша Андреев с Колей Жеребцовым зубным порошком надраили до блеска медный вензель.

Почти час трудились ребята вокруг монумента. Самим приятно стало смотреть на дело рук своих, помолодел памятник. Как не сфотографироваться на память?

Невольно возникает вопрос: неужели лучше места для монумента не нашли, чем эта невзрачная полянка в сыром, захламенном упавшими деревьями лесу? Есть, конечно, в окрестностях поляны посуше, холмы повыше, панорамы живописней и подъезды удобней. Секрет в другом. Памятник поставлен точно на линии водораздела как пограничный знак на рубеже между Балтийским и Каспийским склонами.

Из озера Лебедино берет исток Тихвинка. По другую сторону, из озера Крупино, начинается речка Волчина. Между ними по прямой — три километра семьсот метров. Вот именно сюда в междуречье и стремился попасть Петр I, чтобы не с чьих-то слов, а лично убедиться — можно ли рыть канал, начинать «перекопные работы»? Сам прошагал по заболоченным участкам, благо рост позволял и на здоровье не жаловался. Сам Петр I и трассу канала наметил.

По замыслу Петра I

Думая о делах государственных, Петр I решил соединить водными путями новую столицу Петербург с хлебными районами Нижней Волги, чтобы «без переволоков землею». Такого раньше на Руси никто не предпринимал.

Относительно плоский рельеф в верховьях рек позволял и раньше связать Неву и Волгу. С давних времен тут проходил торговый путь. Через водораздел перетаскивали ладьи и грузы волоком. В местных названиях сохранились приметы этого древнего пути. Они говорят

сами за себя: реки Волчина, Волоченька, деревни Волок, Мозолево, село Горюнька и река Горюн, где ладейщики из-за обилия камней терпели особенно много бед. Село Полвное — половина пути между реками Воложкой и Чагодой.

Одновременно Петр I наметил три водных маршрута. Если посмотреть на карту, то Вышневолоцкая и Мариинская водные системы составляли как бы два полукольца — с севера и с юга, а между ними, почти по прямой, проходил самый короткий путь — Тихвинский.

Задуманные Петром I и начатые тогда же работы продвигались крайне медленно, а после его смерти и вовсе прекратились. Возобновили строительство через десяток лет.

Подробнейший проект Тихвинской «водной коммуникации» поручили составить инженер-генерал-майору Н. Деденеву. Сенат одобрил его план и посчитал «удобнейшим, государству полезнейшим и необходимо нужным для города Санкт-Петербурга, не только в рассуждении краткости расстояния оного...».

Для строительства требовались деньги, и немалые, примерно шесть миллионов рублей. А где их взять? Все средства уходили на «военные обстоятельства». И 11 января 1770 года Сенат постановляет: «...в таком новом коммуникации учреждении дело рассматриванием отложить до удобного к тому впредь времени».

Работы на трассе возобновились через десять лет и продолжались до начала XIX века. Самым сложным оказалось вырыть шесть верст Тихвинского соединительного канала. Открытие Тихвинской водной системы состоялось лишь в 1811 году.

Кто строил «водную коммуникацию»? Крестьяне. Их сгоняли из разных губерний России. Инструмент самый примитивный: лопата и мотыга, кирка и лом. Полуголодные, не имея теплой одежды и постоянного крова — шалаши да землянки-норы, — они до изнеможения трудились по двенадцать—четырнадцать часов в сутки. Все делали подневольные: копали канал, расширяли и чистили русла рек, ставили плотины и шлюзы. Много работных людей умирало от стужи и голода, не выдержав изнурительного труда. Счета погибшим не вели. На их место присылали новых.

Возле каждого шлюза вырастали пологие холмы, братские могилы, памятники безвестным строителям водного пути. Со временем они покрывались травой, кустарником.

Вот и сейчас такой холм закрывает от ветра наш лагерь. Кроны ближних деревьев шумят беспрестанно, а брезентовые крыши палаток не шелохнутся. На сливе плотины журчит вода, а мы лежим в спальнях мешках после трудного дня, прислушиваемся к ночным звукам и думаем, думаем о прошлом.

На Каспийском склоне

5—6 июля, четверг — пятница.

Вчера мы даже не заметили, как перешагнули водораздел и попали с Балтийского склона на Каспийский. Ничего не изменилось. Разве только комары чудесным образом выросли вдруг до гигантских размеров и стали злющие, кусачие, как потревоженные лесные осы.

Первый шлюз на восточном склоне — Нижегородский. Он незаметно приютился возле поселка Быстрорецкий. Отсюда совсем недалеко до большого рабочего поселка Ефимовский.

Погода стала быстро меняться. Потемнело. И хлынул дождь. Спрятаться негде — дорога и вокруг поля. Хоть ладошкой прикрывайся. Накидки и клеенки, как нарочно, лежали за ненадобностью на дне рюкзаков. Быстро привыкаешь к солнцу и теплу, а про дождик и думать не хочется.

— Скорей, скорей! — кричали девочки, показывая в сторону полуразрушенного сарая. Они первыми помчались туда.

Вот мы и под крышей, скинули рюкзаки. Ребята прыгают, толкаются — лучшее средство быстро согреться. Более практичные достали сухие вещи, свитера.

Андрей Мякишев вызвался пойти на разведку, выбрать место для лагеря. Не сидеть же до утра в сарае с дырявыми стенами. Прибежал

наш разведчик весь мокрый, но веселый. Сумел отыскать возле Тамбовского шлюза полянку в редком ельнике. Есть сухие дрова и, главное, удобный подход к воде. Через день соберем байдарки и спустим их в тихую бухточку.

Утро начали с хозяйственных забот: взяли имущество из камеры хранения и все перенесли в лагерь. Теперь осталось привести все в походное состояние.

Наши краеведы отправились в поиск. Дима Козлов и Наташа Яковлева в библиотеке поселка отыскивали интересные газетные вырезки, фотографии, наклеенные в большом альбоме. Все об истории Тихвинской водной системы.

Вечером после ужина — «семейный» праздник у костра. У Миши день рождения. Концерт составлен в четырех отделениях. В заключенные торжественное вручение подарка — банки сгущенного молока.

К сожалению, дождь скоро разогнал нас по палаткам. Лежим в тепле и уюте, лишь дежурные колдуют у костра: моют посуду, укрывают байдарки и вещи от сырости.

Засыпали с надеждой увидеть утром солнце и чистое небо. Но вся эта благодать, вероятно, осталась за Балтийским склоном. Низкие тучи касаются верхушек деревьев. Воздух насыщен влагой до предела. Выбираться из теплого спального мешка и вылезать наружу добровольно никто не хочет. А надо... Нас ждет Владимир Григорьевич Денгачев, председатель Ефимовского сельского совета, живая история этих мест. Вчера были у него дома, договорились о встрече. Флигелек на садовом участке Владимира Григорьевича не хуже другого краеведческого музея.

Быстро добежали до поселкового клуба. Денгачев приготовил нам сюрприз — фильм, отснятый здесь студентами Института киноинженеров в 1962 году. В ту пору они шефствовали над районом, а Владимир Григорьевич возглавлял колхоз «Борьба». Свой фильм студенты назвали — «Борьба» в борьбе». Самые интересные для нас кадры — действующая Тихвинская система, правда, на самом закате своего существования. На экране — маленький буксир. Похоже, он из последних сил тянет баржу с грузом. Открываются ворота шлюза, и весь караван поднимается на ступень выше.

«Тихвинки» и «соминки»

После открытия Тихвинского водного пути в 1811 году шумно и тесно стало на его реках и каналах. Около шести тысяч судов проходило тут в навигацию. Каждое судно, в зависимости от назначения и водоизмещения, имело свое название: барка, расшива, гусянка, дощаник, завозня. Чаще встречались «тихвинки» и «соминки». Их ладилы местные умельцы, мастера кузнечного и плотницкого промысла.

Сопровождали суда крестьяне-отходники. Из них же набирали бурлаков и гребцов, лодочников и коноводов.

Зачем коноводов? Лодки или баржи тянули вверх и вниз по каналам и рекам бечевые лошади. Кони с погонщиками-коноводами шли по левому берегу. Береговая полоса шириной до сорока метров считалась

неприкосновенной: здесь запрещались всякие сельские работы, тем более покосы. Вся трава предназначалась для тягловой скотины, а лошадей здесь проходили многие тысячи.

Коновод! Так и представляешь себе здорового мужика, широко в плечах, с зажатым хлыстом в здоровенном кулаке. А тут попалась фотография из дореволюционного иллюстрированного журнала «Новое время» за 1898 год. Неизвестный фотограф запечатлел детей в лаптях и зипунах. Если судить по виду, то совсем маленькие, «октябрятского» возраста. Стоят возле лошадей, головы их чуть до конского брюха достают. Под снимком подпись: «Дети — погонщики на Тихвинской системе».

Тихвинский водный путь, в отличие от Вышневолоцкого и Мариинского, имел на всем протяжении небольшую глубину, и проходить могли мелкосидящие суда с грузом не более двух тысяч пудов. Зато был он и самым коротким, а во времена иноземных вторжений — самым безопасным.

Что же перевозили «тихвинки» и «соминки» из Петербурга на Волгу в начале XIX века? Самые обычные и вместе с тем удивительные грузы. Вот некоторый перечень товаров, который сохранился в ведомостях того времени. Посмотрим его...

Первое место занимали сахар и леденцы, кофе и шоколад, заморские фрукты — лимоны, апельсины, миндаль. Везли в Поволжье привозную рыбу: бочки с соленой сельдью и сигаами, а также невскую сушеную корюху, или, по-нашему, — корюшку. Отправляли из столицы колбасу и сыр, конопляное и прованское масло, чай и уксус, яблоки

На Тихвинском канале.

и соленые огурцы, специи и пряности. Грузили на суда и промышленные товары: от разнообразных металлических изделий до фарфоровой посуды, колясок на рессорах и ящиков с иностранными книгами.

В Петербург из Верхнего Поволжья регулярно шел хлеб, коровье масло, птица и яйца, рыба и говяжье сало, мед, орехи и пряники. Доставлялись в столицу по водному пути строительные материалы: глина, известь, алебастр и даже древесный уголь, сено и солома.

До конца XIX века Тихвинский путь непрерывно улучшался. Расширялись и углублялись русла рек, укреплялись, перестраивались шлюзы и плотины. Всего от Чагоды до Сяси возвели 62 шлюза. Из них только 14 — на волжской стороне, но они помогали подняться судам на 92 метра.

Каждый шлюз имел свое имя. Они получили названия в честь крупнейших исторических центров и губернских городов России: Симбирский и Пермский, Московский и Архангельский, Казанский и Воронежский, Иркутский и Тифлисский...

В 1905 году из Вятки, ныне города Кирова, протянулся железнодорожный путь через Вологду, Череповец в Петербург. И сразу значение Тихвинской водной системы начало падать. Этому способствовала и реконструкция Мариинской водной системы. Ее значительно расширили и углубили. Стали там ходить суда с паровой тягой, а значит, этот путь стал экономически выгодней. На мелководных и порожистых реках Тихвинской системы — Соминке, Тихвинке, Сяси — баржи тянули еще лошади. Оставались здесь местные перевозки да сплав леса. Постепенно замирала торговля и промышленность.

Новую страницу в истории Тихвинской водной системы открыла революция. Летом 1918 года враги всех мастей сдавили Красный Петроград. Они хотели задушить его голодом, перерезав железные дороги и водные пути от волжских житниц.

В эти неимоверно трудные для Советской власти дни Тихвинский водный путь стал важнейшей артерией, по которой доставлялось продовольствие из Поволжья в осажденный Петроград. Ожили затихшие реки и каналы. Потянулись суда, груженные волжским хлебом.

Город на Неве, вся молодая республика день за днем, месяц за месяцем давали отпор на всех фронтах врагам внешним и внутренним. Приближалась годовщина Октября. Мы уже рассказывали, как отмечали этот праздник в Вологодской губернии. Так было везде. Самый первый юбилей Страны Советов стал олицетворением стойкости, мужества трудящихся, верности рабочих и крестьян идеям Октябрьской революции. С годовщиной Октября каждый честный человек связывал надежды на будущее.

Красиво и торжественно отпраздновали эти дни и жители Тихвина. В городе построили триумфальные арки, разукрасили их и убрали хвоями. Всюду реяли красные флаги. Тихвинцы со знаменами и транспарантами прошли по центральным улицам. К праздничным дням приурочили переименование улиц: появились улицы Карла Маркса, Советская и площадь Свободы. А 15 ноября 1918 года на очередном заседании исполнительного комитета тихвинского Совета рабочих, красноармейских и солдатских депутатов была единогласно принята следующая резолюция: «Живая водная артерия нашего Тихвинского края, связующая Волжскую житницу с Красным Питером — маяком и креп-

ким якорем пролетариата — Тихвинская водная система, созданная лопатой и топором трудового народа, да будет отныне, в увековечение славной победной годовщины революции, называться именем мужественного вождя трудового народа и передового борца нашей славной авангардной революции ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА. Да процветает водный транспорт — пути перемещения народов... Да здравствуют его трудовые работники и их защитник товарищ Ленин. Да здравствует «ВОДНАЯ СИСТЕМА ЛЕНИНА»! По утверждению наименования известить все советские учреждения Тихвинского уезда, губернию, область и центр, во всех официальных отношениях Тихвинскую водную систему именовать ВОДНОЮ СИСТЕМОЙ ЛЕНИНА».

Через две недели петроградская «Красная газета» в № 255 от 30 ноября 1918 года сообщила на первой полосе в рубрике «Из Москвы по телефону»:

«В целях увековечения имени великого вождя русской революции тов. Ленина Тихвинская водная система впредь будет носить название ЛЕНИНСКОЙ».

Курсом на Волгу

7—15 июля. От субботы до субботы и еще воскресенье.

Осторожно спускаем в мелководную речку хрупкие с виду суденышки. Это не «тихвинки» и не «соминки», а байдарки заводской марки «Салют». До самого верха они нагружены общественным и личным имуществом. А ведь надо еще уместиться экипажу из трех человек... Впереди — сотни километров маршрута, каждый день по шесть—восемь часов на веслах, частые проводки на мелях, обносы препятствий, перекаты.

И все же после пеших переходов, когда плечи режут лямки рюкзаков, плавание на байдарках — истинная радость. И на мир смотришь по-другому: больше замечаешь, острее чувствуешь, лучше понимаешь.

Плывем. Притираются друг к другу члены экипажа, привыкают и к норову своего судна. Вот и первое препятствие — шлюз Симбирский. Надо обносить. Сначала вверх по склону, потом осторожно вниз — к воде. Только устроились в байдарках, опять вылезай — русло забито камнями. Не то что семи футов, даже семи сантиметров под килем нет. И дальше спокойного плавания не получается. То завалы, а то мели, тогда байдарки шуршат днищем по песку.

Костромской шлюз — обносим плотину за двадцать минут, а вот возле Пензенского возились целый час. За шлюзом камни и перекаты. Байдарки приходится вести «под уздцы». Они норовят подсесть тебе сзади и сбить с ног.

Подошли к Пермскому шлюзу — снова обнос. В это же время двое дежурных делают тщательное описание и обмеры. Приятный сюрприз у следующего, Вятского, шлюза. Возле плотины чистое русло и слив гладкий. Байдарка дружно подхвачена на руки, поднята и по бревенчатому сливу скользит к большой воде. Такой способ преодоления препятствия ребята назвали «шлюзованием».

Последний в этот день, пятый по счету, шлюз — Воронежский.

Пять — слишком много для начала, устали изрядно, да еще дождь пошел. Скорее ставить лагерь, разжигать костер и готовить ужин.

Спешно выгружаемся, но тут замечаем — нет одной байдарки, она шла замыкающей. Что случилось? Ведь после «шлюзования» никаких серьезных препятствий не было. Все прошли нормально.

Пока занимались гаданием, заметили члена пропавшего экипажа — Наташу. Она бежала к нам по руслу реки, размахивая руками.

— ЧП! Авария! — кричала она. — Налетели на жердь и получили пробоину.

Чего там объяснять подробности. Мальчишки бросились к первой же разгруженной байдарке и помчались на выручку потерпевшим бедствие.

Отчего случаются такие аварии? Оболочка байдарки сделана из резины и натянута на металлический каркас достаточно туго, как кожа на барабан. Наткнется судно с ходу на острый камень или толстый сук — дырка обеспечена. В пробоину под напором поступает вода. Зевать в таком случае некогда. Быстро к берегу изо всех сил. Так и поступил экипаж Володи. Не растерялись ребята. Успели вытащить продукты и вещи. Помогла им спасательная команда, которая, бросив все, помчалась на выручку.

При ближайшем рассмотрении, когда уже вытащили байдарку на берег и перевернули, пробоина оказалась приличная — сантиметров двенадцать длиной. Дырку пришлось предварительно зашить капроновой ниткой, потом зачистить наждаком, протереть бензином и поставить заплату на резиновом клее.

«Шлюзование»
байдарок.

Короткий привал.

Отметина получилась заметная. Сколько таких на оболочке? Двенадцать или пятнадцать? Надо признаться, нет никаких гарантий, что эта будет последней. Большие и маленькие заплатки — свидетели прошлых маршрутов, подводных столкновений и сюрпризов, которых не удалось предвидеть и избежать.

Шаг за шагом, километр за километром познают новички нелегкую науку водного похода на байдарках. Даже к веслу первоначально не так просто привыкнуть. Вроде весло и весло — трубка с лопастями, а каждый держит на свой манер. Тонкости для непосвященного незначительные. Между тем от них зависит эффективность гребка, длина «проводки», а значит, и отдача приложения сил, скорость байдарки. Таких гребков приходится делать тысячи в день.

В каждом деле есть свой мастер. Дима Козлов — гребец отменный. Без видимого усилия, легко и красиво работает веслом. Любо смотреть. И байдарка идет ровно, сильно. А его ровесник и одноклассник Кирилл тоже будто старается, а в результате, как говорят, только «макает» весло. Невольно у нас стало меркой слабого, самого малого гребка — одна «кирасила». Значит, и так можно прославиться.

Как на телеэкране в «Клубе путешественников» непрерывно развертываются перед нами удивительные картины.

Вот озеро Вожанское — тихие заводи, заросшие кувшинками и камышом. Как будто здесь до нас никого и не было. Нарушают этот почти идиллический пейзаж ряды свай — один ряд, другой, третий. Как предполагают наши «специалисты», скорее всего, это остатки старых причалов.

Из тихого и спокойного озера попадаем в быструю речку со странным названием — Горюн. Как объясняют исторические источники, именно здесь ладейщики терпели немало горя. Течение сильное, глубина небольшая, а камней много. Того и гляди, сядет барка на камень, а то и дыра случится.

Мы на себе испытали норы Горюна. Течение реки, а точнее, основная струя — стрежень, отклоняется то к левому, а то к правому берегу. Это течение и сбрасывает байдарки на большие камни, от которых, как длинные косы русалок, тянутся мохнатые зеленые водоросли. Только поворачивайся. Зазеваешься — жди неприятностей.

Надо сказать, Горюн свое название оправдал. Получила пробоину байдарка Кирилла. Правда, дырка небольшая и Кирилл зажал ее пяткой, пока не дошли до Варшавского шлюза. Там все равно предстояла разгрузка, переброска судов, а значит, время для ремонта байдарки...

Чудеса и только! Вторые сутки спускаемся, можно сказать, мчимся вниз по Горюну, камни считаем, огибаем песчаные мели и вдруг в какой-то момент замечаем, что плывем... против течения. Первая мысль: какое-то наваждение. Так не бывает.

Оказывается, бывает. Разобрались с «чудесами». Река Чагодоца, куда впадает Горюн, настолько сильна и мощна, что ее струя заходит в устье своего притока, преодолевая встречное течение Горюна. Записали в вахтенном журнале еще два события. В месте слияния Горюна с Чагодоцей начинается новая река — Чагода. И здесь же мы пересекли границу Ленинградской области и продолжаем путешествие уже по Вологодской. Чагода — река солидная, если сравнить ее с мелкими речками верховья водораздела. Ее ширина около 25 метров, а местами и больше. Поток становится еще мощнее и полноводней, когда в Чагоду впадает живописнейшая речка Лидь. Прибавилось воды, и сразу начались перекаты — один, другой, третий. Только успеваем считать и записывать в журнал. Ощущение в центре переката удивительное — байдарку вдруг подбрасывает и стремительно несет вперед.

Река постепенно успокаивается и становится вполне степенной возле районного центра — поселка Чагода. Главная улица вытянулась вдоль берега. В центре поселка — сквер. Там установлен памятник участникам Великой Отечественной войны. Трое жителей Чагоды стали Героями Советского Союза.

Несут нас воды Чагоды все дальше и дальше вниз. Опять перекаты — быстрины на мелководье между невысоких островков и больших камней. Вот и деревенька на правом берегу с многозначительным названием Валунь. Еще раз убеждаемся: нелегко был путь по Тихвинской системе. Теперь понятно, почему спуск вниз по течению считался наиболее трудным, чем подъем судов с помощью тягловой силы.

Многое изменилось на реке с той поры, когда несли она вниз и вверх нагруженные суда. Разрушились плотины, а значит, упала вода. Пришлось отметить в вахтенном журнале и совсем неприятные факты. Возле деревни с ласковым названием Клавдино берег оказался залит мазутом. Оказывается, несколько лет назад в леспромхозе выплеснулось из хранилища топливо. Виновника оштрафовали на 100 рублей. Рыба на много километров перестала водиться. Любители исключительно чистой воды — раки покинули эти места. Еще через несколько

километров чуть не наткнулись на старый паром, выброшенный половодьем на песчаную мель. Полузасыпанный, поросший травой, он представлял собой невеселое зрелище.

Между тем природа обладает огромным запасом жизнестойкости, замечательным качеством самовосстановления. Поросль молодых березок и осин скрывает вырубки и пожарища. На высоких, крутых ярах сохранились островки старых, необъятных по ширине дубов. Под сенью ветеранов тянутся вверх тоненькие дубочки-подростки. Именно здесь приходят на память стихи вологодского поэта Николая Рубцова:

Высокий дуб! Глубокая вода.
Спокойные вокруг ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений.

Последний лагерь на Чагоде поставили в устье реки при впадении ее в Мологу. Здесь решено сделать дневку: привести в порядок записи в вахтенном журнале, проверить байдарки, посчитать оставшиеся продукты. Два экипажа переправились на противоположный берег. Там леспромхозовский поселок. Он носит имя А. И. Желябова, известного революционера, одного из вождей «Народной воли». В центре поселка — памятник народовольцу.

Готовимся к последнему переходу. Это 27 километров вверх по реке Мологе. Шесть часов почти непрерывной гребли против течения. Расслабляться нельзя — сносит обратно. Только вперед и вперед на пределе сил. Держимся ближе к берегу, где течение несколько слабее. Поворот, еще поворот, и показались сверкающие купола церкви Устюжны, старинного русского города на Вологодской земле. Сами не верим — закончили водную часть маршрута. Все — разбираем байдарки! Экспедиция продолжается...

Устюжна

В XI—XII веках на правом берегу Мологи в устье речки Ижины встал городище. Его назвали Усть-Ижина, которое превратилось в Устюжну. Об этом и многом другом мы узнали на следующий день в городском краеведческом музее. С XV века город становится вторым — после Тулы — центром по изготовлению оружия в России. По указу Петра I здесь строится оружейный завод. Известна была Устюжна в прошлом своим чугуно-меднолитейным производством, судостроением, выпуском фарфора и фаянса. К середине XIX века город стал приходить в упадок. Он перестал быть крупным перевалочным пунктом — сократилось движение по Тихвинской водной системе, а строительство железной дороги прошло далеко от Устюжны. Город превратился в забытый «медвежий угол», в тихую, сонную провинцию.

Биографии замечательного поэта пушкинской поры К. Н. Батюшкова и писателя А. И. Куприна связаны с селом Даниловским в окрестностях Устюжны. На высоком угоре расположилась старинная усадьба. Мы побывали там, в деревянном особняке, окруженном старыми

липами и вязами. Медленно прошли из комнаты в комнату, где сейчас открыта музейная экспозиция, переписали в свою тетрадь строки из письма Куприна, написанного им в 1908 году:

«Третий день в Даниловском. Утром выйдешь из дому, и такая благодать в парке! Сирень! Сиренью насыщен весь воздух, свежесть, тень, птицы так кричат, что не разберешь: что, где и как. Цветет жимолость... Я всего три дня здесь и уже окреп телом, и духом, и нервами».

Парк хорош и сейчас, хоть и невелик по размерам. Правда, он изрядно запущен, зарос травой и бузиной. Сохнут липы, березы, отмирают старые кусты сирени, о которых так поэтично написал Куприн. Недостаточно смотрят за ним, а ведь по решению облисполкома парк объявлен памятником природы.

В последний вечер мы шли по деревянным мостовым Устюжны, дивились резным наличникам на окнах — каждый вырезан на свой лад. Как будто в красивые рамки вставили одну и ту же картину — цветочные горшки с геранью и занавески с петухами.

Работяга Волго-Балт

18—21 июля. От среды до субботы.

Покидаем гостеприимную Устюжну. Выше головы нагружены рюкзаками, сложенными и упакованными в мешки байдарками, разным походным скарбом. Рейсовый автобус мчит нас в Череповец.

Город недавно отметил свое 200-летие. Точная дата его рождения — 4 ноября 1777 года. В этот день был подписан указ Екатерины II об учреждении «при Череповецком монастыре для пользы водяной коммуникации» города «наименованием Череповец».

Герб города — его визитная карточка. У старинного череповецкого в верхней части щита помещалось изображение герба Новгорода, а внизу, в полосе воды, — четыре шекснинские стерляди, в правом, красном, поле — гора болотной руды, в левом, голубом, поле — солнечные лучи и судовой руль.

Сегодня Череповец — крупнейший порт Волго-Балта. Его славу составляет металлургический комбинат. 24 августа 1955 года в 15 часов 25 минут доменная печь выдала первый череповецкий чугун. Эта дата — второе рождение города, и теперь на его гербе — силуэты заводской трубы и коксовой батареи.

Два с лишним часа ходили по причалам торгового и пассажирского портов, побывали даже у диспетчеров линейной службы Волго-Балта. Экскурсия экскурсией, но очень уж хотелось попасть на одну из самоходных барж и на ней добраться до Ленинграда. Речники встречали нас хорошо, выслушивали внимательно, но на грузовые суда взять отказать — таков порядок.

И все равно мы пойдем по Волго-Балту, помчимся на крыльях «Метеора» под № 86, где капитаном Юрий Михайлович Мирхольский. За семь часов останутся за кормой 320 километров, расстояние от порта Череповец до пристани Девятины.

Продолжаем вести вахтенный журнал, хотя мы и пассажиры на судне.

12.37. Отошли от причала и скоро «встали на крыло». Скорость не то что у наших байдарок — курьерская. Оставляем позади теплоходы, баржи. Только ворота шлюза останавливают нас, и приходится ждать очереди. С правой стороны по ходу движения поставлены километровые столбы, совсем как на шоссе. Счет их идет от Южного порта Москвы.

Справа по борту встают крутые берега и четкий силуэт Горицкого монастыря. Рядом с ним — гора Маура. Год назад, зимой, мы были здесь. Учительница местной школы рассказала удивительные легенды о давних событиях, которые происходили в Горицах. Архитектурный ансамбль монастыря, к сожалению, довольно сильно разрушен.

Проплываем пристань и поселок Кирьяновский. Капитан Юрий Михайлович замечает, что именно здесь шли съемки известного фильма «Калина Красная» и Василий Шукшин, автор и режиссер, плыл на этом же «Метеоре-86». Теперь это тоже история.

19.20. Прошли шлюз № 6. 20.35. Конечная пристань в поселке Девятины. Отсюда уже автобусом добираемся до города Вытегра.

Вытегра — подлинная столица бывшей Мариинской водной системы. Этот водный путь начал действовать в 1811 году. Как память о выдающемся гидротехническом сооружении, созданном руками рабочих людей, полностью сохранен старый деревянный шлюз № 1. Конечно, мы обошли его несколько раз, осмотрели и подумали: почему же так? Сумели же сохранить, как памятник, шлюз на Мариинской системе, а почему же никак не увековечили Тихвинскую? Ведь можно было бы, например, восстановить на память потомкам Тамбовский шлюз?

Современный
Волго-Балтийский канал
имени В. И. Ленина.

Вернемся к истории. «Мариинка», как называли коротко эту водную систему, строилась одиннадцать лет. Здесь поставили 31 шлюз, потом их стало 38. Из одного конца в другой баржу тянули сто десять суток, то есть больше трех месяцев. Потом «Мариинку» расширили, углубили, ввели конную тягу, и движение на канале стало двусторонним.

Путь сократился на 27 верст против прежнего, и суда стали проходить его в два раза быстрее.

Мариинскую систему еще много раз улучшали, но после Великой Отечественной войны Советское правительство приняло решение: провести коренную реконструкцию, построить все заново, тем самым создать более современную, глубокую и спрямленную водную систему с меньшим числом шлюзов и лишь частично использовать отдельные участки «Мариинки».

В июле 1964 года в газетах появилось такое сообщение: «В Советском Союзе закончено строительство Волго-Балтийского судоходного канала протяженностью 361 километр, с вводом в действие которого создается единая глубоководная транспортная система в Европейской части страны».

Крупнейшему гидротехническому сооружению присвоили имя В. И. Ленина. Как тут не вспомнить, что еще в 1918 году Тихвинский водный путь, частично использованный при прокладке голубого «проспекта» северо-запада, носил имя вождя революции. Волго-Балт — крупнейшее гидротехническое сооружение мира.

Вместо 38 старых шлюзов «Мариинки» построили 7, но каких! Все операции электрифицированы, снабжены приборами контроля. Нам очень хотелось посмотреть работу шлюза вблизи, и наша мечта сбылась. Владимир Константинович Шенкевич — ветеран Волго-Балта; он пришел на шлюз № 1 еще в мае 1961 года, за три года до открытия навигации. До ухода на пенсию Владимир Константинович работал начальником смены шлюза. Сегодня он наш экскурсовод. Поднимаемся вместе с ним в башню — пульт управления шлюза. Такое впечатление, будто забралась на капитанский мостик: круговой обзор, множество приборов, непрерывные звонки и сигналы. Суда подходят с обеих сторон шлюза и без задержки поднимаются или опускаются в шлюзовую камеру, чтобы плыть дальше. За пятнадцать лет эксплуатации прошли сотни тысяч судов. Даже трудно такое количество представить. В навигацию баржи, теплоходы, буксиры идут, идут день и ночь...

Удивительный памятник

Поводом к нашему путешествию послужила короткая заметка в «Красной газете» о присвоении Тихвинской водной системе имени В. И. Ленина. Теперь имя вождя носит Волго-Балт. В краеведческом музее Вытегры нам рассказали еще об одном удивительном памятнике, увековечившем имя великого вождя.

Начало этой примечательной истории относится к январю 1924 года, когда до маленькой северной деревни близ Вытегры долетела скорбная весть о смерти Владимира Ильича. Тогда и порешили на сходе по-

ставить памятник великому вождю. Но какой, из чего? Где взять подходящий материал? Кто сумеет сделать?

Однажды к секретарю сельской партячейки пришел местный учитель Петр Петрович Петров. Уважали его сельчане, никогда Петрович не сидел без дела: организовал в школе театр, руководил хором, показывал «волшебные» картинки, занимался с неграмотными крестьянами. Решил учитель поделиться своими мыслями с партийным секретарем.

— А что, если посадить нам елочки, да так, чтобы получилось слово ЛЕНИН. Вот и будет наш памятник зеленеть многие годы, еще и нас переживет...

Понравилась эта идея вожаку сельских коммунистов. Вместе они облюбовали участок на крутом косогоре, у реки Андомы. Как только оттаяла земля, приступили к делу. Первыми вышли на посадки вместе с учителем школьники. Сделали предварительно планировку участка, прорыли ограничительные канавки. Через каждые двадцать метров забili колышки и соединили их бечевками. В намеченные лунки посадили молодые деревца и обильно полили их.

Поднялись, зазеленели елочки, сплелись хвойными лапами. Буква за буквой они образовали всем дорогое имя — ЛЕНИН. Парк с той поры стали называть Ленинским, в центре его поставили позже скульптурный бюст Владимира Ильича.

В канун 100-летнего ленинского юбилея снова взялись за лопаты пионеры. Рядом с могучими елями они посадили кусты акации, которые составили цифру «100». Так продолжает жить и зеленеть на берегу Андомы Ленинская роща — неувыдаемый и вечно живой памятник, знак народной любви к Владимиру Ильичу.

Вернувшись из экспедиции, мы привели в порядок все свои записи. Обработанные материалы передали в инспекцию охраны памятников и выступили с отчетом в Географическом обществе СССР при АН СССР.

А практические результаты, как с ними? Сейчас принят целый ряд постановлений по охране памятников культуры, и наше обследование, некоторые рекомендации, мы надеемся, помогут сохранить уникальный памятник отечественной гидротехники — Тихвинскую водную систему, первый географический объект в нашей стране, названный именем Владимира Ильича Ленина.

ПО МАРШРУТУ ЮНОГО ФРУНЗЕ

...Жизнеописание Фрунзе должно быть настольной книгой для воспитания, для подготовки, для закалки большевизма нашей коммунистической молодежи.

М. И. Калинин

На вечерних привалах у костра, когда у ребят еще оставались силы петь, чаще других звучала песня с такими словами: «И уносит ветер с высоты песню в голубеющую даль, и летит она туда, где ты, в горы белоснежные Тянь-Шань». Удивительная горная страна, далекий Тянь-Шань был давней мечтой нашей группы.

Самые смелые экспедиции, самые дальние путешествия всегда начинаются в библиотеках. Кстати, отчеты, карты — первые советчики. Одна из таких книг — «Путешествие по Казахстану» — не только подсказала наш будущий маршрут, но и определила замысел экспедиции, ее идею. Предстоящее путешествие ясно виделось сразу в двух измерениях — в пространстве и во времени... Первое понятно, а как быть со вторым? Мы воспользовались для этого «машиной времени» и сразу перенеслись к началу XX века.

Далекая окраина России

...1903 год, 29 мая. Раннее утро. Солнце едва успело высветить контуры горных хребтов, а ближние и далекие ущелья еще прятались в черных глубоких тенях. Жители города Верного, как в ту пору называлась Алма-Ата, только начали просыпаться. По пустынным улицам городка весело катилась легкая бричка с походным скарбом, а рядом бодро вышагивали друзья-гимназисты. Как им было не радоваться, если два дня назад они успешно закончили седьмой класс и теперь надолго покидали город. Их ждали впереди крутые перевалы, снежные вершины, бурные реки в скалистых теснинах Небесных гор.

Письмо Михаила Фрунзе
гимназическому другу
Косте Суконкину
о своем путешествии
по Тянь-Шаню.

Миша Фрунзе — гимназист.

Застрельщиками такого дальнего и продолжительного путешествия были заядлые охотники, пытливые натуралисты, известные всей гимназии непоседы и любители прогулок, к тому же лучшие ее ученики, Эраст Поярков и Михаил Фрунзе.

Каждое воскресенье неразлучные друзья вместе с одноклассниками уходили в горы. Оставались позади громадные тополя, карагачи, березы. Гимназисты поднимались вверх по знакомым тропам ущелья речки Малая Алмаатинка. Здесь склоны сплошь заросли урюком, бояркой, барбарисом. Что могло быть лучше яркого горного солнца, прозрачного воздуха?

Но гимназисты шли в горы не только ради красот природы, ради песен и печеной картошки, они приносили с собой «запрещенные» книги. Здесь никто не мог помешать им читать произведения авторов — пропагандистов освободительного движения. «Первое знакомство с революционными идеями, — вспоминал в зрелом возрасте М. В. Фрунзе, — я получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования».

Многое связывало Михаила и Эраста: они родились и выросли в уездном городке Туркестанского края Пишпекке. Ныне — это город Фрунзе, столица Киргизской ССР. Отцы ребят — доктор Поярков и фельдшер Фрунзе — жили рядом и вместе врачевали, сначала в переселенческой больнице, а затем в аптеке-амбулатории. После окончания в Пишпекке двухклассного мужского училища родители отправили сыновей учиться дальше в гимназию. Для этого мальчикам пришлось переехать в город Верный, центр Семиреченской области. Это была

далекая Россия. Почта из Петербурга или Москвы приходила сюда не раньше чем через месяц.

В самых отдаленных углах России трудились на благо народа, на благо общества талантливые и пытливые люди. Таким незаурядным человеком был Федор Владимирович Поярков, отец Эраста. В начале века он переехал из Пишпека в Верный и кроме своих обширных врачебных обязанностей возглавил Семиреченский отдел Русского географического общества.

Географическое общество выделяло этому отделу небольшие средства на изучение огромной территории Семиречья. Добровольцев-исследователей, желающих отправиться в путь ради географической науки, не находилось. Федор Владимирович знал о давней и заветной мечте сына и его друга Миши Фрунзе совершить далекое путешествие. Теперь представился такой случай. Тогда и задумал он организовать настоящую научную экспедицию по Тянь-Шаню силами гимназистов. Не сразу, наверное, решился Поярков отпустить ребят одних в тысячекилометровый путь, полный неожиданностей и опасностей. Им предстояло пройти горными тропами и перевалами, собрать гербарий, коллекцию насекомых, а потом составить научный отчет.

Спустя тридцать три года Эраст Поярков, теперь уже Эраст Федорович, поделился своими юношескими воспоминаниями с племянником прославленного полководца, Михаилом Константиновичем Фрунзе. Вот как он начал свой рассказ:

«Мы выступили из Верного 29 мая 1903 года... Дул свежий ветерок, сияло солнце. Когда вышли за город, Миша больше всех

обрадовался: претворялась в жизнь давнишняя мечта о настоящем путешествии.

На ночь останавливались в караван-сараях, представлявших собою огороженный дувалом двор под открытым небом с домом-гостиницей, сараями и привязями для лошадей.

Всю дорогу Миша не расставался с ружьем. Шел впереди всех, изредка уходил в сторону от дороги, чтобы пострелять куропаток. Из них мы готовили вкусный суп. Утром 31 мая свернули с почтового тракта на дорогу к Кастекскому перевалу. Прошли верст двенадцать до небольшой речки Узгун-Агач. Здесь возле юрт киргизов сделали привал... Отправившись на охоту, Михаил на этот раз вернулся раньше всех. Пока готовилась дичь, стал петь свою любимую песню «Хаз-Булат удалой...». Знал и другие! «Мой костер в тумане светит...», «Я люблю ночной порой...», «Среди долины ровныя...» У Миши был звонкий голос.

В фондах Шуйского государственного мемориального музея имени М. В. Фрунзе хранится подлинное письмо Миши Фрунзе, написанное 30 декабря 1903 года гимназическому другу Косте Суконкину, переехавшему жить и учиться в Семипалатинск. Главный хранитель фондов музея, Анатолий Павлович Воронин, любезно переслал нам фотокопию этого письма. На трех страницах — краткий отчет товарищу о недавнем путешествии, где переданы впечатления о виденном и пережитом:

«Дорогой дружище Костя! Извини, что я так долго не писал тебе, совсем не было времени. Хотя, собственно, и немного его нужно, но знаешь, как-то тяжело взяться за перо, все откладываешь, да откладываешь на завтрашний день и так день за днем.

...Каникулы, что за веселое время-то было!!! Мы объехали, во-первых, громадное пространство, были в Пржевальске, объехали кругом озеро Иссык-Куль, затем перевалили Тянь-Шань... оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали в Сонкуль, тоже озеро раза в три меньше Иссык-Куля, с Сонкуля на долину Джумгал, с Джумгала на Сусамыр, с Сусамыра в Фергану к Андижану, не доехав немного до Андижана повернули в обратный путь. Ты, может быть, удивишься, что я пишу все объехали, между тем, как мы отправились пешком, но именно ехали верхом на переменных.

В заключение несколько цифр. Мы проехали около трех тысяч верст: ехали 68 дней, сделали 16 перевалов, в том числе 9 снеговых. Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1200 листов растений, 300 насекомых; при этом заметь, что растения собирал я один, а насекомых Аранович и Эраст. Коллекции мы уже отправили в Географическое Импер. общество и Ботанический сад. А что за местности-то мы видели, одна прелесть!.. Видел много волков, архаров, кабанов и всяких козлов. Вообще я очень доволен тем, как провел каникулы... Твой друг М. Фрунзе».

А вот как оценивал Эраст Федорович Поярков участие Фрунзе в их совместном путешествии:

«И вообще он был молодец. На всем пути следования к озеру Иссык-Куль и обратно наше благополучие было следствием догадливости и смекалки Михаила. И это не преувеличение: маршрут составлял и импровизировал на ходу его только он. Михаил хорошо

ориентировался по карте и на открытой местности и даже в такой глуши, как Сусамыр и Джумгал. Знание местного языка давало ему возможность уточнить маршрут у киргизов. Он лучше всех знал географию края и в этом пользовался нашим полным доверием».

Время действия — наши дни

Узнав о путешествии Фрунзе, мы зажглись идеей не просто отправиться на Тянь-Шань, а непременно пройти путями верненских гимназистов. Просмотрели много книг о жизни Михаила Васильевича Фрунзе. В библиотеке Географического общества СССР попросили подобрать официальные отчеты экспедиции начала века.

Оказалось, что в том же 1903 году в Семиречье работали еще две научные экспедиции Географического общества. Одной руководил уже тогда известный ученый, в будущем академик и президент Географического общества, Лев Семенович Берг. Другую возглавлял главный ботаник Санкт-Петербургского Ботанического сада Владимир Ипполитович Липский. В его капитальном труде о флоре Средней Азии, в той части, где дается перечень и характеристика ботанических коллекций, мы нашли объективное описание и оценку научных результатов экспедиции верненских гимназистов. В. И. Липский указал маршрут и график движения группы, что для нас оказалось особенно ценным. В заключение ученый написал: «Поярков Эраст Федорович (воспитанник 8 класса Верненской гимназии), вместе с товарищами М. Фрунзе и С. Арановичем в 1903 году совершили путешествие из Верного с целью собрать ботанические и зоологические коллекции. Они выступили в конце мая, прошли к западу, перешли перевал Кастек, спустились к северному берегу Иссык-Куля, прошли на Сырты и спустились в укрепление Нарын, отсюда пошли на озеро Сон-Куль. Количество собранных растений 800 (видов около 700). Коллекция подарена Императорскому Ботаническому саду. При растениях — печатные ярлыки и различные заметки, подробные указания местонахождения, употребления растений, местные названия и т.п.»

С первых шагов подготовки будущей экспедиции решено было, что и мы, как Миша Фрунзе, обязательно соберем гербарий. Так появились в нашей группе специалисты-ботаники во главе с признанным авторитетом в этой области, неоднократно победителем биологических олимпиад Наташей Денегиной. В помощники ей определили ребят из клуба юных биологов — Серезу Дроздика и Женю Григорьева.

В один из весенних дней «заинтересованные лица» отправились на Аптекарский остров, где раскинулся известный всему миру ровесник города на Неве — Ботанический сад. Здесь же находится Ботанический институт Академии наук. После короткой беседы в дирекции нас провели в хранилище. Это огромное помещение, похожее на библиотеку, только вместо книг на широких стеллажных полках лежат коробки. Тысячи и тысячи коробок.

Нам представлялось, как по нашей просьбе найдут и откроют коробку, где сохранилась коллекция, собранная Мишей Фрунзе. Оказалось, мы не знали самого главного. Все растения, поступающие от

экспедиции, сразу систематизируются и раскладываются по видам. Так нужно для научных исследований.

Огорчились мы ужасно, просто руки опустились. Ведь шли сюда с такой надеждой. Сотрудники хранилища постарались помочь нам. Вроде как искали иголку в сене. Они открывали перед нами коробку за коробкой с наиболее распространенными гербариями растений Средней Азии. Среди них и находились те самые гербарные листья, которые мы так стремились увидеть: мятлик, альпийский мак, белый анемон, желтая купальница. Эти хрупкие от времени растения собрал, высушил и сохранил гимназист Миша Фрунзе. Ученые-ботаники высоко оценили его работу, это видно из отзыва, отправленного в город Верный: «Ваша коллекция весьма ценная, включена в ботанический фонд университета и академии. Продолжайте работать по этой линии...»

Любовь к естественным наукам была семейной традицией фельдшера Василия Фрунзе. Брат Константин и сестры Клавдия, Людмила и Лидия унаследовали профессию отца — пошли по медицинской части. Только Михаил избрал для себя другой путь...

Кроме ботанической еще пять групп нашего будущего отряда готовились к экспедиции. Чем же они занимались? Штурманская — разрабатывала варианты маршрута, копировала карты и схемы района путешествия. Группа снаряжения — им досталось труднее всех. На старых «зингеровских» швейных машинках, сохранившихся в семьях с далеких довоенных времен, мальчишки шили палатки и тенты-накидки к ним. Девочки кроили, красили и шили из легкого материала единую форму — ярко-оранжевые куртки-анораки.

Хозяйственники приводили в порядок туристские примуса «Шмель», маркировали капроновые веревки и готовили тару для упаковки снаряжения и продуктов. Группа географов подбирала литературу, делала выписки из толстых и тонких книг, связывалась с научными учреждениями не только в Ленинграде, но в Алма-Ате и Фрунзе. Медики подобрали и упаковали аптечку, следили за общефизической подготовкой участников. Группа начпрода составляла походное меню, занималась раскладкой и упаковкой продуктов. Короче говоря, забот хватало всем и во многих случаях приходилось совмещать профессии.

Чрезвычайно сложной оказалась проблема выбора окончательного варианта маршрута. Хотя, казалось бы, путь Миши Фрунзе с друзьями мы изучили досконально. Чего голову ломать? Но ведь верненские гимназисты большую часть ехали верхом, а в начале пути их груз находился в повозке. Нам предстояло подниматься на перевалы пешком с рюкзаками за спиной. Да и двух с лишним месяцев в нашем распоряжении не было.

Обратились за советами в Алма-Ату и во Фрунзе. Старейшая альпинистка Казахстана, автор многих книг о походах и восхождениях в горах Тянь-Шаня, Вера Ивановна Степанова помогла уточнить наиболее целесообразный вариант маршрута с учетом безопасности движения в горах. Один из руководителей детского туризма в Казахстане, Тукеш Кабалович Жиздыбаев, обещал всяческую поддержку. Важные для уточнения будущего маршрута сведения сообщила нам заведующая научным отделом Мемориального дома-музея М. В. Фрунзе в городе Фрунзе Людмила Васильевна Кулишева. Сотрудники музея

одобрили намерение юных ленинградцев, но предупредили: «Маршрут сложный, много снежных перевалов, и для этого похода надо подбирать ребят опытных, здоровых, закаленных...»

В конце концов после долгого сидения над картами, с учетом всех добрых советов, наших скромных возможностей при огромном желании непременно объять необъятное красный пунктир карандаша обозначил будущий маршрут. Составили и график. Первая неделя — знакомство с Алма-Атой, где жил и учился гимназист Миша Фрунзе. Затем поход в отрогах Заилийского Алатау. Именно сюда, в эти ущелья и долины, любили приходить верненские гимназисты. А нам предстояло в эту неделю проверить готовность к более сложным переходам и, как говорят опытные горвосходители, акклиматизироваться, привыкнуть к высоте.

Основную часть маршрута решили начать с перевала Проходного, или Алматы. Выбрали его как наиболее интересный и сложный из двух

перевалов Заилийского Алатау, пройденных группой Пояркова — Фрунзе. Далее собирались идти по пути верненских гимназистов через перевал Тору-Айгыр к Иссык-Кулю. Обогнув озеро с севера, планировали попасть в Пржевальск. По ущельям и отрогам Терской-Алатау наместили идти маршрутом Фрунзе. В общей сложности пешком набралось около трехсот километров.

Если в 1903 году группу гимназистов направил Семиреченский отдел Русского географического общества, то наш экспедиционный отряд удостоился чести получить задание от президиума Географического общества СССР при АН СССР. История и традиции Географического общества неразрывны. Лаконичные формулировки определили наши задачи: повторить маршрут юного Фрунзе, собрать аналогичный гербарий, проследить и отметить те социальные изменения, которые произошли в Средней Азии за годы Советской власти.

Сорок один день продолжалась наша экспедиция. Какими событиями наполнились эти дни, что примечательного встретилось в пути? Об этом рассказывает официальный отчет — 87 страниц, не считая фотографий и приложений, — который мы представили в Географическое общество СССР при АН СССР. Некоторые страницы этого дневника расскажут о наиболее памятных эпизодах похода.

Страницы походного дневника

Наконец-то после долгих сборов мы уезжаем. Последние прощания на вокзале. Состав медленно трогается, и перрон вместе с нашими родителями остается позади. Пообещав писать каждый день утром и вечером и не ходить в горах по одному, чтобы не свалиться куда-нибудь, мы уезжаем от наших пап и мам. Как встретит нас далекая горная страна? Сможем ли мы выдержать тяготы пути, не подведем ли товарищей? Как хочется поскорей увидеть хребты и ледники Тянь-Шаня!

В восемь рук дошивается один из двух тентов для палаток. Как всегда, не хватило одного дня. Вчера днем переехали Волгу, а вечером наблюдали из окон удивительный закат: плоский круг темно-малинового солнца висел над ровной и бесконечной степью. Проснувшись сегодня утром, поняли, что едем через пустыню. На маленьких станциях к самым вагонам подходят верблюды. Вдали, у самого горизонта, заметили озеро. Интересно, настоящее оно или мираж?

...Первый выход в горы. Отроги Заилийского Алатау. Высота около 3000 метров. Тропа, петляя по склону, ведет все выше и выше. Сначала бодрились, шутили, хорохорились, но постепенно, с набором высоты, состояние духа и тела у некоторых заметно менялось. Ребята все чаще прикладывают к лицу носовой платок, и он покрывается алыми пятнами. Даже из носа нашего главного медика Наташи Курышевой идет кровь. Помогает перекись водорода и холодный компресс. Все движения замедлены. Чаще делаем короткие остановки — через 20, 15, 10 минут подъема. Последний ручеек остался далеко позади. Здесь только солнце и камни. Как награда — глоток воды из фляги и таблетка глюкозы.

Вот и гребень хребта, перевалив его, спускаемся в ущелье, где весенняя снежная лавина перегородила ручей. Сейчас остатки этой «белой смерти» вполне безобидны и можно играть в снежки. С дальних вершин приплыли тучи — закапал крупный дождь. Палатки растянули под кронами разлапистых тянь-шаньских елей. Первая ночевка в горах. Настроение бодрое — ну как тут не запеть!

За неделю успели приспособиться к условиям жизни в горах, привыкнуть к высоте и даже познакомиться с достопримечательностями Алма-Аты. Конечно, в первую очередь посмотрели бывшее здание гимназии, где учился юный Михаил Фрунзе. Пора отправляться дальше, на основной маршрут, в самое сердце Тянь-Шаня.

Сегодня воскресный день, вроде выходной, а подъем, как нарочно, в три часа ночи. Черное звездное небо над урюковой рощей — такого видеть не приходилось. Темнота незаметно уступает место серым сумеркам. Впереди вырисовываются неясные громады гор. Румянятся и блестят далекие снежные пики. Мы идем, любуясь всей этой красотой. Она рождается на наших глазах.

Тропа забирается по склону долины речки Большая Алмаатинка. Речушка тихая, безобидная, мы даже не слышим шума бегущего потока. Внизу — домики пионерского лагеря, палатки.

По возвращении в Ленинград мы узнали, что ровно через месяц, в один из жарких дней, долина превратилась в кромешный ад — жестокий, гибельный сель обрушился на всю эту красоту, обдирая скалы, пласты земли вместе с камнем, кустами и деревьями. Этот грязевой поток снес строения, попавшиеся на его пути, он мчался с ошеломляющей скоростью и сметал все. Тропы, по которой мы в то чудесное утро шли, больше не существует. Нам прислали в Ленинград цветной слайд, отснятый в сентябре. Трудно было узнать знакомые места. Даже страшно подумать, что было бы с нами, если...

Выходим к санаторию «Алмаарасан». Домики разбросаны по склону. Здешние лечебные источники известны с давних времен. Вполне возможно, что Фрунзе с друзьями, благополучно миновав последний на их многодневном пути перевал, решили освежиться в одном из целебных серно-кислых ключей, расположенных вдоль реки. И сейчас под скалой виден выложенный из камней бассейн, куда стекают воды источника.

Привал в узком скалистом ущелье. Внизу грохочет водопад. Вот-вот мы достигнем высшей точки перевала Проходного. Эраст Федорович Поярков, вспоминая о путешествии, рассказывал об этом месте так: «Это очень трудный перевал не только из-за высоты, но и из-за беспорядочного нагромождения скал с мелкими озерами между ними». Действительно, дают себя чувствовать высота и нелегкие «каменные» километры перевала. Накапливается усталость.

Мы часто ходим в походы с бывшими учениками нашего руководителя, теперь все они взрослые люди. Как-то один из них, Евгений Михайлович Предко, рассказывал, что в походе по Западным Саянам они засыпали даже на десятиминутных привалах. Тогда нам казалось это неправдоподобным. И вот теперь убедились сами. Едва успеваем опуститься на землю и облокотиться на рюкзак, мгновенно засыпаем. Через десять минут нас поднимает клич: «По коням!». Встаем, разминаясь и снова в путь, вперед и вверх!

Каждый день ранний подъем — в 5—6 утра. Такой режим необходим в горах. Успеваем пройти до наступления темноты 20—25 километров. А за плечами в рюкзаках кроме личных вещей и общественного снаряжения двухнедельный запас продуктов. Лямки врезаются в плечи.

Непривычно все — реки, горы, камни, цветы, которые собирают наши ботаники. Непривычно даже время — другой часовой пояс, разница в три часа. Мы сами, кажется, другие...

Второй день плохо себя чувствует Марина Борисова. Жалуется на головокружение, слабость. Накануне на коротком привале у нее укатился по склону рюкзак. Еле нашли. Сначала думали — простая случайность, а это болезнь, потеряла контроль. Солнце с самого утра жжет отчаянно. На многие километры нет даже намека на тень. В минуты отдыха девочки сооружают над Мариной шатер, обмахивают платками, а мальчики приносят воду. Долина реки Чон-Кемин, по которой сегодня лежит наш путь, плоское корыто. Долина выжжена солнцем, вытоптана скотом до мелкой пыли. Она более чем на 100 километров протянулась с востока на запад между Заилийским Алатау и хребтом Кунгей-Алатау.

Что делать с Мариной? Положение критическое! У нее сильный жар, температура около 40°! Трудно сказать, какое окончательное решение приняли бы в этой отчаянной ситуации, но нам невероятно повезло. Если считать везением регулярный объезд врачом районной больницы высокогорных чабанских пастбищ. Такого во времена Фрунзе не могло быть.

На леднике Арчатор.

«Ангина у вашей подруги, — заявил доктор после осмотра, — да еще в тяжелой форме». Он посадил Марину к себе в вездеход и повез в больницу.

Этот день запомнился еще и тем, что шли по изнуряющей жаре почти десять часов. Мы решили во что бы то ни стало добраться до зеленого оазиса в ущелье Джинды-су. Нас влекут к себе не только тень и прохлада. По этому ущелью наметили радиальный выход к верховьям Бешеного потока, как переводится с киргизского название реки. Ледовая стена Чоткал замыкает долину. Один из ледников носит имя Пояркова. Он так назван в честь Эраста — руководителя группы верненских гимназистов. Завтра мы подойдем вплотную к леднику, сфотографируем его и соберем растения, которыми богата долина Джинды-су.

Невольно поверишь в легенды и сказки народов Востока, когда вдруг увидишь посреди пустынной долины Чон-Кемин праздничные шатры юрт, многоцветье незнакомых одежд, музыку, людской говор. Что это такое? Традиционный праздник. Так каждый год отмечается труд чабанов. Нас пригласили участвовать в этом празднике, угощают кумысом, пловом, лепешками. Принимают как родных. Еще бы, ведь мы из Ленинграда. Мы дорогие гости.

Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР награждает лучших чабанов. Выступили артисты. Но конечно, для нас самое интересное — национальные игры: «кызумай» — догони девушку, «одарыш» — стяни с лошади, «крош» — борьба. Наши фотографы сбились с ног, стараясь везде успеть.

Через бурную реку Чон-Кемин.

Когда путешествуешь по нашей стране, всегда удивляешься, как тесно связаны прошлое с настоящим, далекое с близким.

Прощай, долина реки Чон-Кемин! Мы поднимаемся по склону хребта Кунгей-Алатау к высокогорному озеру Кель-Тор. Такие зеленые уголки как будто специально предназначены для отдыха. После короткой дневки мы начнем отсюда восхождение к перевалу Торун-Айгыр. Название его связано с легендой.

В этих местах жил совсем бедный киргиз. Ничего у него не было. И вот однажды он подобрал больного заморыша-жеребенка. Бросили его — кому такой нужен? Выходил бедняк жеребенка. Всем на удивление вырос красавец гнедой. Богач сосед отобрал приглянувшегося ему коня и увез за Иссык-Куль, где паслись у него стада. Метался гнедой по загону, тосковал, а потом перепрыгнул через ограду и — к озеру. Остановился на минуту перед Иссык-Кулем, втянул ноздрями ему одному знакомые запахи, принесенные ветрами с родной стороны, и поплыл. Добрался до противоположного берега, устал, но отдыхать не стал. Он видел горы, высокий перевал, который отделял его от старого хозяина. Так и вернулся гнедой к бедняку киргизу. С той поры за верность и дружбу животного к человеку стали называть этот перевал в народе Торун-Айгыр, что значит по-русски — гнедой жеребенок.

При подъеме к перевалу нам не удалось встретить жеребенка, но возле одинокой юрты чабана на зеленой полянке познакомились с симпатичным длинноногим верблюжонком. Он совсем не испугался протянутых к нему рук и даже разрешил сфотографироваться с ним на память. Мальчишки предложили переименовать перевал в его честь, в шутку назвать «гнедой верблюжонок», но так и не удалось узнать, как это будет по-киргизски.

Перевал Торун-Айгыр встретил нас сильным порывистым ветром. Спрятались от него за выветренными ноздреватыми скалами. С перевального гребня хорошо видно, как там, внизу, мелкие ручейки и речки бегут, сливаясь, продолжая путь к Иссык-Кулю. Нам тоже туда.

Целый день ветер гнал с озера тучи, а к вечеру обрушился бешеный ливень. Пока спускались вниз, вымокли до нитки, да еще резко похолодало. Хорошо, заметили на склоне одинокий дощатый сарай, размером три метра на три. В нем все и разместились. Как? Шестнадцать ребят сидели и лежали вплотную, обогревая друг друга. Еще трое разместились в палатке-серебрянке. Между сараем и палаткой разожгли с трудом примус «Шмель», поставили чай. Стали ждать, задремали. А капризный примус, разбрызгивая бензин, возьми и вспыхни метровым пламенем. Трудно сказать, чем бы эта история кончилась, если бы не Андрей Бахвалов. Он первый спохватился и накрыл бушующий примус своей штормовкой. Утих огонь. Правда, от Андрюшиной штормовки одни лишь металлические пуговицы остались.

Утром снова чистое небо и палящее солнце. Вторые сутки Иссык-Куль манит сказочной голубизной. Вот оно, озеро, кажется совсем близко, а все никак не дойти. Уж не мираж ли?

Под ногами и вокруг — камень да песок. Укрыться негде. Причудливые красные песчаники. Недалеко хребет назван Кунгей-Алатау. «Кунгей» в переводе означает «солнцепек». Точное определение. Вот так же, как и мы, проходил этим выжженным ущельем Фрунзе с товарищами. Вряд ли что могло здесь измениться.

Невероятно обрадовались, когда встретили первые кустарники, хоть и с длинными жесткими иголками. Дежурная группа ухитряется развести костер и приготовить обед. Ботаники занялись гербарием. Колочки зажимают в пресс, разрезав их предварительно пополам. Гербарных листов в специальных рамках с металлическими сетками набралось больше ста. Здесь и альпийский мак, и легендарный цветок эдельвейс.

К вечеру пришли на туристскую базу «Улан», что стоит на самом берегу Иссык-Куля. Завтра мы отправимся в село Торун-Айгыр, там расположено правление совхоза имени М. В. Фрунзе. Мы запишем историю его создания, биографии его тружеников.

Как же прошел этот участок Миша Фрунзе с товарищами? Об этом вспоминает Эраст Федорович Поярков:

«9 июня мы выехали из Чон-Кемина, перевалили Кунгей-Алатау и оказались у озера Иссык-Куль. Такой массы воды до этого никто из нас не видел. Озеро мерцало, струилось, искрилось, словно освещаемое загадочными светильниками.

Горное солнце жгло затылок и шею. Пришитые сзади к фуражкам носовые платки мало помогали, но зато придавали нам вид настоящих путешественников. Подобный наряд мы видели на картинках в географических книгах. Нам, мальчикам, это льстило. На берегу озера сделали привал...»

Озеро Иссык-Куль справедливо называют жемчужиной Средней Азии. Известный путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский сравнивал озеро с драгоценным аквамаринном, отмечал его грандиозность, сапфировый цвет поверхности.

В киргизской народной песне есть такие строки, их приводит в своем переводе Чингиз Айтматов:

Тянь-Шань похож на спящего верблюда,
А среди хребтов горбатых в их кольце,
Сверкает Иссык-Куль — живое чудо,
Как родинка на девичьем лице...

Хорошо на Иссык-Куле, спору нет, но мы торопились дальше, в Пржевальск. Десять дней провели верненские гимназисты в ущельях гор Терской-Алатау. Они собирали коллекции насекомых, растений в долинах рек Ак-Су, Каракол, Джеты-Огуз, Чон-Кызыл-Су. Идем по их следам.

Первым делом, приехав в город, поклонились могиле и памятнику великого русского путешественника Н. М. Пржевальского. 20 октября 1888 года его провозжали в последний путь от гарнизонного лазарета до крутого берега Иссык-Куля...

Сумрак сгустился над ущельем Чон-Кызыл-Су. Наши палатки тесной стайкой примостились под деревьями на берегу Большой Красной реки, как переводится ее название с киргизского. Река после нашего пребывания стала еще чуть-чуть краснее. Дежурные поставили у самого края воды остужать кисель, и кастрюлю смыло потоком. Пришлось срочно кипятить чай.

Этот участок долины — небольшую поляну с тремя домиками — называют ФГС — Физико-географическая станция Академии наук Киргизской ССР.

Вечером к нашему костру пришел руководитель ФГС, кандидат географических наук Анатолий Никитич Диких. Группа киргизских гляциологов занимается здесь изучением ледников. На Тянь-Шане, как подсчитали ученые, их 7763! Ледяные гиганты — огромные хранилища пресной воды. Они живут: пульсируют, изменяются. Только успевай следить за ними. Анатолий Никитич и его товарищи выполняют часть огромной международной программы. Они составляют карты для «Атласа снежно-ледовых ресурсов мира».

...Уже несколько часов поднимаемся крутой тропой по склону ущелья. Впереди самый высокий в нашем путешествии перевал. Его седловина хорошо видна на голубом фоне неба. Самым неприятным оказался для нас последний подъем к перевалу. Под ногами мелкий битый сланец. Будто здесь пороботала камнедробилка. Не найти опоры, все в движении. Как получается — шаг вперед, два шага назад. Редкие выходы скал — островки для коротких передышек. Каких-нибудь 300 метров преодолеваем за полтора часа.

Троекратное «ура!» Большое голубое полотнище — флаг нашей экспедиции бьется над зубчатым гребнем перевала Арча-Тор. Высота 4000 метров. Дежурные готовят заслуженное лакомство — мороженое из сгущенного молока и снега. Долго задерживаться здесь нельзя, скоро начнет темнеть. Спускаемся краем снежного карниза на язык ледника. Ледорубами вырубам ступеньки, иначе ботинки скользят, как на катке. Первая остановка у больших камней, и снова быстрее вниз, к виднеющимся зарослям арчи. Торопимся до ночи успеть спуститься к реке Джеты-Огуз и там поставить лагерь... В этот рекордный день

У памятника
Н. М. Пржевальскому.

были на маршруте двенадцать часов, а ребята вроде и не устали. В палатках долго слышны возня, смех, песни...

Сегодня «ботаническая тройка» в последний раз отправилась на охоту за растениями. Они не только собирают гербарий, но и ведут подробные описания в полевом дневнике. Трудно передать, сколько у них возни с цветками, корешками и листочками. Почти высушенные гербарные листы обязательно попадают под дождь. Тогда начинай сушить сначала: вынимай из пресса, раскладывай на полянке и жди, когда ветер и солнце сделают свое дело. А ведь можно и пересушить цветок ярко-синего колокольчика, горечавки или венчик снежной примулы, крупные желтые и фиолетовые фиалки, лютики, анемоны, мохнатые сосюреи, удивительные подушкообразные дриады.

Как вспоминал Эраст Федорович Поярков, у верненских гимназистов были похожие заботы с гербарием: «При проверке коллекций Михаил (Фрунзе) обнаружил, что они находятся в плачевном состоянии. Мы часто попадали под дождь, растения плохо высушались и поэтому плесневели. В дальнейшем Михаил стал чаще менять бумагу, которую прокладывал растения для просушки, проветривал и просушивал их у костра. А порча собранных растений произошла еще и потому, что наши обязанности в экспедиции не были четко разграничены. С этого момента Михаил взял ответственность за сохранность растений на себя».

Наши «специалисты» кроме сбора и сушки растений делают подробные описания растительных сообществ, указывают географическое положение, особенности рельефа и микрорельефа, размеры

Перевал взят.

описываемого участка, составляют таблицы с названием встречающихся растений, их обилия, степени покрытия и фазы. Таких задач перед Фрунзе и его товарищами не стояло. Они этого и не знали. Наташа Денегина — строгий научный руководитель, своим помощникам спуску не дает и требует все делать тщательно и по полной форме.

Неповторимое место — долина Джеты-Огуз. Сверкающая ледяная стена замыкает ущелье в верховьях. Там из сотен хрустальных потоков и рождается река.

В широкой пойме спокойное журчание, яркая зелень высокотравья. Вокруг тихо, умиротворенно. И вдруг вода, встречая на пути скальный массив, собирается в один узкий поток и пробивает камень, образуя узкий каньон. Еще дальше, в низовьях теснины не выдержали напора реки и отступили. На левом берегу четким силуэтом выделяется причудливая красноватая стена, разорванная вертикальными трещинами. Это знаменитые «Семь быков», или «Джеты-Огуз», по имени которых и названы река и ущелье.

Название «Джеты-Огуз» восходит к старинной легенде. Давным-давно жили три брата и все вместе пасли скот. Однажды случилась беда: пропало из стада семеро телят. Прошли годы, и вернулись в родную долину семь красавцев быков. Заспорили братья: кому должны достаться быки, за ножи схватились. Увидел старик-волшебник, что не миновать беды, стукнул палочкой о землю, и в тот же миг семь быков превратились в семь скал. А где кровь успела пролиться, ударили родники, окрасив все вокруг в красный цвет. Забили горячие ключи. Братья омыли раны и исцелились. Ветер и птицы разнесли по Прииссыккулью эту добрую весть.

С древних времен знали кочевники о целебных свойствах воды. Из европейцев одним из первых пришел сюда П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Это было в 1857 году. Подробную карту этих мест составил исследователь В. В. Северцев в 1902 году, а Фрунзе с товарищами были у источников в конце июня 1903 года. В наши дни курорт знаменит не только в Киргизии, сюда приезжают лечиться со всех концов страны. У Джеты-Огуза большое будущее.

Мы прощаемся с горами Тянь-Шаня, утолив жажду «живой водой» из источников. Еще предстоит вернуться в Пржевальск и оттуда, обогнув Иссык-Куль, теперь южным берегом, закончить путешествие в городе Фрунзе.

Каждый конец есть только начало

Столица Советской Киргизии — Фрунзе — большой и современный город. В центральной его части, где белокаменные здания утопают в зелени парков, сохранился удивительный дом — глинобитные стены венчает камышовая крыша. Он отпраздновал свое столетие. В 1879 году этот дом построил пишпекский фельдшер Василий Михайлович Фрунзе. Через шесть лет в его стенах родился Миша Фрунзе, тут прошли его детские годы.

Теперь дом с улицы не виден. Он, как ядро ореха, заключен внутри трехэтажного здания Мемориального музея М. В. Фрунзе. Сотрудники музея ждали нас. Мы договорились, что придем сразу после окончания путешествия. В отделе фондов нам приготовили фотографии, документы детской и гимназической поры М. В. Фрунзе. Прошли в залы музея: от витрины к витрине, от стенда к стенду. Удивительно яркой, полной борьбы, поражений и побед предстала перед нами жизнь революционера-ленинца, легендарного полководца славных времен гражданской войны, одного из первых организаторов Красной Армии.

Пятнадцать лет спустя, после отъезда из Верного, вернулся Михаил Васильевич в родные края. Это были напряженные дни августа 1919 года, когда он вступил в командование Туркестанским фронтом. С боями освобождали от врагов села и города части Красной Армии, ремонтировали и восстанавливали железную дорогу, соединявшую Среднюю Азию с центром страны.

Почетное место в витрине занимает подписанный В. И. Лениным мандат М. В. Фрунзе, члена комиссии ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана. Как член комиссии Михаил Васильевич сыграл выдающуюся роль в сплочении этой обширной многонациональной окраины России, в укреплении уз братства и дружбы с великим русским народом.

Осмотрели весь музей. Снова вернулись к началу экспозиции, где рассказывается о детстве и юности Михаила Васильевича. Долго стояли у рельефного макета карты Тянь-Шаня с красной ниточкой маршрута путешествия Миши Фрунзе летом 1903 года. Знакомые названия

Памятник М. В. Фрунзе
в Алма-Ате.

долин, перевалов, ущелий... Смотрим на карту совсем иными глазами, чем любой из экскурсантов, посетивших музей.

Этот мир гор сейчас такой же: каменистые осыпи, переменчивый цвет высокогорных речек, заросли вековой арчи на склонах. А какой простор открывался с перевалов!

Биография Михаила Васильевича Фрунзе начала складываться в детстве, в юношеские годы. И конечно, двухмесячное путешествие по Тянь-Шаню, где порой приходилось трудно и даже опасно, закаляли волю юноши, приучили его к выносливости, к решительности в самых напряженных, крайних ситуациях. Настоящие горы всегда экзаменуют человека...

Воспоминания Эраста Федоровича Пояркова подтвердили наши предположения: «Казалось бы, путешествие по родному краю всего лишь эпизод из жизни гимназиста М. В. Фрунзе. Но за этим фактом стоит многое. Знание географии края, местного языка, практика ориентировки по карте, физическая закалка в юности помогли в дальнейшем Михаилу Васильевичу Фрунзе как полководцу».

...

В заключение несколько слов об итогах нашей экспедиции. Мы сделали сообщение о путешествии в лектории им. Ю. М. Шокальского в Географическом обществе СССР при АН СССР. Президиум общества наградил командира отряда — Андрея Бахвалова, главного ботаника — Наташу Денегину и летописца — Наташу Темову памятной медалью П. П. Семенова-Тян-Шанского. Собранный и обработанный гербарий мы передали на хранение в Ботанический сад АН СССР. Наши листы с растениями поместят в коробки вместе с листами гербария, собранного Фрунзе. Часть коллекции и полный отчет о путешествии мы отправили в Мемориальный музей М. В. Фрунзе в городе Фрунзе. Дирекция музея поблагодарила за присланный материал и сообщила, что экспонаты юных ленинградцев войдут в основной фонд и в экспозицию музея.

Закончу рассказ о путешествии через перевалы Тянь-Шаня словами замечательного русского художника и неутомимого путешественника Николая Константиновича Рериха. Обращаясь к молодым, он говорил: «Не только на лекциях в тепле натопленной аудитории, но на студеных глетчерах создается мощь работы материи, и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то еще более значительного и прекрасного».

Как справедлива эта мысль и для сил природы, и для силы человеческого духа: «...каждый конец есть только начало чего-то еще более значительного и прекрасного»!

Хорошо, скажете вы, мысль Н. К. Рериха действительно красивая, яркая, — но какое отношение это имеет к ребятам, участникам экспедиции по Тянь-Шаню? Отвечу: самое непосредственное. Сегодня, спустя почти десятилетие, можно твердо сказать, что Тянь-Шань положил начало их устремленности к высоте, заразил «горной болезнью». Почти все они твердо убеждены, что «лучше гор могут быть только горы».

Сначала об Андрее Бахвалове, нашем командире отряда. После десятого класса он закончил профессионально-техническое училище и теперь работает токарем-универсалом. Андрей изготавливает на своем

станке специальное альпинистское снаряжение и сам же старается испытать его в горах. Часто он идет в одной связке с Андреем Барановым.

Андрей Баранов — инженер-энергетик, работает в Эрмитаже, и не случайно. Он знает и любит русское и западное искусство. В воинском подразделении, где Андрей проходил службу, на его лекции с диaposитивами о сокровищах Эрмитажа собиравались сотни человек. Каждое лето Андрей Баранов уезжает в горы, выполнил уже второй разряд по альпинизму. Однажды на восхождении он познакомился с девушкой, будущим детским врачом. Вскоре Алла, так зовут девушку, стала его женой.

Женя Григорьев, один из тройки группы ботаников. Ему довелось проходить воинскую службу в Афганистане, выполняя интернациональный долг. На горных тропах и перевалах Женя чувствовал себя достаточно уверенно, четко ориентируясь в обстановке. Вернувшись в Ленинград, Григорьев стал работать верхолазом на строительстве высотных сооружений. Нужно ли объяснять, что эта профессия требует от человека изрядного мужества, ловкости, смелости.

Назову еще участников экспедиции, не останавливаясь подробно на каждом. Дима Чижевский, Игорь Аронов, Валера Михеенков, Наташа Темова — все они сдружились с горами, совершая зимние и летние маршруты. В праздничные и выходные дни их можно встретить на выборгских или приозерских скалах. Самый младший из участников экспедиции — Володя Камочкин недавно закончил Педагогический институт и теперь сам водит школьников в походы.

Еще раз, возвращаясь к высказыванию Николая Рериха, можно определенно сказать, что окончание экспедиции, а точнее, участие в ней послужило для многих ребят началом их будущей биографии, их выбора жизненного пути.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот и закрыта последняя страница книги, но мы не прощаемся с тобой, наш читатель... Сейчас, как и раньше, мы снова готовимся к походам и экспедициям. Может быть, и ваш отряд собирается в путь? Тогда мы, возможно, встретимся на туристских тропах Карельского перешейка или в Подмосковье, например в Горках Ленинских? Там живут и учатся наши добрые друзья. Собираемся на Кольский полуостров и в Прибалтику, в Архангельскую область и на Дальний Восток. Осталось наметить сроки — месяцы и годы. Сразу всюду не успеть...

Новое поколение следопытов прокладывает маршруты на картах, листает справочники и путеводители, работает в фондах музеев, отправляет письма далеким друзьям и ждет ответов. Этим ребятам недостаточно знать, как много успели сделать их предшественники. Они сами все хотят увидеть, сами хотят пройти, сами испытать чувство первооткрывателей. Их желание понятно и вполне объяснимо. Именно поэтому мы стараемся не сидеть на месте, а каждые каникулы отправляемся в походы и экспедиции.

Путешествие в историю продолжается!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	УМОМ И СЕРДЦЕМ... Т. Бондаревская . . .	3
ИСТОРИЯ — ВСЕГДА РАЗВЕДКА		
ДОМ У ЗАЛИВА	Дачники поневоле	7
	Кто он, Микко Уотинен?	9
	Где эта улица, где этот дом?	14
	Архив в платяном шкафу	21
	199 = 199?	24
ТОВАРИЩ ВОРОШИЛОВ ПИСЬМО НАМ НАПИСАЛ	Мы можем быть полезными	29
	Большевистское подполье в Териоках	30
	Всё о Пчеле	32
	Письмо в Кремль	41
ЗАГАДКА ПАРТИЙНОГО КЛАДА	Какие клады бывают?	45
	Солдат революции	46
	Вокруг да около	50
	Московские каникулы	53
	Приближение к истине	55
	Искать и снова искать!	57
ОПАСНЫЙ МАРШРУТ	Один день в начале века	61
	Из точки А в точку Ц	62
	О чем писали газеты?	66
	Тайные агенты идут следом	68
	Арест и освобождение	70
ШАЛАШ ИЗ ГРАНИТА	Задание школьного музея	73
	В гостях у архитектора	75
	Фотолетопись строительства	78
ПЕРВАЯ ЛЕНИНСКАЯ	Нам дорогое имя	83
	Незапланированные трудности	84
	Первая годовщина Октября	86
	Семеновская школа имени товарища Ленина	88
	Слово имеет 7-й «б»	90
ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ		
ВОДНЫЙ ПУТЬ ИМЕНИ ВОЖДЯ РЕВОЛЮЦИИ	«Дебри» неизведанные	96
	Разведка	97
	Что такое ТВС?	100
	По замыслу Петра I	107
	На Каспийском склоне	109
	«Тихвинки» и «соминки»	110
	Курсом на Волгу	113
	Устюжна	117
	Работяга Волго-Балт	118
	Удивительный памятник	120
ПО МАРШРУТУ ЮНОГО ФРУНЗЕ	Далекая окраина России	123
	Время действия — наши дни	127
	Страницы походного дневника	130
	Каждый конец есть только начало...	138
	ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	142

Дорогие читатели!

Автор, художник и редакция
ждут ваших отзывов о содержании
и оформлении этой книги.

Укажите, пожалуйста, свой точ-
ный адрес и возраст.

Пишите по адресу: 191187, Ле-
нинград, наб. Кутузова, 6. Дом дет-
ской книги издательства «Детская
литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Усыскин Григорий Самойлович
В БЫЛОЕ — ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ЛЕТ

Ответственный редактор Н. Г. Ф е ф е л о в а.
Художественный редактор В. П. Д р о з д о в.
Технический редактор Т. С. Т и х о м и р о в а.
Корректоры Н. Н. Ж у к о в а и Т. Г. Я н и н а.

ИБ 9576

Сдано в набор 28.08.86. Подписано к печати 18.02.87.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт балти-
ка. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 25,18.
Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 100 000 экз. М-19 733. Заказ
№ 109. Цена 65 коп. Ленинградское отделение орденов
Трудового Красного Знамени и Дружбы народов изда-
тельства «Детская литература» Государственного коми-
тета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ле-
нинград, 2-я Советская, 7.

Усыскин Г. С.

У82 В былое — для грядущих лет: Научно-художественная кни-
га./Рис. и оформл. Л. Бирули. — Л.: Дет. лит., 1987. — 143 с., ил.

В пер.: 65 коп.

Книга Г. С. Усыскина, кандидата исторических наук, который много лет руководит работой крас-
ных следопытов в Ленинградском Дворце пионеров имени А. А. Жданова, рассказывает о поиске мало-
известных фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина и его соратников.

65 коп.

